

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

МАРИ ФОРС

Серкс

МАШИНА

Он хорош только в одном деле и только в этом деле — и она безумно желает насладиться им сполна. Хани Кармайл никогда не испытывала будоражащего оргазма, и она собирается исправить это с помощью единственного мужчины в городе, известного своими превосходными навыками в постели. Блэйк Дэмпси рад помогать Хани с решением ее «проблемы» до тех пор, пока она осознает, что его интересует только секс. Его сердце было разбито, когда его девушка погибла в автомобильной аварии, единственное, что он может предложить, это то количество оргазмов, которое Хани способна выдержать. Она принимает правила, но со временем фантастических оргазмов становится мало им обоим, и неожиданные чувства превращают горячий секс в запутанную связь, которую они не планировали. Но знаете, что говорят о планах... Сексуальный, грязный роман, предназначенный для взрослой аудитории. Если вы не в силах выдержать жар спальни Блэйка, не читайте, иначе получите ожог. Вы были предупреждены!

Мари Форс

Секс-машина

Глава первая

Хани

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул. — Я горжусь тем, что не моргнула, глядя в нежно-голубые глаза мужчины, которому я так грубо, и главное публично, это предложила.

Блэйк Дэмпси захлебнулся пивом, его глаза увлажнились, когда пиво сокрушительно вторглось в его легкие.

Впервые с момента, когда я вошла в темный, сырой бар, моя решимость начинает ослабевать. Я задаюсь вопросом о разумности этой миссии. Но если я не возьму быка за рога, буквально, я могу никогда не узнать, почему все раздувают такой долбаный интерес вокруг секса. Моя лучшая подруга Лорэн убедила меня, что наш старый друг Блэйк Дэмпси средство от моей «проблемы», и испытала она это на собственном опыте.

Я нежно постучала по его спине, надеясь вернуть его к ровному дыханию, дабы продолжить наш диалог. Мертвым он будет бесполезен.

Он все еще продолжал откашливать пиво, и люди стали обращать на нас внимание, что противоположно тому, чего я хотела. Я планировала прийти и погрузиться в бар, в котором Блэйк пьет свое «за окончание дня» пиво. Озвучить свое предложение, и уйти из бара с ним.

Я не рассчитывала, что он подавится своим пивом и привлечет взгляды всех мужчин этого заведения ко мне, пока он будет восстанавливать дыхание, а я буду ждать его ответ. Что, если он откажет? Мужчины никогда не отказывали Хани Кармайкл, что и является частью моей проблемы. Я привлекаю их как пчел на... на мед¹. Но я никогда не пыталась удержать их, поэтому заработала репутацию девушки «полюбила и бросила», не смотря на то, что это никогда не являлось моей целью. Нет, мне нужен один!. Когда-нибудь. И пока я его не нашла, вот она я, держу быка за рога.

Моя дорогая бабуля говорила, что я не виновата в том, что была одарена густыми волосами цвета блонд с медовым оттенком, бездонными карими глазами и грудью, которая привлекала ко мне больше внимания, чем я когда-либо желала, еще со времен средней школы. Не говоря уже о длинных ногах, которые невероятным образом оставались загорелыми круглый год и задницей, которую один из бывших парней называл произведением искусства. Я никогда не буду отрицать, что испытывала избыток мужского внимания.

Проблема в том, что я никогда не испытывала будоражащего оргазма с мужчиной, поэтому я до сих пор свободна в мои почти тридцать лет. Я лучше буду одна, чем с мужчиной, который меня не удовлетворяет. Но любопытство касательно того, что я упускаю, привело меня к сегодняшней миссии, которая с треском проваливалась.

Блэйк наконец-то прекратил плевать и посмотрел рассеянным все еще полным слез взглядом.

— Не повторишь свою просьбу еще разок?

— Ты прекрасно расслышал меня в первый раз. — Я выдерживаю его пристальный взгляд, стараясь не выдать мою нервозность.

Его стальные голубые глаза, кажется, смотрят сквозь меня, в поисках подтверждения моего наглого предложения. Несмотря на сталь его взгляда, я успеваю заметить печаль, которая вызывает во мне желание обнять его и сказать, что все будет в порядке, несмотря на

то, что я не могу быть в этом уверена. Желание сделать его жизнь лучше, является второй причиной, по которой я разрешила Лорэн уговорить меня предложить ему. Пока он прогоняет пальцы сквозь свои короткие грязно-светлые волосы, я люблю его торсом, идеальными мышцами, выпирающими из-под его рабочей футболки.

У меня текут слюни от мысли обо всех этих мышцах обернутых вокруг моего тела. Я облизываю губы в момент, когда мои соски стойко заявляют о себе и моя киска сжимается в предвкушении. Со слов надежного источника, Лорэн, у Блэйка самый большой пенис в городе и он знает, как им пользоваться. Эта мысль вызывает во мне усиливающуюся пульсацию между ног. В тяжелые времена требуются отчаянные меры, и выбор лучшего парня. А это определено отчаянные времена.

— Что натолкнуло тебя на эту мысль? — Он сексуально потягивается на барном стуле, но продолжает испепелять меня взглядом. Глядя на него, грязного после дня тяжелого физического труда, можно принять его за обычного рабочего.

Но это было бы ошибкой.

Блэйк управляет одной из наиболее успешных строительных и реконструкционных компаний в округе, и, судя по его запачканной одежде, он работает так же тяжело, как и его подчиненные. Заляпанный, он выглядит еще аппетитнее.

— Ты наконец-то перетрахала всех парней в городе? Остался только я?

Я не могу отрицать, что, возможно, у меня было слишком много встреч на одну ночь в поиске чего-то неуловимого, что другие женщины воспевали так поэтически. Для меня же ничего особенного не происходило, два тела сочетаются вместе, дабы сжечь немного энергии. Подумаешь. Я никогда не понимала вокруг чего вся шумиха, чем недавно и поделилась с Лорэн. Когда она перестала надо мной смеяться, Лорэн сказала:

— Если ты хочешь узнать вокруг чего вся шумиха, тебе нужно трахнуть Блэйка Дэмпси.

Лорэн должна знать. Она была с ним пару лет назад и провозгласила его абсолютной секс-машиной в постели. Лорэн уверяет, что результатом договора с Блейком будут бесконечные оргазмы и удовольствие, которое раньше я и представить не могла.

— Одна ночь с ним, — сказала Лорэн, — и ты поймешь причины шумихи.

— А тебе все равно? — спросила я у подруги.

Лорэн пожала плечами.

— Между нами был только секс. Это все, на что он способен. Все об этом знают. Девушка будет полной дурой, если ждет от него большего, так что я взяла то, что могла получить, и когда это закончилось, это закончилось. Это было давным-давно. Он и его Член.

Не смотря на то, что я знаю Блэйка всю свою жизнь, никогда не рассматривала его как возможного парня. Возможно, потому, что моя лучшая подруга спала с ним. Мне отчаянно необходимо узнать, что же я упускала, поэтому вошла в бар и попросила то, от чего моя милая бабуля, без сомнения, перевернулась в гробу.

Я не могу думать о том, что бы сказала бабуля о моей бесстыдной просьбе. Все, о чем я могу думать с момента разговора с Лорэн неделю назад, это слова «машина» и «бесконечные оргазмы». Лучшие оргазмы в моей жизни я доставила себе сама, поэтому нуждаюсь в Блэйке и его легендарном члене.

— Ты собираешься ответить на вопрос?

Туман начал рассеиваться и я поняла, что таранилась на него, пока он ждал моего ответа. — Каков был вопрос?

— Ты перетрахала всех парней? Остался только я?

Я вздрогнула от его осуждающего тона. Я не горжусь числом мужчин, которые прошли мой тест-драйв, в поисках смысла шумихи.

— А тебе то что?

— Мне пофиг. — Это широко известный факт, что Блэйку Дэмпси плевать на все, кроме его семьи, его бизнеса, людей, которые на него работают и некоторых избранных друзей, одним из которых являюсь я, или являлась пять минут назад. Он пожимает плечами, допивает пиво и кладет десять долларов на барную стойку. — Это твое дело, не мое.

Когда он встает во все свои 192 сантиметра высоты и смеряет меня взглядом сверху вниз, я практически проглатываю свой язык. Мои соски упираются в бюстгальтер, как будто пытаюсь дотянуться до него. Я задерживаю дыхание в ожидании.

Он нагибается вниз, ближе к моему уху.

— Следуй за мной домой. — Его тон грубый, сексуальный и властный.

От предвкушения меня пробирает дрожь. Я посмотрела на его широкие плечи, узкие бедра и ниже, где проглядывались очертания его легендарного пениса, что заставило меня снова облизать мои губы. Мягкие, потертые джинсы обнимали его в правильных местах. Я еле сдерживалась, дабы не броситься искать заветную пуговицу и не начать все, чего желала.

Мой рот увлажняется, когда я представляю его огромный член освобожденным от одежды, созревшим для моего рта, моей киски и любого места, где он решит его применить. *Стоп. Что? Нет, не это*, не с ним. Ни за что.

— Хани?

Я снова вышла из сексуального ступора и заставила себя посмотреть ему в глаза. Если мысли о сексе с ним так меня возбуждают, то, как же я буду возбуждена в процессе самого секса.

— Ты идешь?²

Не смотря на то, что Лорэн уверила меня в том, что он не откажет, я все же удивилась, что он принял мое предложение. *О Боже!* Я действительно собираюсь заняться сексом с Блэйком Дэмпси. Опустив руку на его мускулистую грудь, я сказала:

— О да, я пойду, и ты тоже, большой мальчик.³ — Дерзкое заявление. Именно такого дерзкого заявления он от меня и ожидал.

С пульсирующей жилой на его точеном подбородке — единственной эмоцией на его безразличном лице, он берет меня за руку и направляется к двери.

Не обращая внимания на любопытные глаза других посетителей, я концентрируюсь на том, чтобы успевать за ним.

— Где твоя машина? — спросил он, когда мы вышли на улицу в исчезающий солнечный свет.

Тепло долгого солнечного дня отражается волнами от асфальта, но по телу пробегает дрожь от его хищного взгляда, обращенного на меня.

— Вот она. — Я указываю на мою маленькую серебристую машинку, у которой на боку красуется наклейка с рекламой моей фото студии.

— Я подожду тебя. — Он отпускает мою руку и направляется к своему черному грузовику, на боку которого эмблема его собственной компании. Широкими шагами он пересекает тротуар. Я слежу за его походкой, очарованная тем, как джинсы сидят на его упругом задке. И не могу дождаться, чтобы узнать, так ли хорошо смотрится его задница голый, как в джинсах. Кого я пытаюсь обмануть? Она будет выглядеть еще лучше.

Очнувшись от мыслей, я приказала своим ослабшим ногам *двигаться*. Наконец-то они

меня послушались, и устремились к моей машине. По дороге я умудрилась уронить ключи на грязной пыльной парковке. Я нагнулась, чтобы их поднять и почувствовала, что он пристально смотрит на мою задницу из своего грузовика. Дрожь во мне разрослась, пока я пыталась разобраться с ключами и завести машину. На этой стадии мне необходимо хорошенько успокоиться до того, пока я получила желаемое от Блэйка.

Его грузовик поднимает огромные клубы дыма, когда он выезжает с парковки в сторону 90-го шоссе, покидая деловой центр города Марфа, штат Техас. Солнце ярким шаром светит в небе, пока я следую за ним на безопасном расстоянии. Последнее, что мне нужно, это ударить зад его тачки, потому что я нервная дурочка. Не то чтобы я никогда не напирала на парня. Я так поступала, раз или два. Но, не смотря на то, что у нас общие друзья и мы знаем друг друга вечно, Блэйк всегда был на расстоянии и вне зоны доступа. Мне потребовалась вся моя смелость, для того, чтобы зайти в бар и сказать то, что я репетировала с Лорэн до тех пор, пока это не зазвучало правильно. Дрожащими и потными руками я потянулась к своему телефону.

— Что он ответил? — спросила Лорэн, ответив на звонок, на первом же гудке.

— Я следую за ним к его дому.

— К его дому?

— Да.

— Это глобально! Он никогда не приглашает женщин к себе, — Лорэн визжит: — Я ревную!

Насторожившись, я пустила руль в сторону прежде, чем снова выровнять машину.

— Ты сказала, что тебе все равно! — Я не могу потерять Лорэн, она мой ближайший родственник, который остался. — Я сейчас же все отменю, если ты ревнуешь меня к нему.

— Я не ревную к нему. Я ревную, к его Члену.

Я тяжело сглотнула.

— Он не может так сильно отличаться от всех остальных.

Грязный смешок Лорэн раздался в телефоне.

— О, Хани... Ты не представляешь, что тебя ждет. Завтра, когда ты будешь ходить на подкашивающихся ногах, вспомни, что я тебя предупреждала.

Капля пота скатилась вдоль моей спины. Зажав телефон между ухом и плечом, я включила кондиционер на полную мощность и продолжила следовать за черным грузовиком, который свернул налево, на догу Антилоп Хиллс.

— Ты склонна к преувеличениям, Ло.

Фыркающий смешок Лорэн послышался в телефоне.

— Скоро ты узнаешь, что *не* преувеличиваю. Позвони мне утром. Я хочу услышать все подробности. По правде говоря, было бы лучше, если бы ты конспектировала.

— Заткнись.

— Хани...

Необычная для Лорэн серьезность в голосе мгновенно насторожила меня.

— Что?

— С тех пор, как умерла твоя бабушка, ты искала место, которое смогла бы снова назвать домом. Этого не произойдет с ним. Не смотря ни на что, не забывай этого. Ты меня слышишь?

— Я слышу тебя.

История Блэйка известна в городе. Он винит себя в той автомобильной аварии, которая

случилась в наш выпускной год, и отобрала жизнь его девушки, Джордан Пуллмэн, которая так же была подругой для меня и Лорэн. Смерть Джордан потрясла весь наш класс, но Блэйка она потрясла больше всех. Даже когда полиция подтвердила, что виновником аварии был другой водитель, Блэйк продолжил винить себя. Он отстранился от людей — особенно женщин — с тех пор, вкладывая всю свою накопившуюся энергию в бизнес. Периодически он заводит любовниц, но не более чем на одну ночь.

Моя история так же всеобща известна. Я была подброшена на порог церкви в один день от роду, Нора Кармайкл, которая никогда не была замужем, приютила меня и вырастила, как свою собственную. Норе было шестьдесят с хвостиком, когда я появилась, поэтому я всегда называла ее «Бабуля». Она умерла десять лет назад, когда мне исполнилось только двадцать, бросив меня, самой стоять за себя в этом безжалостном мире. У меня все было хорошо, учитывая обстоятельства, но это была борьба.

— Позвонишь мне утром? — спросила Лорэн.

— Позвоню.

— Помни: только секс.

— Я поняла.

— Ты сказала «я хочу, чтобы та меня трахнул»? — спросила Лорэн. Мы обсуждали несколько способов, дабы расколоть его лед, и остановились на самой прямой просьбе из всех.

— Конечно, я сказала именно так.

— Мне нужно обратиться так же к Гаррету.

Бедная Лорэн страдала уже несколько лет по Гаррету Маккинли, работавшему бухгалтером на компанию Блэйка и большинство других компаний в городе, включая мою.

— Что тебя останавливает?

— Ум, только тот факт, что он думает, что я безмозглая шлюшка.

— Ты не безмозглая, и не шлюшка. Посмотри, как ты подняла свой бизнес с обычного цветочного магазина. Как он может думать, что ты безмозглая?

— Может быть потому, что я так себя веду, когда он находится в той же самой индексной зоне, что и я?

— Я все равно настаиваю, чтобы ты наняла его для работы с твоей бухгалтерией. Тогда он сможет узнать. Насколько ты умная на самом деле.

— Нет. Я не доставлю ему такого удовольствия.

Я заметила, как Блэйк остановился на подъездной дорожке в квартале от меня. Дверь гаража на две машины начала подниматься вверх, и Блэйк заехал внутрь.

— Мне пора. Мы у его дома.

— Только секс, — еще раз повторила Лорэн.

— Я слышала тебя еще в первый раз. Пока, Ло. — Окончив звонок, я повторила замечание Лорэн. — Только секс. — Последнее место в мире, где я могла бы найти дом — это руки самого отстраненного мужчины, которого я знаю. Нацелившись получить эту ночь, и только эту ночь, с ним и Членом — мысль, которая заставила меня нервно хихикнуть — я последовала за сигналом руки Блэйка и въехала в пустую половину гаража.

К моменту, когда я вышла из машины и достигла его комнаты для стирки, которая присоединена к гаражу, он уже снял свои рабочие ботинки и разделся до трусов-боксеров, которые обнимали его тугую задницу.

Я таранилась на мускулы на его спине, которые вели к бесподобным ягодицам — и

думала, хочет ли он трахнуть прямо здесь, и прокашлялась, дабы напомнить о себе.

Он неспешными движениями забросал всю свою одежду в стиральную машину, добавил порошка и запустил стирку. Потом, проигнорировав меня, направился в кухню.

Не уверена, что мне нужно было следовать за ним, но все же я пошла.

Он подал мне листок бумаги.

— Скажи им, что я буду то же, что и всегда и закажи себе все, что хочешь.

С горем пополам я оторвала свой взгляд от вызывающей желание облизать мужской грудной клетки и от прорисованных кубиков пресса, которых ранее никогда не видела, чтобы посмотреть на листок бумаги. Я узнала эмблему Пицца Фаундейшн.

— Они не осуществляют доставку.

— Они осуществляют доставку для меня. Я приплачиваю.

— Я не голодна.

Он бросил на меня многозначительный взгляд.

— Я работал весь день, и если от меня ожидается работа и на всю ночь, мне нужно топливо — и тебе оно необходимо.

Тепло расплзлось по моей груди лицу, когда я осознала его слова. *Всю ночь. Вау.*

— Сделай заказ. Я пойду приму душ. Напитки в холодильнике. Угощайся.

После его ухода, я еще долго просто стояла без движения посреди «лучшей, чем я представляла» кухни. Что я, черт возьми, здесь делаю? Я, правда, пошла в бар, где Блэйк Дэмпси завсегда, и попросила его трахнуть меня?

— Ты потеряла здравый рассудок, Хани Кармайкл.

Я могу все бросить и уйти, пока он в душе. Конечно, пару раз в год, когда я буду наткаться на Блэйка в продуктовом магазине или отделении почты, или домах общих друзей, мне будет неловко. Но я смогу с этим жить, дабы сохранить лицо.

Мой мобильник вырвал меня из парализованного состояния звуком о новом входящем сообщении. Копаясь в сумочке, я нашла телефон. От Лорэн: *Не смотри ни на что, не трусь. Ты будешь жалеть вечно, если трусишь. Уж поверь мне!*

Как всегда, у Лорэн развито чувство времени. Вдохнув и выдохнув на полную, я позвонила и заказала пиццу, взяла пиво из холодильника. Если и существует подходящее время для жидкой смелости, это именно оно.

Глава вторая

Блэйк

Девушка входит в бар и, черт возьми, шокирует парня... Даже через миллион лет я не ожидал, что этот день окажется таким, каким он оказался, с Хани в баре, просящей меня трахнуть ее.

Я провел бритвой по лицу, думая о безупречной комплекции Хани, и о том, что утром мне придется бриться снова, не смотря на ночные забавы. Моя борода отрастает быстро.

Хани Кармайкл наконец-то добралась до меня. Это заняло у нее много времени. Хани единственная девушка из моего детства, которая не бросалась на меня, с тех пор как я вырос из неуклюжего ребенка в закуску размера мужчины. Так же осталось загадкой, как она разобралась с другими мужчинами в городе.

Я всегда удивлялся — более часто, чем хотел это признавать — почему она, кажется, встречалась со всеми парнями в городе, кроме меня. Потому ли, что между нами всегда была какая-то искра, *что-то* потенциально зажигательное, или это только мне так кажется? Сейчас это не важно, решил я, выйдя из душа и схватив полотенце.

Впервые, я все же решил пройтись расческой по волосам и использовать лосьон после бритья, который мама подарила мне на Рождество. Сделав это, я сделал в три раза больше, чем я делал годами для других женщин, чтобы подготовиться к этому вечеру с Хани.

Хани Кармайкл.

Когда я думаю о предстоящей ночи, мой член вздрагивает в предвкушении. Будет ли она на вкус такой же сладкой, как и на вид? Будет ли ее грудь идеально заполнять руки, действительно ли ее грудь такая большая, как кажется? И правда ли, что медовый оттенок ее волос — это *натуральный* цвет? Мне не терпится узнать.

Последний раз, взглянув в зеркало, я решил, что выгляжу довольно презентабельно и направился в спальню. Черт! Простыни! Я не припомню, когда последний раз менял белье на своей королевского размера кровати. Двигаясь быстро, я схватил чистые простыни из шкафа и быстро их сменил. Потом я вытащил пару спортивных шорт и направился узнать, в какие передрыги влипла Хани в мое отсутствие.

Я нашел ее потягивающей пиво и листающей мой детский фотоальбом, который мама подарила мне на Рождество.

Не глядя на меня, Хани сказала:

— Ты был чертовски милым маленьким мальчиком.

— Ты должна знать. Ты была там. — Я не мог вспомнить время. Когда я ее не знал.

— Ты тогда был очень грубым и отдаленным.

Это меня удивило.

— Правда?

— Ага. Я помню, как приходила домой и говорила бабуле, что ты был груб со мной.

Я сел на диван, оставляя допустимое расстояние между нами. Мне нужно поесть до того, как я прикоснусь к ней, потому что, когда я начну, я не остановлюсь до восхода солнца. Слава богу, завтра суббота, и я дал своей команде выходные после месяца 7-ми дневной работы.

— Я был *груб* с тобой? Когда?

Хани деликатно хмыкнула, чем привлекла внимание моего беспокойного пениса. Он не может дожидаться своего участия в этой вечеринке.

— Ты, правда, не помнишь?

— Боюсь, что нет.

— Ты гонялся за мной по игровой площадке и щипал меня до тех пор, пока я не начинала плакать.

— Я так не поступал!

— Еще как поступал.

— Ты все придумываешь.

— Нет! Я прекрасно помню, кто щипал и доводил меня до слез.

— Извини, что заставлял тебя плакать.

— Ничего. Это было давно.

Мы разделили улыбку, полную ностальгии и обещания. И это все. Что я мог сделать, дабы удержать руки при себе. Зазвенел дверной звонок, спасая меня от столкновения фотоальбома с ее коленей и раннего начала вечерних торжеств.

Я заплатил доставщику и отнес коробку с пиццей и пакет на кухню, слюнки просто текли от запаха. Я всегда голоден после продолжительного рабочего дня. Достав пиво из холодильника, я открыл его. Хани появилась в дверном проеме, колеблющаяся и неуверенная, не похожая на женщину, которая смело подошла с предложением о сексе менее часа назад.

— Это все, что ты заказала? — спросил я, глядя на салат в пакете. — Этого и близко недостаточно.

— Это все, чего мне хотелось.

— Ты сожжешь *много* калорий сегодня ночью. — Мне нравится смотреть, как ее лицо заливается краской, когда я напоминаю ей, почему она в моем доме, и что должно произойдет после ужина. Я чувствую, что она и близко не такая смелая, какой хочет казаться после вульгарного предложения в баре. — Ничего. Я поделюсь с тобой пиццей.

Я открыл крышку, тонкая хрустящая пицца с пепперони и зеленым перцем, была приготовлена отлично.

— Вот это пирог, — сказал я, пока вкусные ароматы наполняют воздух.

— Она выглядит аппетитно, — сказала она задумчиво. — Не припомню последний раз. Когда я ела пиццу.

— Тебе она не нравится?

— Я люблю ее. В этом и проблема. Слишком жирная.

Я внимательно осмотрел точеную фигурку Хани, с изгибами в нужных местах.

— Ты можешь себе это позволить.

— Не тогда, когда я буду, есть пиццу каждый раз, когда мне ее захочется.

Из шкафчика над посудомойкой я достал две тарелки, положив три ломтика на свою и три ломтика на ее тарелку. Передавая ей блюдо, я сказал:

— Тебе понадобится сила, Хани — пучок овсянки.

— С твоей самоуверенностью никаких проблем, — прошептала она, но я могу сказать, что ей понравилось прозвище, что я ей дал.

Смеясь над ее комментарием, я изучал милый румянец на ее щеках, удивляясь, почему раньше не замечал, как светится ее лицо, когда она смущается. Если все пойдет по плану, ее лицо будет ярко-красным всю ночь. Я планирую смутить ее до безобразия, пока я закончу с

ней. Пока делаю глотки своего пива, я задерживаю взгляд на ней.

— Скажи мне кое-что, Хани Кармайкл. — Я подождал, пока привлек ее внимание. — Почему я? Почему сейчас?

Хани

Я колебалась с ответом на его вопрос. Должна ли я ответить честно? Что я слышала о том, как он хорош в постели, что я умираю, как хочу быть с реальным мужчиной, который не ведет себя, как подросток, который трахается впервые? Или прикинуться скучающей и позволить ему думать, что он один из последних мужчин в городе, которых я обделила своим вниманием, когда он далек от последнего оставшегося? Я никогда и близко не подходила к его друзьям Мэтту и Гаррету, например.

— Говори правду, Хани, — сказал он, как бы читая мои мысли.

Действительно ли он видит меня насквозь? Или он настолько проницателен? Я опустила свою вилку и промокнула губы салфеткой.

— Я хочу быть с тем, кто знает, что он делает, и кому не нужно говорить, что делать. — Слова вылетели из меня до того. Как я приняла осознанное решение ответить правду.

— Ты думаешь, я знаю. Что я делаю?

— Это то, что я о тебе слышала.

Он выпустил на волю раскаты смеха.

— Почему мужчин обвиняют в том, что они треплются о своих подвигах в постели, когда на самом деле это женщины треплется всем подряд?

— Мы не так много «болтаем», как сравниваем заметки.

— Неужели? И что же за «заметки» у тебя обо мне?

— Я их уже озвучила. Ты знаешь, что ты делаешь.

Блэйк покрутил пивную бутылку между пальцами и волком глянул на меня.

— Ты хочешь узнать, правда ли это?

Я тяжело сглотнула, стараясь не моргать, в то время как все мое тело начало гореть.

— Неужели мои действия на протяжении всего вечера не сказали это за меня?

Он улыбнулся мне высокомерно и сексуально в то же время.

— Ешь свою пиццу.

— Я не голодна. — Я слишком нервничаю, чтобы есть, но я не собираюсь ему в этом признаваться. То, что казалось гениальной идеей час назад, становится все нелепей с каждой минутой. Я знаю Блэйка всю свою жизнь, и после сегодняшнего вечера, каждый раз, когда я буду встречать его в городе, я буду вынуждена вспоминать, как я предложила ему, просила о сексе, как обычная шлюшка. — Я никогда не поступала так раньше. — Для меня стало важным дать ему понять, что я никогда так вульгарно не предлагала себя мужчине, как ему.

— Как не поступала?

— Не просила мужчину... ну, ты понимаешь...

В его глазах замерцало веселье:

— Не просила трахнуть тебя?

Ему обязательно бросаться моими словами в меня же? Я отодвинула свой стул от стола и встала.

— Я совершила ошибку. Мне не нужно было этого делать. Я не хочу, чтобы ты думал...

Он поднялся и быстро двинулся в мою сторону, чтобы остановить меня на пути к двери.

Не смотря на то, что он состоит из мышц и как минимум килограмм на тридцать тяжелее, он не испугал меня. Его близость вызвала приятные покалывания на моей коже. Волосы на его груди темнее, чем волосы на голове. Я позволила себе жадно разглядывать прекрасно развитые мышцы его грудной клетки, выточенные мышцы пресса и тонкую дорожку волос, которая начинается у его пресса и скрывается за поясом шорт. Я заставила себя поднять глаза и заметила, что он всматривается в меня.

Его руки на моих бедрах, притягивают меня ближе к нему, так близко, что наши дыхание смешивается, а его губы в опасной близости от моих.

Я не смогла не заметить, как прекрасно сочетаются наши тела, и как моя голова идеально ложится под его подбородком.

— Никогда не стесняйся просить то, что ты хочешь, — сказал он хрипло.

— Несмотря на то, что я сказала тебе в баре. Я не хочу, чтобы ты думал, что я дешевка.

— Я бы никогда так не подумал. Хани. Ты красавица. Я всегда так думал.

— Правда?

Он покачал головой и легко поцеловал меня в губы.

Я ощутила влияние этого поцелуя на каждую клеточку моего тела. Я прогнулась в его объятиях, желая большего.

Он прошелся губами по моей шее поцелуями, доставляющими щекотку, заставляя меня постанывать.

— Тише, — шепчет он. — Я дам тебе то, чего ты хочешь, дорогая. У нас вся ночь впереди.

Его слова успокаивают и зажигают меня одновременно. Как такое возможно?

— Прикоснись ко мне, Хани.

Неожиданно я понимаю, что мои руки неловко болтались на моих боках, пока он окручивал магическую паутину вокруг меня. Я подняла их к его спине, мои ладони почувствовали теплую, гладкую кожу.

Он выдохнул, и его руки упали на мою задницу, прижимая меня все ближе к его эрекции.

Когда я впервые ощутила его Член, я начала задыхаться, в то время как он вибрировал напротив меня. Я желала потрогать его там, но не прикоснулась, дабы не показаться слишком нетерпеливой.

Он принимает решение за меня, когда постанывает и кладет мою руку на его пульсирующий пенис.

— О нем ты тоже слышала?

У меня пересохло во рту, пока мои пальцы изучали его длину и толщину. *О, Господи.* Моя киска увлажняется от ожидания.

— Слышала? — спросил он.

Я кивнула и прижала руку к нему, поглаживая от основания до кончика, замечая, как он сжимает свою челюсть.

— Что они говорят?

— Ум... Говорят, что он большой.

— Неужели?

— Ты знаешь, что это так. — Я даже не понимаю, как все еще умудряюсь говорить, когда его руки впиваются в мою задницу.

— Он больше, чем ты когда-либо чувствовала?

— Да.

— Ты хочешь его внутри тебя?

— Да. О, да. — Все переживания о том, что я буду выглядеть жаждущей или дешевой улетели в цунами нужды и жажды, что расходится от моей ладони ко всем точкам соприкосновения моего тела.

Его дыхание напротив моего уха заставляет меня трепетать.

— Твоя киска увлажняется, когда ты думаешь об этом?

Я кивнула, и он удовлетворенно улыбнулся. С любым другим мужчиной надменность была бы концом, но с ним, не смотря ни на что, это подавляюще привлекательно.

— Мы дойдем до этого, — сказал он. — Со временем.

Я хотела зарычать в протесте, но он взял мою руку и повел в свою спальню.

— Это правда, что ты никогда не приводишь женщин домой?

Вопрос остановил его движение. Он повернулся ко мне и поднял бровь.

— Есть ли что-нибудь, что ты еще не слышала обо мне?

Я сжалась в надежде, что не испортила настроение одним вопросом.

— Я слышала, что это твое правило — не приводить женщин домой.

— Я и не привожу.

— Почему я? Почему сейчас?

Он улыбнулся, услышав, что я повторила его слова.

— Хани Кармайл попросила меня трахнуть ее. Я не мог повести самую горячую девушку в городе в дешевый мотель.

Неловкость момента ракетой напоминает мне о предложении, которое переплетается с неожиданным комплиментом.

— Ты когда-нибудь забудешь, что я сказала?

— Не в этой жизни, и не в следующей.

— Супер.

Его брови соблазнительно изгибаются, и удовольствие танцует в его обычно строгих глазах. Так замечательно видеть его улыбку.

— Все будет супер, дорогая. Я обещаю.

Мои ноги подгибаются от его чувственных полутонов, которые слышатся в его хрипловато звучащих словах.

Его пальцы нашли основание моего топа, и подняли его поверх моей головы. Когда он добирается до кружевного бюстгалтера, который я одела с мыслями о нем, его голубые глаза темнеют от желания. Бюстгалтер присоединяется к топу на полу.

— Розовые. — Говорит он, когда смотри на мою грудь.

— Что?

— Твои соски. — Он рисует круги вокруг каждого из них своими указательными пальцами. — Мне было интересно, какого они цвета. Теперь я знаю.

— Ты думал обо мне? До сегодняшней ночи?

Кивая, он тянет пуговицу на моих джинсовых шортах и снимает их так быстро, что я вынуждена ухватиться за его плечи. Чтоб не упасть со своих десятисантиметровых каблуков.

Мои трусики, которые сочетались с бюстгалтером, влажные от нашего словесного спарринга.

— Что еще ты хотел обо мне узнать?

— Соответствуют ли твои волосы внизу твоему имени так, как твои остальные волосы.

Он кладет руку на мой холмик, погружает свой средний палец между моими половыми губами и убирает ткань с моей горячей киски. — И они соответствуют.

Я стону и крепче хватаюсь за его плечи.

— Такая мокрая, — он шепчет. — И мы еще ничего не сделали.

Я не переживу это. Я хотела узнать вокруг чего такая шумиха, но ничто не могло приготовить меня к специфической сексуальности Блэйка Дэмпси. Если бы кто-нибудь до сегодня спросил меня, испытывала ли я настоящее желание, я бы сказала, что конечно испытывала. Но я была бы неправа. *Это* настоящее желание. Впервые в моей жизни, я это поняла. Если это тоже, что испытывают другие, то я понимаю, почему другие женщины сходят с ума от секса.

Он продолжает двигать своими пальцами вперед и назад, пока я отвечаю на его движения ритмичными сокращениями своих бедер.

— Не останавливайся. — Я на грани чего-то большего и мощного.

— И не думал. — Он обхватил меня за талию свободной рукой, прижал меня ближе и опустил голову, жестко посасывая мой сосок.

Я ухватилась за его волосы, чтобы удержать его там, пока я извиваюсь вокруг его руки и мой оргазм все приближается и приближается, и наконец-то волна за волной удовольствие, которого я никогда не испытывала ни с одним мужчиной, накрывает меня волной. Один оргазм, и он уже отличается от всех мужчин, с которыми я была. Я возвращаюсь в реальность и понимаю, что он опустил меня на свою кровать и возвышается надо мной.

Его беспокойные пальцы продолжают раздражать и поглаживать мою киску после толчков моего оргазма.

— Прекрасно, — мягко произносит он, заставляя меня сильно краснеть, когда я осознаю, как раскованно я, видимо, выглядела, в муках своего оргазма.

Напряжение в его челюсти выросло, пока он проводил меня сквозь мой катаклизм.

Я дотянулась и обхватила руками его лицо, и напряжение постепенно растаяло под моим прикосновением.

Он обхватывает мои груди и разглядывает мои соски, его глаза горят желанием и он углубляется своей головой в мое тело, касаясь языком моей плоти.

— Вкусно. — Он держит меня неподвижно, под жаром своего рта, пока он посасывает один, а затем второй сосок, и продолжает поглаживать меня между ног второй рукой. — Господи, ты сладкая, как мед. Я всегда знал, что так и будет.

Он всегда знал? Я провожу рукой по его мускулистой спине, пока не достигаю пояса его шорт. Сгорая от любопытства, я проталкиваю руку и хватаю его упругий зад. Это вызывает в нем измученный стон, и он еще сильнее посасывает мой правый сосок.

Я вскрикиваю, и снова сжимаю его зад.

— Дотронься до меня, Хани. — Его искушающий тон становится умоляющим. — Прикоснись ко мне, пока я не умер от желания ощутить твое прикосновение.

Я прекрасно осознаю, на какой именно части тела он желает ощутить мое прикосновение, и даже, если бы я и сомневалась, он приподнялся, чтобы предоставить мне больше доступа от задней части его шорт к передней. Начав с широкой основы, я безуспешно попыталась обхватить весь его массивный размер.

О мой бог. Я провела вверх, вверх, верх по возбужденному, пульсирующему стволу. *Иисус, он огромен.*

Я испытала самый взрывной оргазм в моей жизни, мой клитор содрогается в новой

волне предвкушения. Мышцы моих бедер напряглись, пытаюсь найти облегчение потребности, которая опять начинает пульсировать во мне.

Пока я изучаю его длину, Блэйк неподвижно нависает надо мной. Его глаза закрыты, его адамово яблоко пульсирует. То, что я произвожу на него такой эффект, является мощнейшим афродизиаксом для меня, не то чтобы мне нужна была помощь в отделе возбуждения. Я никогда еще не была так заведена.

Наконец-то я достигаю кончика и провожу большим пальцем по жидкости, которая собралась на нем. Я позволила своему большому пальцу полностью углубиться в кончик, чем вызвала глубокий стон его хозяина.

Внезапно уже не достаточно ощущать Член. Я хочу его увидеть, что вызывает еще один измученный стон, и он опускает шорты ниже по бедрам.

— Ложись на спину.

— Подожди, я хочу...

— На спину, — сказала я более настойчиво.

— Все, чего пожелает леди.

После того, как он сменил позицию, я освободила его пенис от шорт. Мои глаза округлились, и рот раскрылся от изумления.

— Нравится то, что ты видишь? — спросил он, следя за каждым моим движением.

Я кивнула, в то время как очередная струйка тревоги пробежала по моей спине. Другие любовники говорили, какая у меня маленькая и упругая киска. Что, если он просто не войдет в меня?

Он убирает прядь моих волос со своей груди, привлекая мое внимание к его лицу.

— Не переживай. Мы начнем аккуратно и медленно.

Меня должно беспокоить, то, как хорошо он умеет читать мои мысли, но я слишком сосредоточена на мужском буфете, который открылся передо мной, жаждущий моего следующего движения. Я опустила голову и начала с легких поцелуев его груди, фокусируясь на его темных сосках, дразня их губами и языком, пока они не возбудились от внимания. Параллельно я провожу грудью по его точеному животу.

Продолжая двигаться ниже, я целую, щипаю и облизываю дорожку к его пупку. Он пахнет мылом, солнечным светом и жестким, мускулистым мужчиной. Погружая язык в его пупок, я удивляюсь, когда чувствую, что его хватка на моих волосах усиливается, и он делает резкий глубокий вдох. Полная решимости, я оборачиваю руку вокруг его члена и отрываю его от живота.

До него, я и понятия не имела, что пенисы могут быть настолько большими. Языком я прикоснулась к его кончику, дразня и двигая им вперед и назад.

— Черт, — прохрипел он. — Хани...*Господи*. — Его глаза закрыты, его голова откинута назад, и вновь его адамово яблоко совершает свои пульсирующие движения в его горле.

Я открываю свой рот так широко, как только это возможно, и охватываю головку его широкого члена губами, всасывая и двигаясь по нежной плоти, облизываю его языком, продолжая двигать по нему рукой. Всасывая еще несколько сантиметров ртом, я стону от осознания, что я не смогу охватить его весь.

Вибрация моих стонов по его стержню ведет к его резким стонам, что только подогревает меня в цели доставить ему максимум наслаждения, на которое я способна. Он всегда так серьезен и сосредоточен. Я хочу избавить его от тяжелой ноши, даже если это

только на время.

Я возвращаюсь и провожу языком от кончика до основания, сосредоточившись на мошонке. Обвожу языком вокруг одного яичка, затем второго. Упираясь руками в его бедра, я заставляю его приподняться и развести ноги шире.

Мгновенно мой язык соприкасается с чувственной кожей под его мошонкой, и он взрывается, посылая потоки семени выстрелами на свою грудь и живот.

Я сжимаю его сильнее в своей руке, двигая ей так сильно, как только осмеливаюсь, и вызываю очередной глубокий стон.

— Черт возьми, — шепчет он, все еще тяжело дыша.

Я свечусь победительной улыбкой и использую руку, чтобы растереть его горячее семя по его точенному прессу.

— Хани! Черт! — Его только что удовлетворенный член снова возбужден, и заявляет о своей мощи, пульсируя у меня на груди. Я скольжу грудью по животу и увлажняю ее, затем я зажимаю член грудью, соблазнительно двигаясь на нем, вперед и назад, имитируя половой акт.

Спустя несколько минут Блэйк вздрагивает и останавливает меня.

— В следующий раз я хочу кончить внутри тебя. — Он проводит руками по моим спутанным волосам. — Дай мне подняться, дорогая.

Я переворачиваюсь на спину и наблюдаю, как он направляется в ванную, нагло пялясь на его круглую задницу. Вода включается и выключается. Спустя минуту он возвращается с полотенцем, которое использует, чтобы очистить меня. Еще он принес какую-то бутылку, которую он ставит на прикроватной тумбочке, и ленту презервативов.

Я смотрю на бутылку, пытаюсь понять, что в ней.

Он бросает полотенце на пол и возвращается в кровать, притягиваясь ко мне.

Несмотря на то, что я немного смущена своим наглым поведением, я хочу его еще больше, я охотно сворачиваюсь в его объятиях. Блэйк удивляет меня, когда он поднимает мой подбородок и начинает целовать меня с той же интенсивностью и вниманием к деталям, которые он проявил не так давно. Его язык мягкий, но напористый, я открыла рот и впустила его. Его поцелуи становятся напористей, что мне нравится. Его рука, грубая и шероховатая от многих лет тяжелой работы, оставляет мурашки на моей коже, пока движется от плеча к бедру.

Пока его язык исследует потайные уголки моего рта, его пальцы дразнят основание моей задницы, потягивая полоску трусиков. Трение от моих трусиков возбуждали мой клитор. И теперь он жаждет прикосновений.

Я вожу своей ногой между его ног, касаясь его бедра, в поисках облегчения.

Блэйк прерывает поцелуй и зарывается лицом в углубление на моей шее. Он привлек все мое внимание, когда его палец проскользнул между моих ягодиц и прижался к моему анусу.

— Кто-нибудь овладевал тобой здесь, дорогая?

Я никогда особо не интересовалась анальным сексом, да и мои бывшие любовники тоже, слава богу. Потрясенная идеей сделать это с ним — и его Членом — я помахала головой.

— Я хочу быть твоим первым.

Дрожь прошла от макушки до кончиков пальцев на ногах, когда я подумала о его огромном пенисе там.

И опять читая мои мысли, он сказал:

— Я мог бы сделать тебе так хорошо. — Его палец дразнит мое сопротивление, вызывая прилив соков к моей киске, мышцы сворачиваются в тугое кольцо. — Так, так хорошо.

Я задыхаюсь от мысли быть заполненной там, и стону, когда он внезапно покидает меня. — Я должен сделать это правильно.

У меня даже не было шанса спросить, что именно он хочет сделать правильно, он уже на коленях, срывает мои трусики и бросает их через плечо. Он раздвигает мои ноги, разводя их так широко, как это возможно, мои бедра сводит от усилий удержаться в этом положении.

— Это все. — Он проводит руками по внутренним сторонам моих бедер, дразня мою чувственную кожу. — Держи их как можно шире. — Шлепаясь на живот, он проводит языком по одному трепещущему бедру, затем по второму. — Держи свои губы открытыми, — говорит он, дыша у моей чувственной плоти. — Мне нужны мои руки.

Напуганная его просьбой, я чувствую, как тепло разливается по моей груди и лицу, я подчиняюсь его указаниям. Мои пальцы скользят по скользкой коже, я держу свои половые губы открытыми для его осмотра.

— Великолепно, — говорит он, дуя горячим потоком прямо на мой клитор.

Я сдерживаю крик, потому что он почти заставил меня кончить этим простым действием.

— Не сдерживай себя. Если хочешь кричать, кричи, никто, кроме меня, тебя не услышит.

Господи, я не смогу больше взглянуть на него после этой ночи, но, по крайней мере, я буду знать причины шумихи, и мы ведь еще даже не дошли до основного действия.

Он потряс меня первым ударом своего языка.

— Не отпускай, — сказал он. — Держи эту красивую киску открытой для меня. — Второй удар не менее удивителен и жалящий, он вертит кончиком своего языка вокруг моего клитора, затем он делает тоже своими губами и слегка подергивает. Он проталкивает палец в мой проход, проворачивает его и находит точку, к которой ранее никто не прикасался.

Я не могу сдержать свой крик, в то время как двигаюсь в направлении его лица и пальца.

Добавляя второй палец, он двигается взад-вперед, пока его губы и язык сосредоточены на моем клиторе. Свободной рукой он охватывает мою левую ногу, чтобы открыть меня как можно шире. И продолжает двойное наступление до тех пор, пока меня не накрывает второй оргазм, еще более сильный, чем первый.

Я все еще кончаю, когда он вынимает свои пальцы, потягивается надо мной к бутылке, и затем засовывает палец мне в анус, смазывая вход холодным лубрикантом. Вторжение его пальца вызывает очередную волну оргазма, и мне кажется, что я вижу звезды. Я и представить не могла, что я так чувствительна там, и это открытие, вдобавок к остальным, заставляет меня цепляться за то, что осталось от человека, которым я была ранее, до того, как вошла в спальню Блэйка Дэмпси.

Я взглянула вниз и увидела, что его язык все еще впитывает мои соки, а его палец все еще глубоко в моей заднице.

Он отпускает мою ногу, дотягивается и быстро, но напористо щипает мой сосок.

— Такая, такая горячая, Хани Кармайл. Почему ты ждала так долго. Чтобы придти ко мне? — Двигая свой палец еще глубже в мою задницу, он сосет мой клитор и вызывает серию маленьких взрывов, которые заставляют мои ноги дрожать, и прерывисто дышать. Я

никогда в жизни столько не кончала, даже с моим верным вибратором.

И когда я уже готова умолять его остановиться, он внезапно покидает меня, оставляя потную, дрожащую на его кровати, пока в очередной раз уходит в ванную.

Когда он возвращается, мой взгляд прикован к его пенису, который гордо стоит напротив его живота, такой твердый, практически сиреневый, и мокрый на кончике.

Он забирается в кровать между моих ног, и утраивается поверх меня, держа почти весь свой вес на локтях. Убирая волосы с моего лица, он смотрит на меня изучающим взглядом.

— Привет.

— Привет. — Я все еще тяжело дышу, и пытаюсь понять, куда мне смотреть. Если я встречу с ним взглядом, то боюсь, что выдам слишком много информации о том, как сильно он сокрушил меня. Помня предупреждение Лорэн, я должна что-то оставить при себе. Если я отдам ему все, я об этом пожалею.

— Посмотри на меня.

Поверить ему и раскрыться полностью. Я взглянула в его голубые глаза.

— Ты в порядке?

Я кивнула, чувствуя, как предательская краска заливает мои щеки.

Он целует меня в обе щеки, в нос, и наконец-то в губы.

— Готова к основному событию?

Я отвела взгляд.

— Надеюсь, что готова.

— Ты боишься, Хани?

Я прикусила губу и кивнула.

— Немного.

— Я не причиню тебе боль. Ты ведь знаешь это, правда?

— Ты ведь щипал меня раньше, — сказала я, дабы разрядить обстановку.

— Это было давно. — Еще больше поцелуев, и его член все настойчивее пульсирует на моем животе. — Я никогда не причиню тебе боль сейчас, и не сделаю то, чего ты не хочешь так же сильно, как и я.

— Ты меня хочешь?

— Еще как хочу. — Он прижал свои бедра еще ближе ко мне. — Ты чувствуешь, как сильно я тебя желаю?

— Да. — Мои руки двинулись по его спине, в направлении его зада, который притягивает меня, словно магнит.

Он издал нечеловеческий стон.

— Я не могу больше ждать, Хани. Я взорвусь вокруг тебя, если мы не поторопимся. — Он начал подниматься, заставляя меня отпустить его. Сидя на краю кровати, он развернул презерватив вдоль своей длины.

На упаковке, что упала на кровать, написано XL, что заставило меня нервно сглотнуть.

— Прекрати думать. Я слышу, как ты думаешь.

— Я не думаю. — И снова я поражена тем, насколько легко он меня читает. Никто и никогда не был способен так хорошо меня читать, и немного странно понимать, что этого мужчину я знаю всю свою жизнь, и он единственный, кто на это способен. *Стоп. Не думай об этом. Это только одна и единственная ночь. Наслаждайся каждой секундой, но не думай, что это что-то большее, чем это никогда не будет на самом деле.*

Располагаясь между моих ног, он целует меня в губы мягко и нежно — так мягко и так

нежно, что тяжело помнить, что мне нельзя думать о чем-то большем.

Мои напряженные, пульсирующие соски трутся о волосы на его груди, в то время, как его член занимает позицию между моих ног. Я не могу остановить близкие к рыданиям стоны, что вырываются, пробивая мою напускную смелость.

— Расслабься, милая, — шепчет он, целуя мое лицо и шею. — Я обещаю, что не причиню тебе боль. — Он берет себя в руку и двигает кончиком своего пениса вдоль клитора и входа в мою киску, пульсируя и прижимаясь к входу несколько раз и отступая обратно. После третьего отступления, он двигает головку вперед к моему нежному входу и постепенно сжимает свои бедра.

Мой первый порыв — зажаться.

— Расслабься.

— Легко тебе говорить, — рычу я. — Не в тебя сейчас вторгаются.

Он издает легкий смешок.

— Я буду хорошим, дорогая. Просто расслабься ипусти меня. — Он продолжает ровные движения вперед и назад, пока его головка полностью не проникает в мою киску. — Вот так, — говорит он, прикасаясь своим лбом к моему лбу, смотря вниз на меня. — Ощущения потрясающие, такая упругая и горячая. У тебя такие же ощущения?

Несмотря на то, что я растянута практически до грани дискомфорта, мне не больно. Чувство наполненности уникально, и он пробуждает каждый нерв внутри меня.

— Да, мне хорошо. — Я извиваюсь под ним, в поисках чего-либо, освобождения или более глубокого проникновения.

— Готова к большему? — спросил он пару минут спустя.

— Думаю, что готова.

Он продолжает маленькие удары, моя гладкость направляет его. И затем он напирет сильнее, проникая глубже, чем до этого. Дотянувшись до моей левой ноги, он прижимает рукой под коленом, и двигает мою ногу ближе к моей груди, открывая меня шире.

Я поглощена им, прикована к кровати объемной длиной его члена внутри меня, пока он прокладывает свой путь все глубже.

Пот собирается на его бровях и между нами, пока он двигается вперед и назад, проникая и покидая меня в ритме, который заставляет гореть все мое тело.

— Хорошо? — спросил он, спустя много минут тишины, пока мы работали вместе в молчаливом согласии.

— Да! Да. — Мои пальцы впились в его зад, пока я притягивала его к себе, пытаюсь остановить его, пока я растягивалась вокруг него. Я не могу представить, что когда-либо смогу принять его сзади, если только что он натянул мою киску до абсолютных пределов. Запихивая эту тревожную мысль куда подальше, я фокусируюсь на жжении, пульсирующей сенсации, которая берет начало у моего ядра.

— Еще немножко, — шепчет он сквозь сжатые зубы, явно теряя контроль.

Я издаю неровный смешок:

— *Немножко?*

— Широкая часть, — говорит он с дразнящей улыбкой.

— Господи помилуй.

Это вызывает в нем смех, и он еще сильнее прижимает мою ногу к груди.

— Обвей меня вокруг бедра своей второй ногой.

Мои мышцы трясутся, как будто они сделаны из желе, но каким-то образом я сделала

так, как он просил.

— Вот так, — сказал он, с облегчением. — Вот так хорошо. — И еще одним могущественным толчком он полностью проникнул в меня, и я ощутила, как его мошонка прикоснулась к моей заднице. Он замирает, полностью внутри меня, вздрагивая и пульсируя, пока мои внутренние мышцы сжимаются вокруг него. — Хочешь прокатиться, дорогая? — он спрашивает низким сексуальным голосом, от которого мои соски начинают покалывать.

Пока я пыталась сформулировать ответ, он начал двигаться, сначала медленно, затем более целенаправленно, получив поддержку моими стонами наслаждения и влагой, которая сочилась из меня, упрощая его путь. Мой оргазм начинает собираться по кусочкам, с каждым ударом я ощущаю, что это будет что-то огромное, могущественное, и мне хочется спрятаться от этого. Каким-то образом я понимаю, что это чувство изменит меня навсегда, и я борюсь из последних сил, во время самого удивительного секса в моей жизни.

Кажется, что он почувствовал мою внутреннюю борьбу, и принял решение вместо меня, он прижал свои пальцы к моему клитору и запустил меня на орбиту.

Издавая громкие стоны, он кончает вместе со мной, впиваясь в меня так жестко, что я чувствую жар его освобождения глубоко внутри меня, несмотря на волны моего собственного дикого оргазма. Я никогда не представляла себе что-либо такое мощное, как то, что мы сделали вместе.

Его руки сдались, и он упал на меня, окружив своим запахом и жаром. Кожей я могу ощущать тяжелое биение его сердца и сбитое дыхание.

Мне нужно убираться отсюда. Мне нужно собрать то, что осталось от моих чувств, и идти домой.

Глава третья

Хани

Блэйк заговорил первым.

— Это было... у меня нет слов.

Все о чем я могла думать — это побег, пока я еще была на него способна. — Мне нужно встать.

— Ой, извини. Я не собирался удерживать тебя под собой в ловушке. — Его отторжение не намного легче, чем его вторжение, и я вздрагиваю от того, как нежные ткани пульсируют и растягиваются вокруг него. С одной рукой вокруг конца презерватива, чтобы удержать его на месте, он наконец-то выходит из меня.

На ватных ногах я направляюсь в ванную, стараясь не представлять, как я выгляжу сзади. Мои волосы — запутанное нечто, и отражение, что приветствует меня в зеркале близко к пугающему. Я выгляжу как женщина, которую хорошо и основательно изнасиловали.

— Ну что же, ты получила именно то, о чем просила, — прошептала я своему отражению. Я нашла расческу на тумбе у раковины и провела ей по волосам. Взбрызнула водой мои горящие щеки и осушила лицо полотенцем, которое пахло им. Мои соски сменили свой естественный розовый цвет на ярко-красный.

— О, боже, — вскрикнула я, когда дрожь прошла сквозь мое тело. — Боже, — уперевшись руками в тумбу у раковины, я наклонила голову как можно ниже, поднимая ее вверх и снова опуская, дабы расслабить плечи.

Это была огромная ошибка — ошибка эпического масштаба. За час ему удалось полностью испортить меня для других мужчин. Каждый следующий парень будет сравниваться с ним, и проигрывать, более чем по одному параметру. Одно я знаю точно — мне нужно к черту валить отсюда до того, как все не стало еще хуже.

Его теплые руки опустились на мои плечи, вытаскивая меня из моих раздумий и подавляя мою способность бежать. С силой нажимая на мои мышцы, он массирует их, пока они ему не поддаются. Даже мои мышцы перешли на его сторону.

— Мне пора идти, — сказала я, сомневаясь, что могу идти.

— Почему? — он продолжал работать своими талантливыми пальцами, его губы нашли мою шею. Я вырвалась от него и вбежала в соседнюю комнату, в которой находится унитаз. Я прислонилась всем телом к холодной деревянной двери, разрабатывая стратегию побега. Предупреждения Лорэн звучат в моей голове, как воскресные церковные колокола. *Это только секс. Ты не обретешь покой рядом с ним.*

Когда я была готова встретиться с ним и сказать то, что я должна, я открыла дверь и нашла его нависающим над раковиной, в его обнаженном великолепии. Скрестив руки на широкой груди, он рассматривает меня, с пристальным свойственным только ему вниманием.

В какой-то момент я осознала, что он избавился от презерватива и его член опять напряжен. Я задумалась, всегда ли у него стоит.

— Нет, — ответил он, — это все ты.

— Как ты это делаешь?

— Делаю что?

— Угадываешь все мои мысли?

— Каждая твоя мысль и эмоция отображаются на твоём лице. Из тебя вышел бы ужасный игрок в покер, дорогая.

— Неужели, — я скрестила руки на груди и посмотрела на него. — О чем я сейчас думаю?

— Ты думаешь о том, как отблагодарить меня за трах и убраться к чертям, не оскорбив мои чувства.

У меня отвисла челюсть, но я заставила ее закрыться и посмотреть на него. *Как он узнал?*

С полным безразличием он пересекает ванную комнату, пока не окутывает меня своим заклинающим ароматом мыла и секса. — Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я должна.

— Нет, не должна. — Его руки опускаются на мои бедра, и он снова втягивает меня в свою магическую паутину. — Мы только разогрелись.

Я покачала головой. — Я думала, что смогу, но я не могу.

— Чего ты не можешь, пчелка Хани? — Он окутывает меня своими руками, прижимая меня к себе.

— Во-первых, я не могу говорить с тобой, когда ты так ко мне прикасаешься.

На его лице появляется полуулыбка, которая мгновенно очаровывает — и обезоруживает. Ослабив хватку, но оставив руки на моих бедрах, он говорит, — Так лучше?

— Немного.

— Поговори со мной. Объясни мне, в чем дело. Я сделал тебе больно? Я очень старался не причинить тебе боль.

— Конечно, нет. Ты не причинил мне боль.

— Тогда в чем дело?

— Я медлила с ответом, чтобы собраться с мыслями. — Я думала, что могу заняться с тобой сексом и не делать ничего большего, но если я останусь, если мы снова... *это...* сделаем.

— Оу, я понял, — сказал он с таким несчастным выражением лица, что напомнил мне о том, как он выглядел на похоронах тогда, после несчастного случая в выпускном классе. Возвращаясь туда, мне так сильно хотелось его успокоить, окутать его комфортом, которого он бы все равно не принял ни от меня, ни от кого-либо другого. — Ты можешь захотеть задержаться, но зная мою репутацию, это будет неразумно.

— Да. — Мне стало легче, кажется, он понял. Был ли у меня когда-либо более серьезный разговор, когда обе стороны диалога полностью обнажены? Ни одного не могу вспомнить.

— Могу я открыть тебе маленький секрет?

Я ожидала, что он сравнит меня с другими, которые умоляли его о большем и провалились в попытках изменить его, и поблагодарит, что я не попыталась. — Конечно.

— Помнишь, месяц назад я увидел тебя на вечеринке у Мэтта и Джулии?

Я кивнула.

— Я помню.

— А помнишь ли ты, что ты сказала мне у бара сегодня вечером?

Я ткнулась лбом ему в грудь.

— Стараюсь забыть.

Его мягкий смех заставил его грудь рокотать.

— Тоже самое я хотел сказать тебе тем вечером у Мэтта. Я до сих пор четко помню, во что ты была одета: в платье с цветочным принтом, такое девчачье с оборками, в котором открывался отличный вид на вершины твоей эффектной груди, что годами вдохновляла множество мокрых снов. — И пока он говорит, он водит указательным пальцем по моим вершинам. — И каблуки высотой с небоскребы, которые обрамляли твои бесконечные ноги. У меня весь вечер был стояк, и я дал ему твое имя.

Я взглянула вверх на него. — Ты серьезно? Ты и вправду так думал? До сегодняшнего вечера?

— Хани Кармайкл, я думал так о тебе еще со времен второго класса. Почему я все время тебя щипал?

— Я так и знала, что ты помнишь?

Усмехнувшись, он говорит

— Тебя всегда было сложно забыть. А теперь тем более тебя будет сложно забыть, когда я знаю, какая мягкая у тебя кожа, и что твоя бабуля была права с твоим именем, потому что ты везде на вкус, как мед.

— И что ты пытаешься сказать?

— Я хочу, чтобы ты задержалась подольше.

— Что в твоем понимании «подольше»?

— Для меня это значит провести вместе ночь. Я не способен на вечную любовь или белое платье, или пикетные ограждения [*имеется в виду что-то наподобие серенады под окнами — прим. перев.*]. Таким я никогда не буду. — Его выражение померкло.

— Из-за Джордан.

— Одна из причин.

— Это было так давно, Блэйк. Я не хочу, чтобы ты думал, что я говорю это ради своей же выгоды. Я не строю иллюзий, о том, что я могу быть именно той, которая изменит твое мнение. Но я знала ее, и любила ее, и не могу поверить, что она хотела бы того, чтобы ты провел всю свою жизнь в одиночестве из-за аварии.

— Мне не хотелось бы говорить о ней, если можно.

— Я понимаю, тебе все еще больно.

— Всегда будет больно.

— Так ты предлагаешь «на всю ночь»? — спросила я с ухмылкой, надеясь снова увидеть его улыбку.

Он изобразил полуулыбку.

— Если ты выдержишь. У тебя хватит сил?

— Думаю, хватит.

— Пока ты определяешься с выбором, я должен предупредить, что у меня есть условие.

— Какое условие?

— Когда мы в постели, я — главный.

Несмотря на то, что его слова очень возбуждающие, я сдержала свои эмоции при себе.

— То есть мне не придется тебя ублажать?

— Ублажение тебя ублажает меня.

О, черт...

— То, что я раньше для тебя сделала...

— Было захватывающе, и я определенно хочу еще.

— Хорошо, потому что и для меня это было захватывающе.

Его глаза наполнились похотью, и его пенис дернулся в направлении моего живота, давая мне понять, что он одобряет.

— Есть возражения?

Я покачала головой. Чувство комфорта и защищенности не покидало меня рядом с ним.

— И что произойдет теперь?

— Мы возвращаемся в кровать. Я еще не закончил с тобой.

Я посмотрела вниз на Член, стоящий высоко и гордо, смотрящий на меня. — Я не знаю, смогу ли я взять его снова. Мне все еще немного больно после первого раза.

Он берет меня за руку и ведет в свою спальню. — Есть еще много вещей, которыми мы можем заняться.

— Например?

Блэйк обнимает мои щеки.

— Во-первых, я хочу получше узнать эту очаровательную задницу.

Я шумно вдохнула от мысли, что этот монстро-пенис войдет в меня оттуда. Он разорвет меня пополам.

— Нет, не разорвет.

Я резко вырвала руку.

— Прекрати это делать!

— Что я делаю?

— Читаешь мои мысли.

— Я тебе уже объяснил. Это не моя вина, что все твои мысли отображены на твоём лице.

— Как они могут быть там отображены? Как ты можешь распознать «он разорвет меня пополам»?

Его лицо искажается в гримасе, которая убеждает, что он прочитал именно эту мысль.

— И, для информации, я не разорву тебя пополам. Ты мне нравишься целиком такая, какая ты есть. — И с его рукой, опять блуждающей по моей заднице, он мягко заговорил прямо мне в ушко, посылая мурашки бежать по моей коже от задницы до рук. — Я так хорошо тебя приготовлю, что ты даже не узнаешь, что я там был.

Полная нелепость этого комментария заставила меня фыркать от смеха.

— Ага...И как же ты подготовишь меня взять эту *штуку*, и уйти нетронутой?

— Ай. Эта *штука* оскорблена. — Он слегка поглаживает свой стержень, будто пытается успокоить его чувства.

— Я уверена, он проглотит обиду, как только я раздвину ноги.

— Он уже проглотил, зная, что будет следующий раз.

Я рассмеялась.

— Ты возмутителен.

Улыбаясь, он сказал:

— Ложись.

Поглядывая через плечо, в надежде понять его намерения, я выполняю его просьбу.

— Лицом вниз.

Трепеща от предвкушения цели этих действий, я переворачиваюсь и прижимаю подушку к груди.

Блэйк идет в ванную и возвращается с чем-то, чего я не могу видеть, так как он приглушил свет, и погрузил комнату практически во мрак.

Каждый сантиметр моего тела дрожит, чувствуя его близость, когда он присаживается на кровать рядом со мной. Желание накаляется и пульсирует у меня между ног, несмотря на то, что я и так уже на пределе.

— Расслабься, Хани. — сказал он мягко, двигая вдоль моей спины чем-то гладким и ароматным. — Закрой глаза и расслабься. Дай мне позаботиться о тебе.

Массажное масло. Вот, что это за запах, и Иисусе, у него волшебные руки, которые идут в комплекте с его массивным членом. Я стону от наслаждения, вызываемого его воздействием на мои мышцы. Он двигается по моим плечам, ребрам, талии, пропуская мою задницу и касаясь каждой ноги, ленивыми штрихами задевая мою киску, заставляя ее, сочится влагой.

Я извиваюсь на кровати в поисках облегчения.

— Не двигайся.

— Но...

— Не. Двигайся. — Он наклонился надо мной, говоря мне прямо в ушко. — Я главный. Помнишь?

Тяжело выдыхая, в растерянности и нужде, я пытаюсь сделать, как он просит, немного двигая внутренними сторонами бедер. Четкий, жалящий шлепок, который получила моя задница, заставил меня вскрикнуть от неожиданности.

— Я сказал тебе не двигаться.

— Ты только что... Ты ведь не...

— Да, именно это я и сделал, и сделаю снова, если не будешь слушаться. — Говоря, он потирает место удара, от чего возбуждение между ног становится еще четче. Наклоняясь надо мной, он спрашивает, — Пороли ли тебя когда-либо, Хани?

— Н-нет.

— Охренеть. Значит, я сделал это первым?

Пока я поняла, что происходит, он уложил меня к себе на колени, попой вверх и начал втирать масло в ягодицы, поглаживая пальцем между ними.

И хотя мысль о порке меня и возмущает, я так возбуждена, что не могу подобрать слов, чтобы это описать.

— Это не для наказания, детка. — Продолжает он, поглаживая и дразня чувственные места моей плоти. — Это для желания.

Все это время... Блэйк Дэмпси был рядом. Был способен освободить часть меня, о которой я не подозревала, часть меня, которая жаждет, чтобы он делал все те вещи, о которых говорил, и все, что еще придет ему на ум. Я хочу всего этого.

— О чем ты сейчас думаешь?

— Ты скажи мне. Ты ведь эксперт по чтению моих мыслей.

— Я не вижу твоего лица, так что я не знаю. Поэтому я и спрашиваю. Расскажи мне.

Я прокашливаюсь и пытаюсь подобрать слова. Моя бабуля воспитывала меня, как леди, а леди не говорят вещей, о которых я мечтаю с этим мужчиной. Я стараюсь не думать о том, что она сказала бы о моей просьбе в баре.

— Я не могу поверить, что ты был здесь все это время, и я не знала...

— Чего ты не знала? — Его голос грубый и хрипловатый, а его болт упирается мне в живот, твердый и настойчивый.

— Что ты такой.

— Какой я?

— Страстный. — Облизав сухие губы, я ждала его дальнейших действий. — Отважный.

Развратный.

Последнее вызвало в нем смех.

— Я развратнее, чем ты можешь представить. Ты думаешь, сможешь быть развратнее меня, Хани Кармайл?

— Думаю, я хочу попытаться.

— Охуительно хороший ответ. — И в награду он шлепает меня по второй ягодице, посылая трепетный жар и потребность к моему клитору. И пока я осознавала, что произошло, он ударил по другой ягодице, чередуя удары между ними. Я млела, разрываясь на нервных окончаниях — на пороге нового оргазма.

Каждый шлепок чередуется с поглаживаниями, которые просто воспаляют меня. Я и подумать не могла, что моя попка такая эрогенная зона. Его руки двигаются без остановок, вверх и вниз, поднимая, раздвигая, погружаясь между выпуклостями и прижимаясь к анусу, так и не нарушив мою целостность.

Я едва успеваю за сенсационными ощущениями, которые охватывают меня в моменты, когда он лишает мою попку своих прикосновений. И потом...я двигаюсь и снова ложусь лицом вниз на постель и, *о боже...* Это его язык? *О боже... о боже.* Оооо... Он лижет меня там, круговыми движениями вокруг входа, внезапно проникая языком, и ничего в моей жизни не ощущалось и близко к этому — темным, запрещенным и невероятным.

— Не кончай. — Говорит он, пока держит мои ягодицы вдали от своего языка. — Не смотря на то, что я делаю, не кончай.

Я пытаюсь ответить. Действительно пытаюсь, но мои мозговые клетки полностью сгорели.

— Хани. Ты меня слышишь?

— Да. — Вырывается у меня.

— Стань на колени. — Он тянет меня за талию, останавливая именно там, где я ему нужна, нагибает пониже, попа приподнимается максимально вверх, а мой вес на локтях и коленях. Мои ноги дрожат, я чувствую себя распутной, бесстыжей шлюхой, но мне пофиг, потому что я трясусь своей попой перед лицом Блэйка Дэмпси.

О, милостивый боже... Бабуля, если ты сейчас на меня смотришь, как ты мне обещала, пожалуйста, спи до конца ночи. Пожалуйста...

Хани

Я притащила себя на работу к полудню субботы, и только потому, что семья из Далласа несколько часов ехала в Марфу ради одной из моих оригинальных фотосессий под названием Дети Пустыни. То, что начиналось как шутка, переросло в процветающий бизнес, и я не могла быть счастливее, чем когда я наблюдала за ростом успеха моей студии. Я почти все время пребываю в восторге от своей работы. Сегодня у меня побаливает в некоторых местах, я сонная и...я ходячий беспорядок, по-другому и не скажешь.

Одной длинной, незабываемой ночью Блэйк Дэмпси разрушил мою жизнь. У меня ни с кем никогда не будет такого секса. И я знаю это, потому что я была с многими парнями, чтобы утверждать, что никто не может так, как он, и никто из них не сможет начать и закончить Членом. Лорэн была права на счет этого.

Я не могу поверить, что взяла эту шгуку во второй и в третий раз, поэтому я сегодня двигаюсь с трудом, так как каждая моя нежная часть кричит протестуя. Эта боль напоминает мне о временах, когда бабуля записала меня на уроки верховой езды, и я не могла сидеть более недели после первого урока. В то время я привыкала к седлу, но если бы у меня было пятьдесят лет с Блэйком, то я не думаю, что мое тело когда-либо адаптировалось для его размеров.

Спустя несколько часов после того, как я выползла из его постели, я была лишь оболочкой женщины. Когда приехала в студию, то все еще чувствовала его внутри себя. Мои мышцы до сих пор сокращаются. Мой клитор все еще пульсирует, волна за волной. Естественно это не нормально. Может быть, мне стоило бы позвонить моему врачу. Вот только что я ему скажу? Блэйк Дэмпси своим огромным болтом оттрахал каждый сантиметр моей жизни, и мне кажется у меня внутренние травмы?

Я не могу представить, как я могу сказать такое пожилому врачу, которого я посещаю всю свою жизнь. Он умрет от шока.

Прежде, чем открыть студию для сегодняшней съемки, я купила большую чашку кофе и лепешку у моей подруги Скарлетт в соседнем кафе. Вдобавок к боли во всех суставах я еще и голодна. Блэйк был прав, с ним в постели требуется много топлива.

— Доброе утро, Хани. — Скарлетт всегда чертовски бодрая. Мне кажется, это потому, что она поглощает кофе весь день. В этом должно быть все дело. Она примерно моего возраста, изящной комплекции, с длинными темными волосами, которые она носит в косе на своей спине во время работы. — Или время сказать добрый день?

— В точку, — протянула я.

— С тобой все в порядке? — Скарлетт наклонилась ко мне для лучшего осмотра, он которого я попятилась назад. — Это..., — понизив голос, она сказала, — ожог бритвой? *[имеется в виду, что у Хани слишком раздраженная кожа, как сразу после бритья — прим. перев.]* Хани! Я думала, ты поклялась не контактировать с особями, которым необходимо брить лица ежедневно.

— Я помню. Я клялась.

У Скарлетт поднялись брови, в ее темных глазах отобразился дикий шок.

— Кто-то выпал из вагона? Твои губы тоже опухли. — Опирая локти на витрину, она

устраивается получше для планируемого разговора со сплетнями — Еще что-нибудь опухло?

Все опухло, но я не собираюсь рассказывать об этом Скарлетт.

— Мне пора. У меня съемка в десять.

— Мне нужны грязные детали! — кричит она мне в след.

— Не дожدهшься, — говорю я себе под нос, пока пожилой мужчина придерживает для меня дверь.

— Извините, — говорит он.

— Ничего. — Я виню в этом Блэйка. Он не только вынуждает меня говорить самой с собой, но и с незнакомцами. Дойдя до входа в студию я открываю дверь, и сменяю табличку с Закрыто на Открыто. С каждым шагом, который я совершаю по пути от входной двери к офису в задней части студии, каждая мышца моего тела протестует против олимпийского секс — марафона, в котором я приняла участие прошлой ночью.

Я все еще обдумываю, что произошло в постели Блэйка, спустя два часа с момента, как я вытащила себя из его объятий, оделась и умудрилась вытащить свою машину из его гаража, не разбудив его. Может я его и разбудила, но он не вышел проводить меня, что тоже нормально. Я не уверена, что готова встретиться с ним лицом к лицу. Дьявол, я и через год не готова буду к встрече с ним после того, что мы сделали.

Когда он предложил «всю ночь», он не шутил. Он смиловался надо мной только около половины пятого утра, когда я взрывалась в седьмом...или восьмом оргазме. Думаю, все же в восьмом. Его репутация секс-машины заслужена по праву, в этом я убедилась.

Я сажусь за стол, и вздрагиваю от пульсирующей боли между моих ног, бедер, и отдает эхом в моей попе. Он так и не выполнил свою угрозу взять меня сзади, но я знаю, что он очень этого хотел. Если бы мы снова сошлись вместе, я думаю, что это было бы в меню, хотя не могу представить, как бы ему удалось...

Я уронила голову на колени, не могу поверить, что снова возбуждаюсь от каждой мысли, чего не замечала за собой до вчерашнего вечера. Если он заставляет думать меня об этом — и действительно желать этого — его сексуальные подарки распространяются гораздо дальше его сексуального «пожертвования».

Зазвенел звоночек над входной дверью, и я подавила стон, надеясь, что мои клиенты не пришли раньше, чем положено, потому что к ним я еще не готова.

— Хани, ты здесь? — кричит Лорэн, ее голос эхом отражается от пространства студии.

— В офисе. — Я должна была догадаться, что это она, пришла за грязными деталями.

Она врывается вдохновенной, одетой в обтягивающее платье, которым прекрасно подчеркнуты ее бицепсы. Моя лучшая подруга — спортивная крыса высшего разряда местного тренажерного зала, и может надрать задницу большинству парней, которых мы знаем, и в этом, как она думает, причина того, что ее больше не приглашают на свидания. Но все же она не бросает ежедневные занятия пауэрлифтингом. Я завидую ее бицепсам, потому что недостаточно дисциплинирована, чтобы накачать такие же. Может, если бы я была в лучшей форме, я бы не чувствовала себя тяжело объезженной и потной вчера ночью. И сегодня утром.

Со своими кудрявыми волосами цвета блонд, собранными в свободный хвостик, и большими карими глазами она выглядит эффектно, когда проходит в дверной проем моего офиса, чтобы получше меня рассмотреть. — Итак... — Закатывая глаза, она требует больше деталей.

— Ты была права. Он все это и пакет чипсов [*bag of chips* — на сленге буквально означает, что человек «полный набор»: спортивен, сексуально раскрепощен, с чувством юмора, стильный и просто приятная личность — прим. перев.].

— Он все это и десять пакетов чипсов.

— Согласна.

— Так ты получила большое «О»? [*на сленге буквально означает оргазм* — прим. перев.].

— Думаю, у меня было восемь больших «О». Я сбилась со счета.

— Заебись! Восемь? Святая корова, Хани!

— У меня болит везде, я не могу двигаться, а сегодня фотосессия близнецов. — Простонала я при мысли о предстоящей работе. Мне нужно много двигаться во время работы, даже когда я снимаю одного ребенка. Двое просто убьют меня сегодня.

Лорэн хихикает. — Член оправдал свою репутацию.

— Член протаранил меня. Моя бедная вай-джей-джей [*на сленге означает вагина* — прим. перев.] никогда не будет прежней.

— Я помню это. День после первого раза ощущался как день, когда я потеряла свою V-карту снова [*на сленге означает потерять девственность* — прим. перев.]. Болело адски. Но спустя некоторое время ты к этому привыкаешь.

— Я даже не могу представить, как к этому можно привыкнуть.

— Учítывая, что Блэйк остается Блэйком, скорее всего, тебе не выпадет шанса привыкнуть к нему. Он отстраняется каждый раз. Я переживаю за него, как друг, — добавляет она быстро. — Он упомянул что-либо о том, чтобы встретиться снова?

— Не совсем, — говорю я, вспоминая наш диалог в его спальне, когда он убеждал меня остаться на всю ночь.

Лорэн громко вздыхает.

— Я должна тебе кое в чем признаться...

— В чем?

— Когда я убеждала тебя обратиться к нему с просьбой, я надеялась убить одним выстрелом двух зайцев.

— Как?

— Я хотела, чтобы тебя наконец-то основательно и порядочно оттрахали, и надеялась, что ты будешь именно той, кто ему нужен, кого он знает вечно, той, кому он может доверять, чтобы ослабить контроль.

— Да-с, ну, контроль он основательно ослабил, но только в сексе, и не в чем больше, допустив пару ностальгических моментов о годах на детской площадке.

— На детской площадке?

— Он раньше щипал меня и доводил до слез, и притворился, что не помнит этого, но конечно он помнил. Он сказал, что щипал меня, потому что я ему нравилась. Мальчики такие странные, и вырастают они в еще более странных мужчин.

— Он один из лучших. — На лице Лорэн отразилась такая печаль, которой я не видела со времен смерти моей бабули. — Потеря Джордан изменила его навсегда. Он как будто сломан внутри. Потеряли такого хорошего мужчину. Он был бы отличным мужем и отцом, если бы нашел путь к прощению самого себя за то, в чем даже не было его вины.

— Грустно, — согласилась я. — Он хороший парень, и заслуживает лучшей судьбы, чем выпала на его долю.

— Ты ведь... Ты не... Начала думать...

— Нет! Я же сказала тебе, что не стану, и не стала. Это был просто секс. Я знаю это. Ра и готово.

— Отлично. Фух. Я переживала всю ночь, что тебя окутает волшебное заклятие его Члена, и ты забудешь обо всех предостережениях.

— Волшебное заклятие его Члена, — бормотала я, смеясь над терминологией.

— Правда ведь, или у него не волшебный член?

— Он довольно волшебен в определенные моменты. А днем позже? — Я сменила позицию, едва ли не крича от шока доставляющего боль возбуждения, которое не покидает меня, даже спустя несколько часов с момента, как я ушла от него. — Не такой волшебный.

— Горячая ванная с солью «Ипсом». Вот то, что тебе нужно.

Я едва ли не застонала от мысли о моей измученной нижней половине, погруженной в горячую воду, учитывая, сколько мне ждать, пока наступит этот момент.

— Я заброшу пару вещей на твое крыльцо по дороге домой. Они быстренько приведут тебя в чувства.

— Ты лучший друг на свете, но я виню тебя в моем затруднительном положении.

— Твоем за-член-ительном положении [*игра слов: predicament и pre-dick-ament, что переводятся как «затруднительное положение» и «состояние-до-члена» соответственно — прим. перев.*]. Ха-ха. Признай, что наслаждалась каждой секундой. Признай это.

— Признаю.

— Я так и знала!

— Это было как, когда на что-то проливается свет. Я наконец-то поняла, от чего все сходят с ума.

— Милостивый боже. Она увидела свет.

— Да, увидела.

— Тогда почему ты выглядишь такой подавленной? Я думала, ты будешь в эйфории, будешь вся светиться сегодня, но это не так.

— Светиться?

— После восьми оргазмов, должен же пробиваться какой-то свет сквозь тебя.

— Я не подавлена. Я... — Я могу лгать некоторым людям. Лорэн не одна из них. — Окей, подавлена, немного.

— Почему?

— Не злись, когда я скажу. Мне грустно от того, что я больше никогда не испытаю того, что было прошлой ночью. Я знала, что так будет. Ты предупреждала меня. Я сама предупреждала себя. Но это не остановило меня от того, чтобы желать, чтобы все сложилось по-другому, чтобы он был другим.

У нее выступил румянец.

— Хани, ты обещала мне!

Я подняла руку, чтобы сдержать поток ее дальнейшего возмущения.

— Я знаю что обещала, и я до сих пор знаю, что счет не в мою пользу. Я только хочу, чтобы все не так складывалось. Все это. Он такой...

— Идеальный во всем, кроме той дыры в его груди, в которой раньше было сердце?

Я разразилась смехом от ее описания, но потом мой смех быстро перешел в слезы, из-за того, что это была правда. Я горько заплакала.

— О, Хани. — Она поднялась, обошла стол и обняла меня. — Я просила тебя не делать

этого. Я просила!

— Я и не делаю. Я просто немножечко, малюсенькую капельку пострадаю, что продлится еще максимум часика полтора, и потом я начну двигаться дальше. Я клянусь.

— Хорошо, если так. — Она снова вздыхает, глядя меня по волосам, как мама-наседка, которой она и являлась. Как девушка, чья мать оставила ее на пороге церкви, и которую вырастили незнакомцы, я впитывала всю материнскую заботу, которую могла получить. — Думаю, я могу это тебе позволить после всего, что ты испытала прошлой ночью.

Она еще немного побыла со мной, достаточно, чтобы я собрала большую часть себя вместе до того, как появились мои клиенты с грохотом, треском и звоном дверного колокольчика. Почему все они так шумят, когда приходят?

— Шоу начинается, — прошептала Лорэн. — Ты в порядке?

— Я буду. Потеряться в работе на пару часов — именно то, что мне сейчас поможет. — Я крикнула клиентам, что уже иду к ним на встречу.

— Мы встретимся на вечеринке у Джулии сегодня вечером?

— Что? Сегодня вечером?

— Да, глупышка, — сказала она со смехом. — Ты знала об этом. Мы обсуждали, что пойдем туда два дня назад, до того, как Член замариновал твой мозг.

— Святая корова! Он дружит с Мэттом! Он будет там! Я не могу увидеться с ним! Еще слишком рано.

— Ты должна пойти, Хани. Джулия одна из твоих лучших подруг, а Блэйк будет вести себя, как джентльмен. Ты же знаешь, что будет.

Мы говорили шепотом, чтобы мои клиенты нас не услышали.

— Как я смогу смотреть на него и не думать об оружии в его штанах?

Лорэн так сильно засмеялась, что слезы брызнули из глаз. — Так же, как и остальные из нас, кто испытал на себе его оружие в действии: мы не смотрим вниз. Не смотря ни на что, не смотри вниз.

— Не смотреть вниз. Я справлюсь. — Сказала я именно то, что она хотела услышать, но по правде говоря, я не знаю, как я смогу смотреть куда — либо, кроме как вниз, когда увижу его снова. Эта вечеринка обещает быть настоящей пыткой.

Блэйк

Я проснулся один и непривычно разочаровался от того, что она ушла. Разочарование не то чувство, что я обычно испытываю после ночи с горячей женщиной, но Хани не просто очередная горячая женщина. Она и друг тоже, и наша совместная история выделяет ее среди остальных. Именно поэтому я обычно не сплю с женщинами, с которыми вырос в Марфе. Я знаю их слишком хорошо, но когда женщина, как Хани, входит в бар и просит трахнуть ее, я ведь только человек, а она, мать ее, богиня.

Я всегда так думал, даже в старшей школе, когда был влюблен в Джордан, и планировал провести с ней всю свою жизнь. Хани была неприкасаемой королевой Старшей Школы Марфы — королевой на школьных матчах, королевой выпускного, капитаном чирлидеров. Другими словами, вне лиги простых смертных. И я смирился с этим. С десятого класса я был увлечен Джордан, и даже не помышлял быть с другой.

Мы планировали расписаться сразу после школы, и заводить детей — каждые два года на протяжении восьми лет. А потом, когда дети подросли, мы бы путешествовали по всему

миру. Все наши планы рухнули в тот день на полпути к знаку стоп, убив ее мгновенно, и травмировав меня так сильно, что я провел месяц в отделении интенсивной терапии. Тогда доктора советовали моим родителям подготовиться к худшему.

Я выжил, но прежним не стану. Я скучаю по Джордан каждый день и никогда не переставал думать о том, кем бы мы сейчас стали. Уже и не вспомнить саму аварию, но меня мучают ночные кошмары, в которых мой мозг показывает, как это было, заставляя меня переживать ужас снова и снова. Это и есть причина того, что я редко провожу ночь с женщиной. Нужно ли мне, чтобы весь город говорил о жалких ночных кошмарах Блэйка Дэмпси?

Это навредило бы моему бизнесу, единственной сфере жизни, которая удовлетворяет меня, и в которой я успешен, и намерен продолжать.

Поэтому мне так странно чувствовать разочарование от того, что я проснулся один, учитывая, что я просыпаюсь один всю мою жизнь, и не собирался это менять. Как сказала Хани, я никогда не привожу женщин к себе домой. Это слишком запутанно. Когда мне нужно, чтобы они ушли, и не получается заставить их это сделать. Единственное, это прямо попросить их уйти. Все они одинаковые. Все они надеются, что будут той единственной, что починит разбитое сердце Блэйка Дэмпси.

Не знают они лишь того, что мое сердце было разбито вдребезги в день, когда погибла Джордан, и больше его не существует, кроме как в качестве органа, что качает кровь. Оно ничего не чувствует. Мне понадобилось три года после смерти Джордан, чтобы заняться сексом с кем-то другим, и это был ебический провал. Я распустил нюни, к чертям напугал бедную девушку, которую я выбрал для своего возвращения в седло.

Слава богу, это произошло вовремя моего короткого визита в Техасский Университет в Остине, достаточно далеко от Марфы, так что никто из знакомых не слышал об этом. Еще спустя год, я надрался с девушкой в баре, и сделал это снова, в этот раз без истерик. Я нарек себя исцеленным и вернулся в седло. Каждый раз зажигал с новой женщиной, когда мне этого хотелось. Все они знали, на что идут, когда шли ко мне в постель: одна ночь и только одна ночь.

Моя мудреная систематичность избавила меня от драм, в основном я мирно существовал. Я имею в виду, не каждый день женщина, как Хани, предлагает мне себя в баре, и она более чем соответствовала своему имени, которым нарекла ее бабушка, называя ее Медом все ее детство. Ее настоящее имя Эвелин, но все ее знали как Хани.

Теперь я знаю, что на вкус она, как самый сладкий мед, который мне доводилось пробовать, и спустя часы после того, как я последний раз к ней прикасался, я все еще чувствую ее вкус на своих губах и ее запах в своей постели. Действительно ли я лежу здесь в свой редкий субботний выходной, думая о женщине? Даааа, думаю именно это я и делаю, и я удивлен, что даже такой измученный парень, как я, может время от времени испытывать встряски.

Он сбита меня с толку, войдя в бар, который не совсем ее привычное место пребывания, он даже не в ее стратосфере. Она сбита — и шокировала — меня своими словами. И потом она сбита меня своим ответом. Не секрет, что Хани Кармайкл встречалась со многими одинокими мужчинами до сорока, поэтому было занимательно узнать, насколько невинна она на самом деле под ее гладкой, утонченной наружностью.

Я никогда бы не подумал, например, что ее никогда не шлепали, или не играли с ее попкой, или не заставляли ее кончать так сильно, как она сделала не единожды вчера ночью.

Даже мысли, о том, как протиснуться в ее киску, вызывают стояк. Она была такая маленькая и упругая, и это была такая битва, чтобы войти в нее, битва, которой я наслаждался все три раза, когда уговаривал ее попробовать.

Оборачивая руку вокруг моей биты, я дрожу у кончика, медленно и плавно, пока вспоминаю ночь, пережитую с Хани. С секунды, когда она сказала эти незабываемые слова в баре до моего третьего раза внутри нее. Интересно, чувствует ли она сегодня боль, думает ли она обо мне так, как я думаю о ней, сделала ли бы она это еще раз, если бы была здесь...

Я закрываю глаза, вспоминая как ее большие, круглые сиськи вздымались с каждым погружением моего ствола. Боже, мне нравилось смотреть, как они двигаются, и как ее соски были направлены на меня. Я начинаю чувствовать предательское покалывание у основания спины, и почти кончаю себе в руку, что делает движения моей руки вверх и вниз только горячее.

Я пока не хочу кончать, так что я немного сбавляю темп и вспоминаю ее шок от проникновения моих пальцев в ее зад. Никто к ней там не прикасался, и я извращенно возбужден тем, что я был первым. Я пускаюсь в размышления, как бы это было, отыметь ее в попку, как бы она стонала и кричала, когда я бы с силой вошел в нее сквозь тугое кольцо мышц, которое пыталось бы меня остановить.

Я бы обмазал нас обоих таким количеством лубриканта, что был бы способен проникнуть в нее полностью, пока мои яйца не ударятся о ее киску, и она бы приняла в себя самую толстую часть моего члена. Я бы заставил ее кончать так сильно, что она была бы в огненной ярости, неспособна делать что-либо, кроме как принимать меня снова и снова, пока бы я не излил себя в самую интимную ее часть.

Я представляю, как ее попка растягивается, чтобы принять меня, и это все, что мне нужно, чтобы приблизить меня к грани, горячий всплеск моего облегчения покрывает весь мой живот и струится по моей руке. Я хватаю глотками воздух от того, как бурно я кончил, почти так же бурно, как этой ночью.

С ней было хорошо, заключил я после того, как мое дыхание и пульс пришли в норму. Лучший секс, что у меня был после смерти Джордан, если быть честным с самим собой. Было комфортно быть с тем, кого я знаю всю жизнь, с тем, кто знал меня до потери Джордан и все равно беспокоился обо мне, несмотря на то, то я не давал ей для этого повода.

И потом до меня дошло, что сегодня вечеринка-сюрприз в честь тридцатилетия Джулии. Джулия давняя подруга Хани, а Мэтт — мой давний друг. Встав с постели и направляясь в душ, я притворился, что мое безжизненное сердце не совершало счастливый прыжок от осознания того, что сегодня я увижу ее снова.

Я не могу дождаться.

Хани

Эта фотосессия — полная катастрофа с самого начала, с двумя капризными детьми, и родителями, которые пытаются контролировать мельчайшие аспекты процесса. Мне необходимо, чтобы они ушли хотя бы на час, но я не могу так поступить. Кивая в нужных местах, я старалась все сделать по-своему. Ведь именно из-за того, как я это делаю, люди ко мне и приходят.

До того, как меня посетила идея о Детях Пустыни, моя студия была на грани банкротства. Люди не нанимают фотографов, как раньше, когда цифровая эра еще не принесла «сделай сам фото» на волну моды. Свадьбы были основой моего бизнеса, пока журналы для невест не вынесли на волну популярности фотографии, которые снимали гости на свадьбах, как альтернативу дорогим фотографам. Не говоря о том, какой ущерб моему бизнесу нанесли встроенные в смартфон камеры.

Я начала в панике искать пути для выживания, и родила идею о Детях Пустыни, листая поздней ночью журнал, в котором публиковались оригинальные детские снимки Энн Гэддэс. Потом я наткнулась на местное издание, которое публиковало фотографии пустыни вокруг Марфы, склоны Западного Техаса и дикую растительность. Эти две идеи сошлись вместе, чтобы вдохновить меня на создание собственного проекта. Который я начала осуществлять следующим же утром с дизайнерским реквизитом, костюмами, и фоновыми декорациями, на которые интересными и необычными способами я усаживала детей.

После того, как я опубликовала первые снимки на моей страничке в Фэйсбук, идея стала хитом, приобрела широкую публичность, собирая клиентов по всему штату. Теперь мои клиенты находятся в листе ожидания по месяцу. К сожалению, успех моей идеи означает, что я провожу очень много времени с детьми, которые менее податливы моему видению, чем их надоедливые родители.

Сегодня одна из худших фотосессий с момента, когда я начала их около года назад. Мама — полная заноза в заднице с ее бесконечными просьбами. Отец — бесполезный подножный коврик у двери, который делает все, что она ему говорит, а дети... Я ненавижу так говорить о невинных детях, но они не фотогеничны. Иногда такое случается, и обычно я в состоянии сделать лимонад из лимонов. Я делаю все, что могу с этими двумя и заканчиваю мои «денежные снимки» за первый час, но мама этого не слышит. Она заставляет нас мучиться еще два бесконечных часа, после чего ее близнецы полностью выжаты, и я жалею, что не держу водку в студии.

К моменту, когда они наконец-то уходят, мне почти жаль детей, которым придется с ней расти, и жаль мои потерянные три часа, я никогда не соглашусь работать с ней. Мое тело ужасно болит, что я еле в силах покинуть студию за два часа до вечеринки-сюрприза Джулии, и направляюсь домой, в дом, который бабуля оставила мне, когда умерла.

Мне нравится, как бабуля с любовью восстановила дом тридцатых годов, комната за комнатой, пока все 186 квадратных метра дома не засияли новыми полами, краской и окнами, некоторые из них шедевры витражного искусства, которые она нашла в антикварных магазинах и гаражных распродажах.

Она предпочла пустынный ландшафт газону, так что нам не приходилось косить траву в

самый разгар лета. Кактус и гравий не требуют много внимания. Бабуля была права на счет этого, хотя, она была права практически во всех ситуациях. Мне понадобилось четыре года после ее смерти, чтобы переехать в большую спальню, которая раньше принадлежала ей, но больше всего она ненавидела бесцельную сентиментальность, она бы очень расстроилась, узнав, что я осталась жить в своей скромной спальне, когда ее спальня простаивает зря.

Лорэн помогла мне переделать ее спальню, и вытирала мои слезы, когда я паковала вещи бабули и жертвовала их нуждающимся. Она всегда отдавала деньги, которых у нее почти не было, чтобы помочь людям, которым в жизни повезло меньше чем ей, не говоря уже о том, что она подобрала брошенного у церкви ребенка, и вырастила, как своего.

Я держала ее лучшие украшения рядом с фотографией ее родителей, родных и двоюродных братьев и сестер, все из них уже умерли. Они были близкими родственниками, которых я когда-либо имела, несмотря на то, что никогда их не встречала. Я берегу эти фотографии, как самые дорогие из моих вещей.

Я вышла на крыльцо, где нашла корзинку, оставленную Лорэн, с солью «Ипсом» и другими средствами для ванной. Я застонала от предвкушения погружения в бабулину чугунную ванную, на львиных лапах, потому что этот день был настоящей мукой. Приготовив себе высокий бокал вина и тарелку с крекерами, сыром и виноградом, я затеяла собственную вечеринку.

Разложив провизию на подоконнике в ванной, я зажгла несколько свечей и растворила подарки Лорэн в ванной, над водой поднимался сладковатый пар. Перед тем, как погасить свет, я сбросила свои ковбойские сапоги и платье с нижним бельем. Краем глаза я заметила отражение моей попки в зеркале и вскрикнула при виде синяков в форме пальцев, которые так контрастно выделялись на фоне моей бледной кожи. Повернувшись к зеркалу, я заметила синяки на бедрах и груди, и меня пробрала дрожь от воспоминаний, о том, как он ко мне прикасался в своем всепоглощающем голоде. Спасибо, что не оставил синяков там, где окружающие могли бы их заметить.

Мои соски затвердели, и мой клитор начал оживать, направляя меня в раздумья, откуда во мне еще остались силы после вчерашней ночи. Погружение в горячую воду было сродни оргазму, получаемому о того, каким же все-таки Блэйк Дэмпси был охуенным. Если бы моя бедная, измученная плоть могла петь от удовольствия, она бы надрывно пропела от того, как же здорово ощущается горячая вода с солью «Ипсом».

Я откидываюсь на подушку, которую недавно приобрела для ванной, и тянусь за своим бокалом. Прошло пару часов с момента, как я разложила все действия, которые происходили прошлой ночью. И разрешила своим мыслям вернуться в бар. К воспоминаниям о том, как он пил свое пиво, после моего приглашения, к тому, как он хрипло шептал, чтобы я следовала за ним до дома. Как он настаивал на том, чтобы накормить меня прежде, чем мы это сделаем, и как он полностью удалил все мои воспоминания о других мужчинах той невероятной ночью.

Как последнее ему удалось? Хорошо, Члену это удалось. Эта мысль вызвала во мне смех. Я должна признать, что думала, что Лорэн преувеличивает. Ее описания Члена оказались справедливыми. Мысли о нем бросают меня в дрожь. Он заставил меня почувствовать себя только что лишенной невинности девственницей, когда проделывал свой путь в мое протестующее тело. Битва была эпической, а мои реакции неожиданными. Я никогда еще не кончала только от предварительных ласк. Обычно мне требовалось гораздо больше, чем это, но не с Блэйком. Не с его Членом, который пробился ко всем моим

нервным окончаниям, оставив меня в порочной ярости оргазма.

Взглянув на все в иной перспективе, я осознала, что не только лишь его оборудование доставило мне наслаждение. А также и то, какое внимание он уделял каждой моей реакции, как он прикасался ко мне, и погружался в меня, и посасывал мои соски с целью доставить мне максимальное удовольствие.

Я возвращаю бокал на подоконник и сжимаю свои соски руками, нежно проводя указательными пальцами по моим раздраженным соскам, на что они мгновенно откликаются упругостью. Я вздыхаю и провожу по своему клитору. Мысли о вчерашней ночи сильно возбудили меня.

Мои ноги беспокойно двигаются так, что вода выплескивается из ванной.

Закрыв глаза, переживаю все снова, от первых минут в баре до момента, когда я выбиралась из его постели утром. Как будто бы все происходит снова, я почти чувствую давление его огромного пениса на мой вход, растягивающее меня до абсолютных пределов в моменты его вторжения.

Я прикусываю губу и действую рукой вокруг своего клитора. Оу, это потрясающе, не смотря на то, что мне все еще больно, и я очень чувствительна. Я двигаюсь медленно, мягкими круговыми движениями вокруг комка нервных окончаний, и продолжаю сжимать свой сосок. Обычно мне требуется больше времени, чтобы завести себя, но вспоминая все, что он проделывал, места, где он ко мне прикасался своими пальцами, языком и членом, подводят меня все ближе к грани, и я близка к взрыву.

Действительно ли я согнулась пополам на его кровати, выставив попу вверх, пока он проникал в нее своим языком там? Мысли о том, как мы выглядели в этой позиции, от воспоминаний, как я себя чувствовала в тот момент, и как мне это нравилось, приводят меня к впечатляющему оргазму. Вода разливается по всему полу ванной, но я не могу себя собрать в целое, пока испытываю волну за волной, как будто я и не кончала за эти двадцать четыре часа больше, чем когда-либо за это же время.

В конце концов, глубже погружаюсь в воду, полностью расслабленной и истощенной. Я могла бы отправиться в кровать и проспать до завтрашнего утра, но не хочу разочаровывать Джулию, которая будет подавлена, если я пропущу вечеринку в честь ее тридцатилетия. Моя три ноль вечеринка не за горами, я не могу так с ней поступить. К тому же, придет Блэйк, и мне любопытно узнать, изменилось ли что-то между нами после этой ночи.

Я понимаю, что не должна быть в восторге от предстоящей встречи, но именно это заставило меня выпрыгнуть из ванной двадцать минут спустя. Это то, что заставило меня провести больше времени, укладывая мои волосы и нанося макияж, надеть то самое платье, которое так ему понравилось на прошлой вечеринке. Для завершения образа я надела свои красные ковбойские сапоги, и прихватила джинсовый жакет на случай, если Мэтт как обычно, включит кондиционер на мороз.

Я выгляжу хорошо, чувствую себя лучше, чем до ванной. И готова снова его увидеть.

Я НЕ была готова снова его увидеть. Мне кажется, что над моей головой неоновая вывеска, «Блэйк оттрахал меня до бессилия прошлой ночью». Я уверена, что все знают, когда никто кроме Лорэн не знает. Хотя, Блэйк знает тоже, и больше, чем раз, я ловлю его голубые глаза на себе, как будто он представляет меня голой на глазах у всех наших друзей.

Мне никогда не следовало делать ему предложение таким способом, но я не жалею об изумительном сексе, что был между нами. Я совсем забыла о вечеринке ко дню рождения Джулии, когда выбрала вчерашнюю ночь после недель в попытках успокоить мои нервы и

воплотить план Лорэн в действие.

И вот один из трех раз в год, когда я вижу Блэйка, пришелся именно на день после того, как у нас был самый дикий и грязный секс в моей жизни. Судя по самодовольному, удовлетворенному выражению на его лице, он знает, что мне дискомфортно, и он упивается своим знанием.

Я получила именно то, чего хотела от него, так что небольшой стыд — это малое, что я могла испытывать. Я выдержу, по крайней мере, этим я себя успокаиваю.

— Что с тобой сегодня, Хани? — спрашивает Джулия, подходя ко мне, Лорэн и Скарлетт. Джулия действительно искренне удивилась вечеринке, и светилась с тех самых пор, как прибыла пару минут назад. Я счастлива, что она в таком настроении, после месяцев депрессии с тех пор, как у нее случился выкидыш на прошлое Рождество.

— Ничего, кроме твоих больших три ноль.

— Ты выглядишь отвлеченной. В студии все в порядке?

— Все прекрасно, за исключением мамо-зиллы, которая контролировала каждый шаг.

— Я никогда такой не буду, — сказала Джулия.

— Мне начинает казаться, что это что-то в плаценте, что превращает рациональную женщину в лунатика после оплодотворения.

Девчонки засмеялись

— Ты точно что-то об этом знаешь, — сказала Скарлетт. Будучи моей ближайшей соседкой в городе, она выслушивает большинство пугающих историй сразу же, после того, как они произошли.

— Говоря о плаценте, — аккуратно говорит Джулия, оглядевшись вокруг, чтобы удостовериться, что нас никто не слышит. — Я беременна. — Она говорит так мягко, как будто сглазит, если произнесет это громче.

Я знаю, насколько сильно они с Мэттом мечтают о детях, мои глаза мгновенно наполняются слезами счастья. — Это лучшая новость в мире. — Я обнимаю ее, и когда я ее отпускаю, вижу слезы и в ее глазах.

— Я умирала от желания рассказать вам, — говорит она, пока Лорэн и Скарлетт обнимают ее, — но Мэтт и я хотели подождать, пока пройдет первый триместр, прежде чем говорить кому-либо.

— Мы ничего не скажем, — уверяю ее я.

Она улыбается и вытирает слезы. — Спасибо за преданность. Мы решили рассказать только членам семьи и самым близким друзьям. Я думаю, что Мэтт сейчас как раз рассказывает Блэйку.

Я НЕ МОГУ отвернуться, наплевав на то, что разум велит мне не вступать с ним в контакт. Конечно, я не слушаю голос разума, помните «я хочу, чтобы ты меня трахнул» с прошлой ночи?

За секунду на меня накатывает давящая необходимость посмотреть на него, он смотрит в мою сторону, и наши взгляды пересекаются над толпой. В следующее мгновение он идет в моем направлении, проходя одну за другой группы людей, пока не останавливается передо мной.

И, как будто узнав мужчину, что заставил их петь прошлой ночью, мои женские частички сходят с ума, танцуя вокруг в попытках привлечь его внимание.

— Ты в порядке? — спрашивает он низким интимным тоном, от которого частички поют аллилуйю.

— Конечно в порядке. Почему ты спрашиваешь?

— Ты кажешься... Я не знаю... Загнанной или типа того.

Я возненавидела, что он сказал мне это посреди комнаты, полной людей.

— Совсем нет, — говорю я на выдохе. — С чего бы?

Не ответив, он просто таращится на меня. Его голубоглазый взгляд такой проникновенный, мне кажется, что он смотрит сквозь мою фальшивую беззаботность.

Игра взглядами заканчивается, когда Мэтт просит больше льда.

— Я принесу. — Я направилась к холодильнику в гараже, и выкладывала пакеты со льдом на гаражный пол, когда Блэйк появился рядом со мной.

Несмотря мне в глаза, и огромное за это спасибо, он говорит:

— Оставь свою входную дверь открытой сегодня. — Он поднимает пакеты со льдом, закидывает их на плечо и возвращается в дом, пока я стою с отвисшей челюстью. Только холодный воздух из холодильника, окутывающий мое лицо, спасает меня от перегрева.

Он что и вправду только что это выпалил? «Раз-и-только-раз» Блэйк Дэмпси желает второго раунда? Разве это не беспрецедентное событие...

Блэйк

Я понятия не имею, зачем я сказал Хани оставить ее дверь открытой для меня. Окей, это не совсем, правда. Это потому, что она выглядела загнанной, и я переживал за нее. Да, вы правильно меня поняли. Я действительно беспокоюсь, возможно, что-то из того, чем мы занимались прошлой ночью, доставило ей неудобства, и мне нужно знать наверняка. Поэтому я и произнес необычную для себя просьбу, чтобы она не запирала дверь.

Умм, что я делаю? Я не вступаю в отношения. Я не «беспокоюсь» о своих сексуальных партнершах после того, как мы закончим. Я никогда не даю обещаний, которые не смогу выполнить, и никогда, никогда, не вступаю в компрометирующую связь с женщинами.

Я не планирую менять свои правила ради Хани. Просто под ее напористой и «трахни меня» внешностью она хрупкая. И, боже мой, она бы возненавидела бы меня, если бы знала, что я так о ней думаю. Хани не хотела бы, чтобы думали, что она хрупкая, но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы осознавать, что дерзкое поведение в баре — это не настоящая Хани Кармайкл. Даже близко не она.

Нет, настоящая Хани пытается преодолеть свой тяжелый старт всю свою жизнь, компенсируя это многими мужчинами, всегда в поисках неуловимого «чего-то», чего у нее никогда не было. Я как то слышал, как какой-то парень сплетничал на тему, что у нее «комплекс папочки». Что бы это ни значило, я быстро заткнул его, предупредив, чтобы больше никогда не слышал, как он несет всякую ересь или вообще что-либо о ней. Я почти подрался с парнем, которому не понравились мои слова. Похер. Никто не будет так говорить о Хани передо мной и спокойно уходить от ответа за свои слова.

Воспоминание о том инциденте в контексте произошедшего вчера ночью заставляет меня задуматься о моем поведении. Конечно, я буду ее защищать. Я щипал ее на детской площадке. Вот как давно я ее знаю. Я бы поступил так же для Лорэн и Джулии, и Скарлетт, и любой другой девушки, с которой я вырос.

Острая боль, которая обычно щипает меня по центру груди, говорит, что я лгу. Если бы я был предельно честен, то сказал бы, что Хани отличается от остальных. Она всегда отличалась, современ, когда я ее щипал до последней ночи, когда я наконец-то получил

возможность прикоснуться к ней так, как хотел с тех пор, как себя помню... Она была другой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Давно, в классе шестом или седьмом, я думал, что Хани станет моей девушкой, но этого не произошло. Джордан переехала в наш город летом между восьмым и девятым классом, и я больше не смотрел на других девушек годами, пока я был с ней. У нас были планы. Множество планов. Я перестал планировать с тех пор, как потерял ее. В чем теперь смысл? Жизнь трахнет тебя, несмотря на твои планы, так зачем напрягаться?

По крайней мере, я в курсе, что я испорченное нечто из мужчины, которое очень хорошо функционирует вне себя. Мой успешный бизнес и есть доказательство моей способности, прикидываясь добиваться успеха. Я делаю все, что в моих силах. Для людей, которые работают на меня. Для моих родителей, для моих братьев и сестер, которые все женаты и с детьми. Для родителей Джордан, и для друзей, которых я умудрился не растерять за те двенадцать лет, когда мое сердце перестало нормально биться.

Но внутри, где я остаюсь сам с собой, с воспоминаниями, приносящими такую боль, что я не хочу их помнить, я руина. Нехорошее, сломанное нечто, и это все, что я имею. Вот почему я не подпускаю женщин к себе близко. Вот почему я не вступаю в отношения. Я отказываюсь рисковать больше, чем я могу позволить себе потерять. Я выучил на горьком опыте, что это не стоит той агонии, когда что-то пойдет не по плану. А все всегда идет не по плану.

Как еще объяснить то, что моя умная, красивая, счастливая, всегда улыбчивая Джордан лежит в дыре под землей, когда столько ужасных людей имеют возможность жить? Сначала я мирился с тем, что ее потерял, только постоянно напиваясь до полной отключки. Я быстро понял, что мне все равно придется просыпаться на следующий день и вспоминать о потере, чувствуя себя при этом, как в аду. Я остановился до того, как мои родители и братья с сестрами воплотили свои угрозы насильно отправить меня на реабилитацию. Теперь я выпиваю одно-два-три пива субботним вечером, и очень редко выпиваю больше и что-либо покрепче.

Не смотря на то, что я делаю, боль не ослабляет хватку, и не дает мне забыть. Я несу смерть Джордан, как крест. Она умерла. Я выжил. Боль — это наименьшее, что я ей должен.

На протяжении первых невыносимых лет все в моей жизни двинулись дальше. Они говорили мне, что это то, чего бы она хотела, и я знаю, что они были правы. Я всегда знал, что этого она хотела для меня, но я никогда не был на это способен. После пяти лет мои семья и друзья перестали попытки свести меня с их одинокими подругами, и коллегами, и сестрами, «которые идеально мне подошли бы».

Я уверен, что все они были хорошими девушками, но я отказывался выпускать моих демонов перед кем либо. Это было бы нечестно. Вот он я, идущий по жизни один, когда Хани Кармайл пронеслась по моему любимому бару и огорошила меня предложением, от которого я не смог отказаться, хотя осознавал, что должен был.

У меня было много бессмысленного, «получи-оргазм-и-двигайся-дальше» секса, с тех пор, как мне удалось завершить тот ужасный раз с кем-нибудь другим. Я осведомлен о своей репутации в городе, меня называют «машиной» в мешке, и все женщины, с которыми я был, всегда отмечают размер моего оборудования. Похер.

Конечно, они всегда возвращаются за добавкой.

Я всегда отвечаю отказом. Раз покрутили и забыли. Вот так я и живу. Так какого же

хера я делаю, говоря Хани не запирать дверь?

Покручивая бутылку, я отпиваю большой глоток пива, наблюдая, как она пересекает комнату, смеясь и разговаривая с Джулией, Лорэн и Скарлетт, и другими женщинами, которых мы знаем всю жизнь. Почему я не могу оторвать от нее глаз? Почему я замечаю, что ее губы все еще опухшие от прошлой ночи, у что у нее «ожог бритвой», оставленный мной на ее шее, когда к середине ночи моя борода начала отрастать? Почему знание того, что я оставил свой след на ней, вызывает во мне множественный развратный трепет?

Почему мне не все равно, что она выглядит разбитой?

— Хорошо проводишь время?

Я смотрю на Мэтта, моего лучшего друга с первого класса, человека, который собственными руками спас мою жизнь всеми возможными способами. После того, как Джордан умерла, он оставался рядом со мной целых два месяца. — Отлично провожу время. Ты хорошо постарался. Джулия, кажется, в восторге.

— Так хорошо снова видеть ее улыбку.

Я был одним из немногих людей, кто знал, что она снова беременна после разбивающего сердце выкидыша прошлой зимой. Видите, что я имел в виду? Жизнь трахает вас в задницу, не смотря на то, как счастливы вы можете быть. Их выкидыш — классический пример. Чем они заслужили такую угнетающую потерю? Ничем. Абсолютно ничем. Вот почему легче не заводить отношения, чем рисковать, испытать такую боль.

— Хорошо, — ответил я, скрыв от него свои внутренние опасения, что развивались во мне годами.

— Почему ты наблюдаешь за Хани?

Черт.

— Что? Я не наблюдаю за ней.

— Ага, наблюдаешь, и до меня дошли слухи, что ты покинул бар с ней прошлой ночью. Есть ли в этом доля правды?

Я могу лгать некоторым людям. И мне не стыдно признать, что я бесстыже лгу, когда мне это нужно, чтобы оставаться свободным и чистым от всего, что может причинить мне боль, но я никогда не был способен лгать Мэтту. — Может. Она заходила. Мы потусили. Ничего, о чем хотелось бы рассказать.

— Ты «потусил» с Хани Кармайкл, и тут не о чем рассказать? — Он произносит сквозь смех, и отпивает глоток своего пива. — Как скажешь, мужик.

Его комментарий вызывает укол паники глубоко внутри меня, в месте, которое окружено бетоном и колючей проволокой.

— Что это значит?

— Ничего. Абсолютно ничего.

Говорил ли я, что мой лучший друг частенько вызывает во мне желание вмазать ему? А говорил ли я, что он один из двух людей, кто помогает моему бизнесу работать гладко? Так что вмазать ему — не вариант, если я не хочу это испортить.

— Если тебе есть что сказать, скажи это. Иначе, иди на хуй.

Ублюдок снова смеется, опять отпивает пива и смотрит на меня угрожающим взглядом. — Не делай с ней того, что ты обычно делаешь, Блэйк. Она много значит для всех нас, и ты знаешь так же, как и я, что она не такая стойкая и смелая, какой хочет казаться. Причинишь боль ей, причинишь боль нам.

Чертов ад.

— Я ничего с ней не делаю. — Ну, если не считать, что мы спаривались, как кролики, но это закончилось. Мы это сделали. В прошедшем времени. Нет причин для беспокойства.

Но в моей груди боль, которая не покидает меня с тех пор, как я проснулся один этим утром, после одной из лучших ночей в моей жизни, которые у меня были после смерти Джордан. Я уже выпил Тамс [*средство от изжоги — прим. перев.*] сегодня в надежде, что это поможет, но не помогло и капли. Может мне пора в больницу, проверить свое сердце. Я потер рукой по груди.

— Я серьезно, Блэйк. Не трахайся с ней, или ответишь передо мной.

При нормальных обстоятельствах мне нравится, что наши рабочие отношения не стали на пути нашей дружбы длиной в жизнь. Мне нравится, что он говорит что-то в этом духе, не смотря на то, что я его босс. Но это не нормальные обстоятельства, и сегодня, без всякой причины, его слова не проходят мимо меня, как обычно это бывает.

— Не волнуйся об этом.

— Я буду волноваться из-за этого, и ты тоже должен.

— Я слышу тебя, Мэтт, но нет причин угрожать. Хани и я в порядке.

По крайней мере, я надеюсь, что так и есть. Я проверю это позже, когда заскочу навестить ее. Мы вернемся на круги своя, и таковыми будем. Тот, кто сказал, что секс все меняет, никогда не встречал меня. Я — машина. Я не привношу эмоции. Никогда.

Хани

Я — комок нервов. С того момента в гараже Мэтта и Джулии, когда Блэйк велел мне оставить дверь открытой. Чего ему от меня нужно? Вряд ли больше секса, потому что все вокруг знают, что он не делает этого с кем-либо больше, чем одну ночь. Лорэн была редким исключением, но это было, когда он был гораздо моложе. В последнее время его «получи-оргазм-и-двигайся-дальше» философия стала широко известной.

Поэтому я возвращаюсь к вопросу, что ему могло от меня понадобиться?

Я прихожу домой в одиннадцать тридцать. Блэйк был на вечеринке, когда я уходила, так что я не знаю, когда его ожидать. Я подхожу к задней двери и долго смотрю на замок, прежде чем провернуть и оставить его открытым. Звук щелчка в механизме замка громче, чем когда либо, разлетается эхом по моему тихому дому, как выстрел.

Окей, я драматизирую, но все в этой ситуации выглядит как большая драма для меня. Не то чтобы у меня был большой драматический опыт с мужчинами. Обычно они не такая уж и загадка для меня, и я к ним не так привязываюсь, чтобы беспокоиться об их поведении.

Почему же меня так беспокоит Блэйк, почему он решил встретиться сегодня ночью?

Оставив дверь открытой, я иду, а точнее хромаю, к кровати, переодеваюсь в топик и пижамные штанишки. Ванная помогла мне с ноющей болью, но мое тело все еще ощущает пост эффекты моей сумасшедшей ночи с Блэйком. Я останавливаюсь между спальней и ванной, когда покалывание между ног указывает на то, чего жаждет оно.

— Ни за что, — говорю я громко, как будто это самое тяжелое из принятых мною решений. — Плевать что у него на уме, я не должна допустить этого снова. Я никогда не смогу уйти, если он еще раз ко мне прикоснется сегодня ночью.

Сегодняшний день напомнил мне о том, как я чувствовала себя после первого секса с Рэнди Дэйдом, в сарая его отца, летом, перед начальным годом старшей школы [*если я ничего не путаю, это первый из четырех классов перед выпуском в американской школе, следовательно, Хани было 14–15 лет — прим. перев.*]. Он набросился на меня, как таран, и я еще долго испытывала неприятные ощущения и боль после этого. Мне пришлось сказать бабуле, что я упала с лошади, поэтому не могу нормально ходить. Скорее всего, она мне не поверила, но я больше никогда не занималась сексом с Рэнди, к его ужасу.

После первого травматического инцидента с сексом, я не занималась им более двух лет, и следующий раз был не таким плохим. И последующие тоже. Но секс никогда не был чем-то особенным до того, как я занялась им с Блэйком. И этот секс стал лучшим, чем просто окей, но случился с парнем, который никогда не захочет чего-то большего.

— Ты знала, что счет не в твою пользу, когда входила в тот бар вчера вечером, Хани Кармайкл, — говорю я себе. — Не обманывай обманщика, и не раздувай из одной ночи что-то большее, чем это было на самом деле. ПРОСТО. СЕКС.

Это именно то, о чем меня предупредила Лорэн: не проявлять мягкость к мужчине, которому не нужна мягкость ни от меня, ни от любой другой женщины. Мне нужно все время об этом помнить. Я выслушаю его сегодня ночью и пошлю идти своей дорогой, надеясь, на нескорую встречу. И у меня будет достаточно времени запихнуть нашу ночь в коробку моего мозга и оставить ее в прошлом. Я смогу это сделать. Мне необходимо это

сделать.

Спустя несколько минут замок на задней двери щелкнул, и мое сердце чуть не разорвалось от адреналина и восторга... Твою мать, Хани. Прекрати это немедленно. Я сделала пару глубоких вдохов, и только потом вышла из ванной, прошла спальню и вошла комнату-салон, как ее называла бабуля, комнату, которую она хранила нетронутой, для гостей. Блэйк стоял посередине комнаты, с руками на бедрах и хмурым выражением лица.

Его взгляд был направлен четко мне на грудь, которая прекрасно подчеркивалась топиком. Подумай я немного, успела бы накинуть рубашку, и пока он на меня смотрит, его хмурое выражение сменяется каким-то... голодным. Это единственное слово, каким я могу описать то, что я вижу в его горящем взгляде, которым он меня одаривает.

— Ты хотел меня видеть? — спрашиваю я, говоря каким-то неровным голосом.

— Ага, хотел.

Я собиралась задать еще один вопрос, но его руки упали с бедер, и он начал движение в мою сторону. Мне понадобились все силы, чтобы не отступить от него назад, помня, что это Блэйк, мой друг, которого я знаю всю жизнь, и мой любовник на одну ночь. Мне не нужно его бояться. Но он подходит ближе, его голодный взгляд сменяется хищным, и я понимаю, что у меня есть масса причин, чтобы бояться его и той силы, которой я сама его наделила, и с которой он может причинить мне боль.

— 3-3-зачем ты пришел?

Его руки прикоснулись к моим бедрам, и он притянул меня к себе.

— Вот за этим.

Ударяясь в его грудь, я пишу от неожиданности. Подняв глаза вверх, чтобы спросить какого хрена он делает, но не успела, потому что его губы слились в поцелуе с моими. Он сразу вернул меня в прошлую ночь, и в грандиозное наслаждение, которое я нашла в его руках.

Позже у меня будет достаточно времени, чтобы обдумать, как я позволила этому случиться, а сейчас его язык у меня во рту, и мое тело реагирует на каждое его прикосновение. Фейерверками. Это самое лучшее слово, каким я могу описать реакции на его движения. Мелкие взрывы происходят у меня под кожей, заставляя мои соски затвердевать и мой клитор побаливать от удовольствия.

Его руки обнимают меня, делая пленницей, но я не возражаю.

Никто не целовал меня так, как Блэйк, и я была дурой, думая, что одной ночи будет достаточно нам обоим. Я хочу залезть на него, обернуть ноги вокруг его талии и шлифовать его твердый член, который сейчас уперся мне в живот.

Он опять проделывает этот фокус с чтением моих мыслей, когда хватает меня за ягодицы и поднимает, не размыкая поцелуй. Я оборачиваю себя вокруг него, нагибаю голову вправо, улучшая угол поцелуя. Его стон говорит мне, что он это одобряет. Спустя мгновение он размыкает поцелуй, и обращает все внимание на мою шею.

— Я обещал себе, что не притронусь к тебе сегодня. — Он кусает меня у основания шеи, и я почти кончаю от разряда электричества, который прострелил прямо в мой клитор. — Я не подхожу тебе, Хани. Ты заслуживаешь большего.

— Ты подходишь мне именно сейчас. — Я запустила руки ему в волосы и притянула к себе, чтобы снова поцеловать. Я не могу контролировать свою жажду его члена, и он, кажется, тоже не может контролировать свою жажду. Если бы не его джинсы и моя пижама, мы бы уже занимались сексом, а не симулировали его.

— Еще один раз, — говорит он сексуальным голосом, который будет наполнять все фантазии до конца моих дней, после этого знаменательного уик-энда. — Скажи мне, что ты понимаешь.

— Еще один раз.

— И все. Мы пришли к согласию?

— Да, Блэйк. Мы согласны.

Я поняла, что мы сдвинулись с места, когда мы переступили порог моей спальни, и он накрыл меня собой на моей кровати, пока продолжал играть своим языком у меня во рту, наращивая мое отчаянье.

Я здесь с ним, каждая моя частичка жаждет его, и он здесь для меня.

Он разрывает поцелуй только для того, чтобы стянуть мою пижаму и свою футболку с джинсами. Святые небеса, на нем нет нижнего белья, и его огромный болт такой напряженный, кончик сиреневый.

Мои слюнки текут, я присаживаюсь, чтобы дотянуться к нему.

— Позволь мне, — говорю я, пока он не отошел от меня. Я беру основание его пениса в руку и начинаю дробить, одновременно беря кончик в рот, сосу широкую головку, облизываю ее языком.

Звук, который он издает, недалек от звериного, и это невероятно меня заводит. Я усиливаю движения своей руки, что приносит удовольствие нам обоим. С этими мыслями я беру его так глубоко в рот, как только могу, сосу, облизываю, и дроблю его, пока он не упирается мне в горло. Я преодолеваю рефлекс отвращения, и он проскальзывает в мое горло.

— Охуеть, Хани, — рычит он, когда напрягает свои бедра. — Не останавливайся. Прошу, не останавливайся.

Мои глаза наводняются, слезы текут по щекам, я концентрируюсь на дыхании через нос, пока мои пальцы опускаются вниз и играют с его яйцами, которые в не меньшем напряжении, чем его член.

Он задыхается.

— Отпусти меня, дорогая. Сейчас.

Думая, что я что-то сделала не так, я медленно отпускаю его, приходясь языком по длине его ствола, пока полностью не выпускаю его изо рта.

— Я делала это неправильно?

— Если бы ты еще немного поделала это так правильно, как ты делала, я бы вырубился. — Он охватывает меня под коленями, тащит к краю кровати, направляет свой ствол в мою киску и делает толчок, который заставляет меня кричать, и не от наслаждения. — Ебать, тебе больно. — Он выходит, и падает на колени перед моей кроватью, наклоняется и лижет мою чувствительную, пульсирующую плоть.

Я чуть не плачу от той нежности, с которой он занимается любовью со мной, своим языком на моем клиторе, продвигаясь дальше к моему входу. Меня не удивило, что язык пошел ниже, облизывая меня в местах, к которым никто не прикасался до вчерашней ночи. Я кончаю тихими, мягкими волнами, один оргазм перетекает во второй, мое тело окутывает пьянящее наслаждение.

И в минуту, когда все это заканчивается, он начинает снова, медленно и нежно своим языком, но поднимая руки к моей груди, щипая меня за соски достаточно сильно, чтобы я везде почувствовала реакцию.

— Блэйк...я хочу...

— Чего, дорогая? Чего ты хочешь?

— Тебя внутри меня.

— Ты все еще слишком опухшая.

— Входи медленно. Я очень этого хочу. — Я чувствую себя пустой и жаждущей, и отчаянно желающей мужчину впервые в моей жизни. И не просто мужчину. Именно этого мужчину.

Он поднялся во весь рост и осмотрел меня. Я только могу представить, как выгляжу с разбросанными по всей кровати волосами, расставленными ногами, торчащими сосками и нуждой, что пульсирует во мне. Очевидно, что ему нравится то, что он видит, потому что его лицо искривляется в полу улыбке, что заставляет мое сердце сжаться от того, каким счастливым и беззаботным парнем он был, пока жизнь не преподала ему самый жестокий из своих уроков.

Я тянусь руками к нему, он ложится на меня сверху, направляя свой ствол в мой вход, и нежно начинает входить. Благодаря его усилиям я такая влажная, что все происходит легче, чем раньше. Жжет больше, чем болит, пока моя плоть растягивается под его размеры.

— Мать твою Хани, какая ты узкая.

— В прошлом у меня были с этим проблемы.

Он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Правда?

— Я не всегда могла принять. — Я горю от стыда, но хер с ним... — И у меня никогда не было такого большого, как у тебя.

— Они просто не прилагали много усилий, чтобы тебя подготовить.

— Они никогда и не заводили меня так, как ты.

Я прикусываю губу, и киваю, чтобы он продолжал продвигаться.

— Готова для меня?

— Д-д-думаю, да.

— Спокойно и легко, дорогая. Спокойно и легко.

Держа свое слово, ему требуется много времени, чтобы войти в меня полностью, и когда он наконец-то это делает, мы оба потные, тяжело дышим на грани освобождения.

— Подожди, — шепчет он, проводя губами по моему ушку и зажигая дикий огонь внутри меня. — Давай помедленнее.

— Если мы сбавим скорость, то наступит утро, пока мы кончим.

— А это плохо?

Я стону и извиваюсь, сжимая свои внутренние мышцы, делаю все, чтобы заставить его двигаться. Но он не торопится, и я клянусь, его копье становится еще больше с каждой секундой, которую он проводит внутри меня.

— Я с тобой, как на небесах, Хани. — Его губы напротив моих. — Мне так хорошо. Скажи, что и тебе хорошо.

— Очень. Мне это нравится. — Я хватаю его упругий зад и впиваюсь в него ногтями, умоляя его о сладком освобождении, толкая своими бедрами его.

— Ууум, детка, с тобой тяжело торговаться. Обними меня за шею.

Неуверенно я обнимаю его за шею, сцепляю руки в замок.

— Держись крепче. — Он запускает свои руки под меня, приподнимает меня и опускается ко мне, его ствол погружается еще глубже, так глубоко, что я вскрикиваю от

разрядов, что расходятся по всему телу спиральями от места, где мы соединяемся. Он медленно приподнимает меня вверх и вниз, наши плоти скользят, дыхание тяжелое. — Так хорошо, Хани «дынька с росой». Так охуенно хорошо.

— Да, — я смеюсь над его прозвищем для меня, и выкрикиваю каждое слово, отбрасывая голову назад, пока он медленно несет меня к небесам. Никогда не чувствовала ничего подобного. Я достаточно умная, чтобы понимать, что ничто больше никогда не сможет чувствоваться лучше, чем то, что происходит сейчас. Какая глубоко депрессивная мысль. Я знаю, на что он способен, и на что он не способен. Этого должно быть достаточно.

Если эта вторая бонусная ночь никогда не повторится, я нацелена насладиться каждой ее каплей.

Блэйк

Мне так хорошо с ней. Я чувствую это, и знаю, что она это чувствует. Возникает чувство защищенности, когда ты делаешь это с тем, кого давно знаешь. С ней я могу все отпустить и быть собой. Мне не нужно прятать агонию, что сопровождает меня каждую секунду моей жизни. Она знает. Она была там. Мне не нужно ей ничего объяснять, и это само по себе большое облегчение.

Мои мысли, роящиеся каждую минуту, пока я бодрствую, исчезают, когда я с ней. И у меня появляется что-то, о чем можно подумать, кроме сожалений и скорби. Занимать себя работой до такой степени, чтобы не оставалось времени на вздох — мой защитный механизм, и он хорошо работал много лет.

Но охуенная Хани работает намного лучше.

Она смотрит на меня этими бездонными глазами, и я растворяюсь в ней.

Ребята с работы говорят, что я машина, из-за того объема работы, который я выполняю за обычный день. Я не прошу их делать того, чего не хочу делать сам. Я заставляю себя работать больше, чем остальные, и в результате у меня успешный бизнес, который растет с каждым годом. Все, о чем я беспокоюсь — это успех.

Женщины, с которыми я провожу время, зовут меня машиной в постели из-за моей выносливости и «эмоциональной отдаленности», как сказала одна из них. Если это делает меня машиной, я могу жить с этим спокойно, и беспокойно, когда вмешаны эмоции.

Такая отвлеченность работает для меня отлично, и даже с нежной кожей Хани Кармайкл вокруг меня, я не собираюсь менять свои привычки. Но мне нравится, как она смотрит на меня, когда я внутри нее: немного с трепетом, немного спутано, и немного с обожанием.

Я цепляюсь за обожание. Я не осознавал, как он мне нужен, пока Хани мне это не показала. Я проносил через жизнь, бессмысленный момент за бессмысленным моментом. Обожание — вот что привело меня к ней сегодня, нужна еще одна доза ее специфической сладости.

Она такая тугая, мокрая, горячая, что я подхожу к грани освобождения намного раньше, мне приходится от нее отстраниться, наслаждаясь писканиями ее протеста. Нагнувшись, я взял ее левый сосок в рот, пока пощипывал правый пальцами. Покрывая поцелуями мой путь к ее передку, я поднял ее ноги мне на плечи, чтобы открыть ее для моего языка.

— Самый сладкий мед, который я когда-либо пробовал.

Ее бедра обвиваются вокруг моей головы, пока я теряюсь в ней. Все, о чем я сейчас

беспокоюсь, это как заставить ее кончить сильнее, чем когда-либо раньше. Я хочу оставить свой след на ней. Я хочу, чтобы она помнила это, когда все закончится. Почему я этого хочу, я подумаю позже, когда вернусь к своему одиночеству. Сейчас у меня есть куда лучший повод для размышлений, чем возвращение в мою пустую, регламентированную жизнь.

Я приближаюсь к ее клитору и сильно посасываю его, работая языком вверх и вниз, пока проталкиваю в нее пальцы. Эта комбинация вызывает желаемый эффект, и она разрывается криками наслаждения, которые ударяют прямо по моему стволу. Он хочет ее трахнуть немедленно.

Она все еще кончает, когда я проникаю в нее, сотрясается во втором оргазме, нахлынувшем поверх первого. Вжимает пальцы в мои ягодицы и толкает меня глубже в себя. И когда я приближаюсь, поднимает свои бедра каждому моему удару на встречу. Мы двигаемся вместе, как давние любовники, и эта мысль сбивает мой ритм на секунду.

Конечно, она это замечает. — Ты в порядке?

— Да, дорогая, со мной все хорошо. А ты?

— Мммм. Да, я в порядке

Я улыбаюсь ей. — Самая сладкая медовая конфетка, которая у меня была [*Sweetest Bit-O-Honey I ever had* — название американской конфеты с начинкой из меда — прим. перев.].

Она улыбается в ответ и запускает пальцы в мои волосы, притягивая меня и награждая сладким и нежным поцелуем, мне становится больно внутри от того, что никогда не случится. Если бы я был другим. Если бы я был способен... Но я не способен, и желать вещей, которые никогда не произойдут — это верный путь к безумию.

Я знаю себя, и у меня нет сомнений, что лучше сохранить статус-кво, чем отклониться от курса, который держал меня в трезвом уме все эти годы. Но признаю, что я испытываю желание хотеть большего впервые со смерти Джордан, и это чертовски пугает меня.

— Черт, Хани, — я начинаю выходить из нее. — Я забыл презерватив.

Она останавливает меня.

— Я на контроле рождаемости, и я чиста.

— Я тоже чист. Я давно ни с кем не был. — Я восстанавливаю ритм, беспощадно двигаясь дальше, и забирая ее с собой. — Боже, как же хорошо.

Она снова кончает, и сокращения ее тугой киски вокруг моего болта приводят меня к оргазму. К сильному оргазму, я ложусь на нее, когда мои руки уже не держат меня. Я боюсь раздавить ее, но ей, кажется, все равно. Она запускает пальцы в мои волосы такими нежными, успокаивающими движениями, и я расслабляюсь в ее объятьях.

Мои глаза становятся тяжелыми от ночи без сна. Мне нужно подняться и идти домой. Ночь вместе — не часть моего обычного поведения, но я решаю, что останусь еще на пару минут, это не причинит мне вреда.

Блэйк

Следующее, что я понимаю, что наступило утро. Солнечный свет пробивается сквозь шторы спальни Хани, запах кофе и бекона сжимает мне желудок. Ебать. Я ночевал у нее. Я посмотрел на часы и увидел, что уже больше десяти утра. Я не могу вспомнить, когда я последний раз просыпался так поздно.

Стоп... Я вспомнил, и это лишило меня воздуха. Моя мама разбудила меня ближе к полудню, чтобы сказать, что звонила Джордан, и просила приехать за ней, чтобы поплавать в нашем бассейне. Ее машина была в мастерской, и я был ее личным водителем всю неделю. Бормоча, я заставил себя вылезти из постели, поехал за ней, и привез ко мне домой плавать.

Спустя столько лет, я все еще помню ее белое бикини, и как оно оттеняло ее темный загар. Мама Джордан была мексиканкой, и наградила свою роскошную дочь ее темными волосами и кожей.

Моя мама приготовила нам ланч и ушла в парикмахерскую. Как только ее машина покинула подъездную дорожку к дому, мы побежали в мою комнату, где следующие два часа занимались любовью, пока я не повез ее обратно домой, она должна была присмотреть за своим младшим братом. Грузовик ударил нас через четыре квартала от моего дома и за шесть кварталов до ее дома. Я этого не ожидал.

Воспоминания огорошивают меня, вызывая боль и напоминая, почему я не ночую ни с кем, почему не завожу отношений, или не теряю себя с помощью силы прекрасного забвения, которое приносит сон — потому, что мои кошмары возвращают меня в темноту.

Убегаю от прошлого, боли и скорби, которая выжимает все соки, но еще не нашел лучшего защитного механизма. Таращась в потолок Хани, я провожу пальцами по волосам, мечтая о каком-то средстве для стирания памяти. Ирония в том, что я не помню саму аварию, но четко помню каждую минуту, проведенную с Джордан. Я помню блаженную радость первой любви и ужасную, мучительную агонию, когда узнал о ее смерти.

Я содрогаюсь от воспоминаний о том, как мои родители в слезах стояли у моей больничной койки, когда сообщали мне новость.

Какого хера я думаю об этом дерьме сейчас? Злой на себя, я поднимаюсь и иду в душ Хани. Я одеваюсь быстро, с намерением убраться отсюда как можно скорее и при этом не показаться грубым.

Хани на кухне, одета в футболку, что едва прикрывает ее голую задницу. Волосы собраны в высокий хвост на макушке, и она напевает кантри-песенку своим чистым голосом, который напоминает о временах, когда она была певицей в местной группе. Странное чувство возникает внутри меня, наполняя меня тоской. Не могу сказать, почему я тоскую, но знаю, что это как-то связано с ней.

— Голоден? — спрашивает она, шпионя, как я рассматриваю ее.

— Я мог бы поесть. — Стоп, откуда эти слова? Я же собирался уходить. — Пахнет превосходно.

Она жестом указывает на барные стулья у стойки.

— Присаживайся.

Я иду после завтрака. Она же напряглась и приготовила его. Будет как-то тупо не

остаться и не поесть приготовленную ей пищу, а еще я голоден. Яйца легкие и пушистые, бекон прекрасно поджарен, и тост намазан маслом для меня. Она придвигает ко мне кружку с кофе, приготовленным так, как я люблю, со сливками и двумя ложками сахара, и присоединяется ко мне за соседним стулом.

Она дала мне вдвое больше, чем себе [*имеется в виду размер порции — прим. перев.*]. Метафоры не потеряны для меня. Той ночью она пришла ко мне с желанием быть с мужчиной, который знает, как ублажить женщину. Но может ли она догадываться, что ее милое обожание делает со мной?

Внезапно понимаю, что не хочу, чтобы это заканчивалось, но как я могу ей об этом сказать? Мне все больше нужна она, ее обожание, невероятного секса и нежности. Паника нарастает в моей груди, и выталкивает весь воздух. Кровь пульсирует сквозь мое ожившее сердце, как будто мертвая конечность возвращается к жизни. Я чувствую что-то к Хани, что-то, чего не чувствовал еще после смерти Джордан.

Но как мне изменить правила, которые я сам установил? Я думаю об этом затруднительном положении, пока допиваю свою вторую кружку кофе.

— Мне нужно поехать посмотреть на место следующего заказа по работе сегодня в полдень. — Слова вырываются быстрее, чем я успеваю подумать о последствиях сказанного. — Не хочешь поехать со мной?

Она смотрит на меня с нескрываемым удивлением.

— Конечно. — Очко в ее пользу, что она не напоминает мне о том, что я сказал сегодня ночью, что чтобы ни было между нами, все закончится сегодня.

Ее однословный ответ — невероятное облегчение для меня, и я знаю, что у меня будет больше времени с ней. Как много? Я не могу сказать, но сейчас меня это вполне устраивает.

Хани

Он вел себя тихо за завтраком, поэтому его приглашение удивило меня. Я думала, он ищет изящные пути ухода. А вместо этого он обдумывал, как пригласить меня поехать куда-нибудь с ним.

Интересно. Мне понадобилось немного усилий, чтобы скрыть настоящий шок от его предложения. С ним нужно вести себя легко, иначе полностью его спугну. Проведя последние две ночи с ним, я не хочу его оттолкнуть. Я хочу как раз наоборот, но я знаю его, поэтому стараюсь много не думать над простым предложением, даже понимая, что ничего простого в нем нет.

— Разреши мне быстро принять душ, — говорю я, пока заканчиваю загружать посудомойку.

Блэйк подходит ко мне со спины, смыкает руки вокруг, и целует в изгиб шеи. Вот и все, что мне нужно, чтобы желать приглашения в постель, а не на рабочую прогулку.

— Спасибо за завтрак. Было очень вкусно.

— О. На здоровье.

Его руки двигаются по моим бедрам под футболкой, к моим ребрам, и накрывают мои сиськи.

Соски мгновенно твердеют, а киска просыпается от уколов боли. Я еще очень воспалена, и испытываю боли после вчерашней ночи, но это меня не останавливает, и я трюсь попкой о его стояк.

Он стонет и щипает меня за соски.

— Ты очень спешишь на осмотр заказа?

— У меня есть целый день, дорогая.

— Могли бы мы, если ты хочешь, конечно..., — я не совсем элегантно взвизгиваю, когда он поднимает меня и несет в спальню, укладывая на кровать лицом вниз. — Блэйк...

— Вот так, — говорит он хрипло, пока расстегивает молнию. Он проверяет мою готовность, проведя кончиком своего агрегата у меня между ног. — Боже, ты всегда такая мокрая для меня, росинка-Хани.

Я поднимаю бедра, поощряя его. Ему не нужно много поощрения.

— Как ты этого хочешь? Жестко и быстро или медленно и нежно?

Ни один мужчина до этого меня не спрашивал, и я осознала, что я становлюсь зависимой от него, от того, как он занимается любовью или трахается, или чем мы тут занимаемся.

— Хани?

— Жестко и быстро.

— Ты все еще воспалена?

— Немного.

— Тогда начнем медленно и нежно.

Отвечая за свои слова, он входит в меня со спины медленными, но постоянными толчками, давая моему телу время растянуться под его размеры. Он такой большой и напряженный, что жжение неизбежно, но оно быстро перерастает в удовольствие. Схватив меня за бедра, он погружается в меня, пока соски трутся о простыни на моей кровати. Я сжимаю руки вокруг одеяла, потому что мне нужно будет за что-то держаться, когда он ускорит темп. И кричу от внезапного оргазма, который разрывает меня, пока он все еще глубоко внутри меня.

— Ебать, — стонет он, бушующая во мне, пока кончает. — Я теряю всякий контроль, когда эта тугая киска зажимает меня.

— А я теряю контроль с твоим громадным членом.

Хрюкающим смехом он говорит:

— Рад, что он тебе нравится.

— Я быстро становлюсь зависимой от него. — И как только я это произношу, жалею о сказанном. Ему не нужна моя зависимость от какой-либо его части.

— Я смогу с этим жить, — шепчет он, кусая меня за локоть, перед тем, как выйти из меня. Он игриво щипает мою попку. — Ты опять запачкала меня, так что давай примем душ вместе, и съездим, пока я не забыл, что у меня есть дела, и пока я снова не затащил тебя в постель.

Можно ли мне сказать, что я не возражаю быть затащенной им в постель? Я могу сказать это в другой раз, если он будет.

Он присоединяется ко мне в душе, и кажется таким счастливым, пока намывает каждый сантиметр моего тела моим мылом с запахом лимонной травы.

— Мне нравится запах этого мыла, — говорит он.

— Я купила его в Марфа Брендс в центре города.

— Отличное мыло.

— Могу и тебе купить.

И опять я возбуждена так, как будто и не было оргазма десять минут назад. Как ему это

удается? Я охватила руками его шею и притянула для поцелуя. Я становлюсь ненасытной рядом с этим мужчиной. Обычно я девушка — «получила и забыла», но Блэйк открывает во мне стороны, о существовании которых я не подозревала. И когда он поднимает меня и прищипливает своим гигантским стволом, я понимаю, что он давно испортил меня для остальных мужчин.

И это чистое безумие! Мы только что этим занимались, и мы опять этим занимаемся. Я бессильна противостоять ему, он контролирует мое медленное скольжение по его стволу.

— Блэйк. — Я задыхаюсь от желания и наполненности его твердой, пульсирующей плотью.

Дрожь проходит через все его тело.

— Держись крепче. Сейчас будет очень, очень быстро.

Он как помешанный, когда прижимает меня к плитке на стене в душевой кабине и входит в меня так, как будто год не трахался. Все, что я могу, это крепко держаться и наслаждаться поездкой. Его пальцы впиваются в мои ягодицы, он разводит их в стороны для более глубокого проникновения.

— Хани... Господи, Хани... Как хорошо. — Его лицо выглядит напряженным, когда он проводит большим пальцем по моему клитору, я взрываюсь.

Он кончает с рыком, который глушит звука душа. Потом он снова меня целует, как безумец, или как мужчина, который чувствует что-то, кроме скорби, впервые за несколько лет.

— Святой ад, — бубнит он. — У меня никогда не было секса без презервативов с кем-либо.

— Тебе нравится?

— Если мне понравится еще на капельку больше, я умру.

Я могу сильно себе льстить, но он выглядит иначе с тех пор, как мы вместе, веселее что ли, и я начинаю надеяться...

Нет. Не надо. Помни, что тебе говорила Лорэн. Ты не обретешь покой рядом с ним. Это до сих пор, правда, но чтобы между нами сейчас не происходило, мне чертовски хорошо с ним сейчас.

Уже после обеда, мы наконец-то оделись и вспомнили, что собирались проехаться на осмотр заказа. Мой мозг полностью спутан оргазмами. Я хотела знать, из-за чего все столько шумят вокруг секса, теперь я знаю. Я понимаю, почему из-за секса люди совершают сумасшедшие вещи, как например, проводят все воскресное утро в постели, в душе, и снова в постели.

Мое тело все еще мурлычет от тренировок, когда я сижу на пассажирском сидении грузовика Блэйка и подпеваю «Free Bird», что звучит по станции классического рока, которая включена у него в машине.

— Боже, эта песня, — говорю я. — Возвращает меня в старшую школу и в группу.

— Вы были хороши.

— Это были веселые времена.

— Вы не говорили о том, чтобы собраться вместе?

— Иногда возникают групповые смс-обсуждения, обычно ближе к праздникам, когда все дома, но нам никогда не удавалось собраться.

— Я думал, ты продолжишь свое пение.

— Я тоже так думала.

— Почему ты перестала петь?

Мне тяжело говорить о тех временах в моей жизни, когда я бросила свою мечту ради женщины, которая отдала мне все.

— Ты можешь не помнить, но я училась на факультете пения (сценического выступления) в Джульярдской школе [*одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположена в Нью-йоркском Линкольн-центре — прим. перев.*], когда бабуля заболела. — Я сжалась от воспоминаний о тех временах, потому что они до сих пор приносят боль. — Я бросила школу и вернулась домой, чтобы ухаживать за ней, и больше не возвращалась обратно в школу.

— Почему?

Я подбирала слова очень осторожно.

— Потерять ее было очень тяжело. Это надолго выбило меня из колеи.

— Она была всем, кто у тебя был.

— Да. — Ее нет уже долгих десять лет, и я до сих пор не обрела такого спокойствия, какое окружало меня рядом с ней. Спасибо Богу за Лорэн, Джулию, Скарлетт и остальных моих друзей, которые старались заполнить пустоту, но никто не заменит человека, который любил меня больше всех на свете.

Мы проехали Эль Космико, отделение в Марфе. Эклектический палаточный лагерь, предлагающий гостям все от люксовых Эйрстрим кэмперов до Сйос-стайл в виде монгольских юрт.

— Кэмпинговый городок многолюден по уик-эндам, — замечает Блэйк.

— в Чинати проходит фестиваль, — говорю я, вспоминая об одном из двух городских фондов, что занимаются наследием художника из Марфы Дональда Джадда. В 1970-х он развивал культуру искусства в городе с его инсталляциями вне музеев, где искусство постоянно демонстрировалось, чем пряталось и коллекционировалось.

Покровительство Джадда над искусством в нашем городе — основная причина успеха моих Детей Пустыни. Люди приезжают отовсюду в наш изолированный маленький городок в Западном Техасе, чтобы познать художественную культуру. В дополнение к моему процветающему бизнесу с Детями Пустыни, я продаю много панорамных снимков пустынных пейзажей, а некоторые мои фотографии Мистических Огней Марфы настоящие бестселлеры.

— Как ты переключилась с пения на открытие фотостудии?

— Это было моим хобби в старшей школе. Когда бабуля заболела, я выжимала максимум из каждого свободного момента, пока ее друзья приходили навещать ее. Я ехала в пустыню и часами снимала пейзажи. Это был единственный способ расслабиться. Когда она умерла, у меня уже было много готовых работ. На оставленные ею деньги я арендовала студию, а потом незаметно прошло десять лет.

— Жизнь произошла.

— Что-то типа того.

— Я сделал примерно так же, когда наконец-то добрался до колледжа.

Ему не нужно рассказывать мне о футбольной стипендии в Техасском Эй-энд-Эм университете, от которой он отказался из-за травм после аварии, которая убила Джордан. Весь город знал об этом.

— Когда меня отпустили с реабилитации, я поступил на семестр в Техасский университет в Остине, понял, что колледж не для меня, и устроился на работу к своему дяде.

У меня получилось выкупить его бизнес, когда он уходил на пенсию. Как ты сказала, прошло десять лет, и вот я здесь.

— Ты там, где хочешь быть?

— Думаю, что да. Я не могу представить себя где-либо еще, или за офисной работой. — Вздрагивает он. — Это бы убило меня. Гаррэтт уже хочет убить меня, потому что я все время забываю вести учет чеков и растрат и прочей фигни, что сжимает его яйца в комок.

— Лорэн хочет встречаться с ним. — Слова вылетели из меня, прежде чем я осознала, что я сделала.

Блэйк всматривается в меня.

— Неужели?

Как же он прекрасен, с золотыми волосками на висках у его челюсти, губами, припухшими от моих поцелуев, и глазами, голубыми, как бесконечное тexasское небо.

— Я не должна была этого говорить. Вот тебе и человек, который хочет убить меня.

— Это информация, которую ему было бы полезно узнать.

— Если только меня не называть источником этой информации.

— Твой секрет под моей защитой, дорогая.

Я не должна терять сознание от того, что он меня так называет. Техасские мужчины всех женщин в своей жизни называют дорогая. Но когда он так обращается ко мне... Что ж, хорошо, что я сижу.

— Кстати, куда мы направляемся? — Мы на 67-м Южном, в направлении Присайдио.

— Немного дальше. — И это все, что он говорит, так что я продолжаю наблюдать мир в нашей отдаленной точке штата. Мы в часах езды от Эль Пасо, в северо-восточном направлении, Остин на восток, а Сан Антонио на юго-восток. Не так уж много мест в этом направлении до границы с Мексикой.

Большую часть времени мне нравится наша уединенная Марфа. Я люблю свой маленький городок с вычурными вкусами и туристами, которые приезжают на музыкальные фестивали и художественные выставки, выставляющиеся в течении года. В городе всегда что-то происходит, что не дает ему становиться скучным.

По радио звучит «Секс-машина» [*«Sex Machine» — прим. перев.*] Джеймса Брауна, и я не сдерживаю смех.

— Что такого смешного? — спрашивает Блэйк, когда улыбка касается уголков его губ.

— Эта песня. — Я смеюсь с удвоенной силой, слезы капаят из глаз.

— Что в этой песне такого?

— Я не могу тебе ответить.

— Не волнуйся. Я знаю, что люди говорят обо мне.

Я произношу испуганно:

— Откуда ты знаешь?

Он двигает плечами.

— Я всегда знал. И что тут такого. Черт, это ведь, правда.

Мне больно за него.

— Это не правда, — говорю я тихо.

— Почему ты так говоришь?

— Ты намного больше, чем это.

— Не намного больше.

Не с тех пор, как он потерял Джордан. Вот та часть, которую он не произнес вслух.

Ничего не было прежним с тех пор, как он потерял ее, но он не бесчувственный робот, которым он себя старается показать. Я видела трещины в его броне в те две ночи, что провела с ним. Я видела его выражение, когда он появился у моей двери вчера ночью, казалось, что он не понимал, зачем пришел и что ему нужно от меня.

Я была свидетелем его связи с другим человеческим существом. Я осознаю эту потребность так остро, как никто другой. По причинам, которые я не могу объяснить даже себе, я тянусь через сидение к его руке. Немного засомневавшись, он все же сжимает мою руку, и мы так едем следующие 5 миль, пока ему не требуется правая рука, чтобы свернуть на строительную площадку. Или скорее реконструкционную площадку. Что-то в этом месте мне знакомо.

— Где мы?

— На ферме бабушки и дедушки Джордан.

— О, я помню! Здесь есть выкопанное место для купания на территории.

— Да.

— А что ты тут делаешь?

— Я купил ее примерно год назад, и работаю здесь, когда получается.

По каким-то причинам это отражается во мне ударом бессмысленной печали. Я прочищаю горло, убирая эмоции.

— Что ты планируешь делать с ней, когда закончишь?

— Пока не решил. Иди, взгляни.

Мы выбираемся из грузовика, и он ждет меня у двери, подавая мне руку. Он не отпускает даже тогда, когда я уже прочно стою на ногах.

Я пытаюсь не думать об этом много, но тайно я в восторге от того, что он меня сюда привез, держит меня за руку, от связи, которую я открыла с ним в постели, в душе, и сидя возле него за завтраком. Жизнь не так одинока, когда он рядом, не то, чтобы я думала, что он останется рядом.

Двухэтажным дом был серым, но краска облезла и облупилась. Мы идем по провисающим ступеням на парадном крыльце, он отпускает мою руку, чтобы открыть входную дверь и жестом приглашает меня войти.

— Осторожно, — говорит он.

Я понимаю, почему он так сказал, как только вхожу в выпотрошенный дом.

— Позволь мне провести экскурсию для тебя, — говорит он, слегка улыбаясь. Я начинаю понимать, что это самая большая улыбка, на которую он теперь способен. Показывая, он говорит: — Гостиная, столовая, кухня, на одном открытом пространстве с прачечной комнатой и маленькой ванной за кухней. Поднимаемся наверх. — Он берет меня за руку снова и ведет вверх по ступеням. — Главная спальня направо, ванная дальше по коридору, и две спальни в другом конце.

Мы заходим в помещение, которое он окрестил главной спальней. Полный бардак, но я вижу потенциал.

— Это прекрасное место.

— Я тоже так думаю. Все деревянные полы оригинальные. Дерево будет выглядеть отлично после реставрации.

— Почему ты не направишь одну из своих команд сюда, чтобы завершить быстрее?

— Я хочу все сделать сам, я никуда не спешу.

— А родители Джордан знают, что ты его купил?

— Да, я спросил их одобрения перед покупкой. Они были в восторге. Они сказали, что отлично, что дом останется в семье. — Он поглаживает рукой открытые деревянные стены, и я понимаю, что эта работа, которую он любит.

— Мило с их стороны.

— Они всегда были ко мне добрее, чем я заслуживал.

— Они не винят тебя, Блэйк. Никто не винит. — Только ты, хочу сказать я, но молчу.

Он не смотрит на меня, но я вижу напряжение на его челюсти и лице.

— Если тебе понадобится помощь с покраской, или шлифованием, или чем-то в этом духе... Дай мне знать.

Напряжение пропадает, когда он смотрит в мою сторону.

— Я могу этим воспользоваться. Ты могла бы сфотографировать дом до и после восстановления.

Я улыбаюсь ему.

— Я с радостью.

Он смотрит на меня, взгляд прикован к губам, руками он прикасается к моим щекам.

Я чувствую эти нежные прикосновения всеми клеточками моего тела.

— Ты такая, такая красивая, Ханисакл [*переводится как жимолость; бывают съедобные и ядовитые виды (волчья ягода) — прим. перев.*].

Я чрезмерно тронута комплиментом, и в восторге он бесконечных прозвищ, которые он мне придумывает.

— Спасибо.

Он поднимает мой подбородок и прикасается своими губами к моим губам.

Я смыкаю руки вокруг него и теряюсь в нежных, сладких поцелуях.

Блэйк опирает меня об открытую стену и прижимается ко мне нижней частью своего тела, слегка меняя позицию головы и продолжая меня целовать.

Что мы делаем? Я хочу все остановить и задать вопрос. Почему не можем спокойно находиться рядом друг с другом? Это случилось внезапно, или всегда было между нами, прячась под поверхность, пока мы пересекались друг с другом годами? По этой ли причине Лорэн так легко убедила меня осмелиться и предложить ему себя в баре? Может я давно его желала?

У меня нет ответов на эти вопросы. Я просто знаю, что мне нравится, как он меня прижимает и целует. Мне нравится быть под ним в постели и то, как он пронзает меня своим огромным членом, и смотрит своими горячими голубыми глазами. Мне все в нем нравится, если быть честной, даже тьма, что живет в нем.

Он медленно разрывает поцелуй, полизывая языком мою нижнюю губу. Держит мое лицо в руках, когда я открываю глаза, то вижу, что он смотрит на меня с жаром и голодом во взгляде.

— Хочешь проверить место для купания?

— Конечно. — Я за любые действия, лишь бы подольше побыть рядом с ним. Даже когда я говорю себе не привязываться, что оказывается сложнее, чем я думала. С каждым поцелуем, с каждым прикосновением, с каждым доверительным взглядом, он забирается мне под кожу.

Блэйк

Я не знаю, о чем я думал, взяв Хани с собой. Это место, которое мы делили с Джордан. Хани не должна быть здесь. Вот только мне нравится, что она здесь. Нравится показывать, что я уже сделал, рассказывать ей о планируемых работах по реконструкции. Нравятся вопросы, которые она задает, потому что ей интересно то, что я ей показываю. Мне понравилось, как она взяла меня за руку в грузовике, кажется, она почувствовала, что меня нужно немного успокоить, мне нравится ощущать ее мягкие губы под моими.

Она идет за мной вниз по ступенькам, через зону военных действий, которая когда-то станет прекрасным домом. Я вижу, как это будет, я буду работать над ним самостоятельно. Годы или пять лет, я верну былой блеск. Джордан была близка с бабушкой и дедушкой по отцовской линии, мы проводили у них много времени, плавая и смотря на звезды темными техасскими ночами.

Каким-то странным образом мне кажется, что я делаю это для Джордан, возвращая дом ее бабушки и дедушки к жизни. Они оба давно умерли, через год после потери Джордан. Никто никогда так не говорил, но мне кажется, что они умерли с разбитыми сердцами. Я прекрасно понимаю, как они себя чувствовали.

Я стараюсь выбросить эти мысли, и сконцентрироваться на теперешнем времени, а не на прошлом, которое меня не покидает.

— Если хочешь, можешь подождать здесь, я схожу в грузовик за одеялом.

— Отличная идея. — Хани обняла одну из новых деревянных балок, установленных мной крыльце для поддержки крыши, которая могла рухнуть. Установка этих балок — первое, что я сделал после покупки.

Я мотнулся к грузовичку и схватил одеяло, которое всегда вожу среди рабочих инструментов. Возвращаясь на крыльцо, я протягиваю Хани руку, приглашая ее присоединиться ко мне. Мы смотрим, друг другу в глаза, пока она спускается по ступеням и берет меня за руку.

Почему это чувствуется так правильно, быть здесь с ней? Держать ее за руку? Наблюдать, как ее подтянутое, податливое тело двигается в легком летнем платье, которое подчеркивает ее изгибы? Почему так приятно ее целовать, держать ее за руку, черпать от нее силы? Она такая смелая, выжившая практически одна, с тех пор, как потеряла бабулю, и я не перестаю ей восхищаться.

Я не знаю, чтобы я делал без своих родителей и семьи, когда ноша стала слишком тяжелой для меня. Я бы не выжил без них.

У Хани не было такой поддержки, но она справилась. Она никогда не была в роли «бедненькая я», не жаловалась на отсутствие семьи. Она играла картами, которые ей сдали, и играла хорошо. Это в ней тоже восхищает.

Мы идем в комфортной тишине. У нее нет желания заполнять каждую секунду бессмысленными разговорами, как обычно делают женщины. И это я добавляю в растущий список вещей, которые мне в ней нравятся. Яма для купания находится в полумиле от дома. Я знаю это, потому что Джордан когда-то убедила меня, что полмили достаточно далеко, чтобы заняться любовью. Но всякий раз я боялся, что ее дедушка появится с ружьем в любую

секунду. От этих воспоминаний я улыбаюсь, что прекрасно по сравнению с агонией, когда я думаю о ней.

— Почему ты улыбаешься?

Я мыслю, не выдумать ли чего-нибудь, но потом решаю сказать правду.

— Я вспоминаю о временах, когда мы с Джордан приходили к этой яме на закате, после ужина с ее бабушкой и дедушкой, и она уговаривала меня на что-то большее, чем просто плавание. И все время я ждал, когда появится ее дедушка с ружьем, которое он держал за дверью. Страх заставлял меня заниматься этим в постоянной тревоге.

Она смеется вместе со мной, и то, что я поделился воспоминаниями с ней, поселяет во мне приятное чувство ностальгии вместо скорби, и ноющей боли.

Мы обливаемся потом от неумолимого полуденного солнца, свежая водичка выглядит манящей, когда мы подходим. Последний раз я был тут с Джордан. Даже когда я покупал соседние двенадцать акров, я сюда не ходил. Мне было очень больно.

Но теперь, когда Хани со мной, это кажется чем-то новым, мы как бы создаем что-то из пепла, которым раньше это было.

Ее глаза загораются радостью, когда она смотрит на воду.

— Я и забыла, как здесь красиво.

Поля с дикими цветами добавляют цвета в окружающие пейзажи.

— Действительно, красиво. — Я расстилаю одеяло возле воды, понимая, что много мы на этой жаре не выдержим. — Я не взял солнцезащитный крем.

— Ничего, я нанесла его после душа.

— Серьезно?

— Ага. Бабулина школа. Она всегда настаивала, чтобы я защищала свою кожу от солнца Западного Техаса, так как оно тут более мощное, чем где-либо.

— У тебя чудесная кожа. — Я провел пальцем по ее предплечью. — Гладкая и мягкая, цвета меда. — Я увидел, как ее соски проступили под платьем, и в один момент у меня снова стояк.

— Бабуле не нравился загар, но я не могла полностью избегать солнца, и не хотела. Можно все, пока заботишься о своей коже.

— Правда, — сказал я хохоча. — Здесь жарковато.

— Ты говоришь это так, как будто не знал, что будет больше тридцати градусов сегодня, как и всегда в это время года.

Я смотрю на нее, и ее дерзкая улыбка что-то делает со мной. Она проникает сквозь стены, которые я соорудил вокруг себя, чтобы не допускать никого и ничего, что могло бы причинить мне боль. Отчаянно восстанавливая равновесие, я отрываю от нее взгляд и смотрю на воду.

— Хочешь поплавать?

— Я не взяла купальник.

— Я тоже.

— Оу.

— Тут не души на мили вокруг.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, насколько далеко тянутся границы моей собственности, и что находится по каждую из сторон.

— Она прикусывает нижнюю губу, пока обдумывает это предложение.

Я встаю и снимаю футболку через голову, и подаю ей руку. — Двойной вызов [*Double dog dare* — вызов на «слабо», и когда вызываемый отказывается от выполнения чего — либо, то предложивший решает выполнить «слабо» вместе с ним — прим. перев.], ууу. — Я так давно не говорил этих, или других заигрывающих слов. Такое приятное чувство снова их произносить. Я расстегиваю джинсы и спускаю их вниз, выбираясь из них.

Хани смотрит на мое голое тело долгим и голодным взглядом, останавливая взгляд на члене, который напряженно стоит по стойке смирно, доставая практически до моего пупка. Она облизывает губы и шокирует меня тем, как падает передо мной на колени и берет меня ртом. Это та же девушка, что только что переживала, что ее могут увидеть купающейся голышом?

Ебать, как же это хорошо. Я откидываю голову назад, пока погружаю пальцы в ее мягкие, шелковистые волосы.

— У тебя самый красивый член в мире, — говорит она дерзким, сексуальным голосом, что ударяет меня прямо по яйцам разрядом электричества, и я практически кончаю. — Такой твердый, и большой, и длинный. — Она дронит мне рукой и языком, подводя меня к грани безумия, потом она сосет меня так сильно, что я мог бы кончить. Я бешено дрожу, как парнишка, у которого первый минет, она заставляет меня чувствовать себя, как в первый раз.

Облизав меня языком, она прибавляет темп рукой на широкой части моего члена.

— Хани... Остановись. — Я освобождаюсь от ее рта, и падаю на колени, чтобы ее поцеловать. Мы падаем на одеяло, сплетая руки и ноги. Я запускаю руку под ее платье и нахожу простые хлопковые трусики, насквозь мокрые. Я стону от осознания, что доставляя удовольствие мне, она увлажнилась сама. Отодвигаю ее трусики, ввожу два пальца в ее влажность, пока наши поцелую перерастают из нежных в ожесточенные.

Это полное безумие! Мы уже занимались этим трижды сегодня. Этого мне обычно хватило бы на неделю, но ее я хотел уже через час после последнего раза. Вынимая пальцы, снимаю ее трусики полностью, и вхожу в нее медленно, осторожно, помня о том, что у нее все воспалено от нашего марафона на этих выходных.

Ее спина прогибается, и ноги раскрываются, ее беспомощность ударяет мне прямо в сердце. Иисусе, что она со мной делает? Ее тугая киска сжимает головку моего твердого члена, заставляя меня видеть звезды. Я задираю ее платье, пока ее сиськи не оказываются в моем свободном доступе, и смыкаю рот вокруг ее соска.

Это горячая, потная, несдерживаемая страсть. Не описать другими словами, пока я пробираюсь сквозь сопротивление ее внутренних мышц, чтобы полностью в нее войти. Из нее вырывается крик на грани истерического, когда моя широкая часть растягивает ее до абсолютных лимитов.

— Я обожаю твою горячую, тугую киску, — шепчу я ей.

Она постанывает, ее мышцы обнимают меня, как перчатка.

— Я обожаю трахать тебя, Хани — ореховые хлопья [*Honey Nut Cheerio* — хлопья для завтрака с медом и миндалем — прим. перев.].

Смех вырывается из ее напряженной челюсти.

— А тебе нравится меня трахать?

— Да, — кричит она. — Да, мне нравится.

Глубокое рычание вырывается откуда-то изнутри меня, когда я набираю темп, вколачиваясь в нее, невзирая на неприятные ощущения от твердой земли, что под нами, горячее солнце на моей голой заднице, да и что-либо, что может отвлечь меня от

наслаждения пребывания в ней, особенно неоседланным *[без презерватива — прим. перев.]*.

Я потягиваюсь к ее мягким ягодицам и раздвигаю их для более глубокого погружения. Прижимаю свои средние пальцы к ее анусу, и, пользуясь влажностью ее киски, смачиваю пальцы и ввожу их в нее.

Она воспламеняется, кричит в оргазме, который очень быстро ее настигает.

Мне приходится укусить губу, чтобы не последовать за ней, я с ней еще не закончил. Еще бросок. Я чувствую, как волны ее оргазма спадают на нет, пока я все еще двигаюсь в ней. Потом я резко выхожу из нее, и она взвизгивает от неожиданности. Я двигаюсь быстро и переворачиваю ее, ставя ее на колени, затем снова в нее погружаюсь в этой позиции. Теперь ее сладкая маленькая попка прямо передо мной, и я могу наблюдать, как мои два пальца входят в ее задний проход.

Все внутри нее становится тугим, когда я так делаю, и это охуенно круто. Я заполняю ее стволом и пальцами, чтобы не одна ее часть не пустовала без меня. Она кричит и кончает снова, сильнее, чем в первый раз, так сильно, что в этот раз я не могу сдержаться. Я взрываюсь в ней, кончая так, как будто у меня год не было секса, а не час.

Мы падаем на одеяло, потной массой конечностей, переживая пост эффекты, пытаюсь восстановить дыхание. После долгого отдыха в тишине, в которой было слышно только наше тяжелое дыхание, мы начинаем распутываться. Я помогаю ей сесть, убираю волосы с ее лица и поднимаю ее подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза. Она светится. Я не уверен, это от меня, от жары, или от комбинации нас обоих, но выглядит она симпатичнее, чем я когда-либо ее видел.

Нежно целую ее, помогаю встать и выбраться из платья, что кажется неважным после того, что мы только что сделали. Я веду ее к воде, поднимая на руки и перенося через каменистые места. И прижимаю к себе, когда мы погружаемся в воду.

Хани обнимает меня руками и ногами, и кладет голову мне на плечо.

Чувство умиротворенности растворяется во мне, я так давно его не ощущал, что еле его распознал. Я наполнен содержанием в этот момент. А потом всплывают мысли о моем обещании, что у нас будет еще одна ночь. Вот так быстро мое умиротворенное чувство закончилось возвращением в реальность. Мне нечего ей предложить. Я лишь оболочка мужчины, который проживает жизнь с целью пережить следующий день. Я не могу обрекать милую, красивую женщину, как Хани, на такое существование. Она заслуживает гораздо большего. Но черт со мной, если я не признаю, что впервые после Джордан, я хочу быть другим, именно для нее.

Но она со мной здесь и сейчас, и я обязан наслаждаться каждой минутой в ее объятьях, в объятьях ее округлостей. И когда я повезу ее домой, я поцелую ее на прощание и вернусь к своей жизни. Это будет больно, но так будет правильно. Так будет честно.

Она потягивается и запускает пальцы в мои волосы, и меня наполняет тоска от того, что никогда не случится.

Хани

Это был чудесный день. Солнце выглядит как огненный красно-оранжевый шар, когда Блэйк везет нас обратно в город. Мы провели часы в воде, обсыхая на солнце, и занимаясь любовью. Это было блаженно и расслабляющее, и миллион других вещей, о которых я запрещаю себе думать. Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я бы предложила ему

поужинать, но не уверена, что хочу переступить эту границу. Если я попрошу больше, чем он способен дать, он сбежит. Я не хочу, чтобы он сбежал. Я хочу, чтобы он продолжал возвращаться, но только, если он сам этого хочет. Поэтому я сдерживаюсь, и не предлагаю большего.

Мы останавливаемся у дома очень рано, намного раньше. Мое сердце в предвкушении, когда он выходит, чтобы проводить меня. Но оно гаснет, когда он останавливается у двери и обнимает меня.

— Спасибо за удивительный уик-энд.

Во рту внезапно пересохло, я заставляю себя улыбнуться.

— Тебе спасибо, что не отклонил мое предложение тем вечером.

— Даже машина не могла быть настолько глупой, чтобы отказать тебе, — говорит он с крохотной улыбкой.

Я ненавижу, что он видит себя именно так. Несмотря на то, что Джордан давно нет, он чувствует и ведет себя так, как будто только что потерял ее.

Он целует меня в лоб и разбивает мое сердце. Это конец. Я получила именно то, о чем просила: много оргазмов-как-дрожь-земли, больше, чем я даже могла представить. Но это все, что я могла получить, и мне нужно смириться с этим.

Я заставляю себя убрать руки с его талии и отойти на шаг.

— Я очень хорошо провела время.

— И я. — Он весело дернул мой подбородок. — Позаботься о себе, Ячейка-с-медом.

Это прозвище вызывает желание залиться слезами. Мои руки дрожат, пока я пытаюсь вставить ключ в замок.

Он забирает у меня ключ, помогает открыть мой замок, отступает и дает мне пройти.

— Хани...

Я кладу руку ему на грудь.

— Не говори этого, Блэйк. Я буду в порядке. Я обещаю.

Смотря вниз, он кивает, но я замечаю напряжение на его челюсти.

— Увидимся как-нибудь, дорогая.

— Конечно, — стараюсь я ответить бодро. — Увидимся как-нибудь. — Закрываю дверь, и съезжаю по ней, опуская голову на колени, когда первые всхлипы накатывают на меня. Боже, какая же я дура! Лорэн предупредила меня о таком развитии событий, и вот она я, рыдаю крокодильими слезами из-за мужчины, который никогда не будет моим.

С ним было так хорошо, так легко и знакомо, но и по-новому тоже. Как часто вы находите все это в одном мужчине? Я — никогда. И если бы только секс был удивительным, я бы могла жить с этим, не чувствуя себя разбитой. Но факт, что все с ним было удивительным, потребует от меня больше усилий, чтобы его забыть.

Я почувствовала настоящую привязанность к нему, и не только в постели. Наша общая история, общие друзья, взросление, корни... Все это сплелось к чувству знакомого, что с другими могло показаться бы некомфортным.

Я подавлена осознавая, что это останется лишь замечательным уик-эндом.

Наступила полная тьма к моменту, когда я подняла себя с пола и направилась в душ, где оставалась до тех пор, пока не закончилась горячая вода. Мое тело воспалено, голова болит так же сильно, как и сердце. Я обмоталась полотенцем и пошла на кухню, чтобы найти болеутоляющие в бабулином шкафчике, где она всегда хранила медикаменты, и подпрыгнула от испуга, когда нашла Лорэн сидящей за моим кухонным столом.

— Что стряслось, Ло? Ты до чертиков меня испугала.

— Аналогично. Я звонила тебе весь день, и когда ты не ответила, я пришла к тебе, и услышала твои рыдания в душе. Из-за чего это?

— Просто так. — Я нашла баночку с таблетками и начала бороться с ее крышкой.

Лорэн подошла ко мне сзади, выхватила баночку, открыла ее вместо меня, и бросила две таблетки мне в руку. Потом набрала воды в стакан и протянула его мне. — Не говори мне, что это просто так. Я не видела тебя в слезах с того момента, как умерла бабуля.

Я могу прятаться от некоторых людей. Но не от Лорэн.

— Блэйк только что уехал.

— Стоп... Он только что уехал? СЕГОДНЯ только что уехал?

Покачивая головой, я выпила таблетки.

Лорэн берет меня за руку и ведет к стулу, на котором только что сидела. Я присаживаюсь, и она располагается рядом.

— Рассказывай.

— Он пришел вчера после вечеринки. Он сказал... — Почему мне так ебически больно? — Он сказал, что хочет еще одну ночь. Сегодня он пригласил меня поехать к дому бабушки и дедушки Джордан. Ты знала, что он купил его?

— Я не слышала об этом.

— Он восстанавливает его и возвращает к жизни. Мы пошли купаться и... — я громко выдыхаю, что ни капли не уменьшает охватившую меня боль. Я надеюсь, что таблетки помогут, но думаю, что вряд ли они справятся именно с этой болью. — Он привез меня домой, и все.

— Что он сказал, когда привез тебя домой?

— Что было весело. — Мой голос предает меня, глаза наполняются слезами, я резко вытираю слезы со щек. — Было весело. Я не знаю, почему я так разбита.

— Потому что ты хочешь большего.

Я трясую головой.

— Я знаю, что это невозможно.

— Но это не значит, что ты этого не желаешь.

Мое сердце что-то покалывает. Мне бы хотелось начать строить что-то на основе этого удивительного уик-энда, видеть, что будет дальше, хотя бы попробовать что-то с ним. Эмоционально разбитая этим разочарованием, понимаю, что я просто смешна.

— Этого я и боялась, — говорит Лорэн, когда обнимает меня.

— Ты меня предупреждала. Блядь, да я сама себя предупреждала, но меня все же засосало.

Она берет салфетки с бабулиной плетеной корзинки и вытирает мое лицо, придерживает салфетку и заставляет меня высморкать нос. Это напомнило мне, когда бабуля делала так для меня, и я снова понимаю, как на самом деле одинока в этом мире. Две блаженные ночи Блэйк заставлял меня забыть о том, что я одна, и кажется, я делала тоже для него. — Может, если он немного подумает об этом...

— Не начинай, — говорит Лорэн. — Не разрешай себе надеяться на это. Мы обе знаем, какой он. — Она по-деловому вытирает мое лицо и опять наполняет мой стакан водой. — Мы вытащим тебя из этого, и будем двигаться дальше. Чтобы сказала бабуля?

Я широко улыбаюсь.

— Что нет смысла в слезах над пролитым молоком. — Она всегда так говорила, когда

мы были поменьше.

— Вот именно. Она знала, о чем говорила. Ты ее девочка, и такая же крепкая, как и была она. Никогда об этом не забывай.

— Сейчас я не чувствую себя крепкой.

— Ты вернешь свое либидо обратно через день или два, и теперь ты знаешь, что такое потрясный секс.

Она хотела, чтобы это звучало успокаивающе, но это только напомнило мне о том, чего я больше не испытаю.

— Хочешь, я останусь ночевать у тебя?

— Тебе рано вставать к доставке цветов.

— Я могу попросить кого-то сделать это вместо меня.

— Я в порядке, Ло. Я клянусь. Просто временное помешательство. — Это подытоживает мое теперешнее состояние после невероятного уик-энда с Блэйком. — Я переживала моменты похуже, чем этот, правда? — После смерти бабули я не была уверена, что смогу жить без нее. Благодаря Лорэн и Джулии и остальным друзьям, я вытаскала себя из бездны. Правда, не за одну ночь.

— Конечно. Позвонишь, если я тебе понадобится? Даже, если это будет середина ночи?

— Окей. — Мы обе знаем, что я не позвоню, но я говорю то, что она хотела услышать. Я горжусь своей независимостью и устойчивостью. Тень отказа окрасила всю мою жизнь, так что ничего нового в этом чувстве для меня нет.

Я провожаю Лорэн к двери и обнимаю ее.

— Люблю тебя до бесконечности, — шепчу я. Так мы говорим друг другу еще с тех пор, как встретились в первом классе и подружились.

— Люблю тебя до бесконечности. — Она крепко меня обнимает, целует в щеку и уходит. Я стою в дверном проеме, пока она не садится в машину. Запираю дверь и иду в спальню, переодеваюсь из полотенца в пижаму.

Я убеждаю себя, что мне уже лучше, пока не ложусь в кровать и не чувствую запах одеколона Блэйка на своей подушке. И снова в слезах, вою, как дурочка с разбитым сердцем, каковой я и являюсь.

Прижимаю подушку к груди, глубоко вдыхаю его аромат, пытаюсь его запомнить. Я не хочу забыть ни минуты времени, проведенного с Блэйком. Это было лучшее время, проведенное с мужчиной, и мне понадобится много времени, чтобы пережить мой уик-энд с Блэйком Дэмпси.

Блэйк

Машина вернулась к работе в понедельник утром, после замечательного уик-энда с Хани. Всю неделю, я веду себя так, как всегда себя вел, стараюсь не думать о ней или о том, как мне ее не хватает, или о том, если бы я был с ней. Мне не верится, что это возможно, провести две ночи с женщиной, и никогда не хотеть ее покидать, но это реальность обстоятельств. Если бы я был уверен, что я не проебу эти отношения тем или иным способом, я бы вернулся к ней. Но так лучше для меня, и тем более, так лучше для нее, если я останусь в стороне. Так я и поступил. Я остался в стороне, несмотря на то, что это убило все, что осталось от меня.

Моя компания строит торговый центр за пределами города, и я целыми днями поглощен процессом, каждый день с моими рабочими. Мы сворачиваем горы, делаем за день работу, которая рассчитана на два. И когда я попиваю, свое пиво-после-работы, к концу второго понедельника после моего уик-энда с Хани, чувствую себя истощенным и опустошенным.

Моя рутина теперь выглядит иначе. Все «после Хани» теперь выглядит иначе. Я занимаю свое обычное место в баре, когда Джимми подает мне мою обычную бутылку Бада [*марка пива — прим. перев.*]. Те же вещи, другой день. До того момента, пока Хани Кармайкл не вошла сюда в ту пятницу, моя рутина не менялась... до того момента. А теперь все, о чем я могу думать — это она. Мягкая кожа сладкая на вкус, твердые соски, тугая киска... ЕБАТЬ, у меня внезапный стояк, как камень, и мне не хватает ее.

Я ненавижу свои строгие правила больше, чем могу выразить словами. Допивая первое пиво, заказываю следующее, и замечаю, что Джимми это удивило. Я никогда не пил больше одного пива после работы. Я не пью больше одного пива, когда я за рулем. Никогда. Это еще одно из моих непреклонных правил после той автомобильной аварии. Я никогда больше не хочу нести ответственность за то, что кто-то другой пострадал из-за меня, или хуже. Они сказали, это была не моя вина. На хуй их. Я был за рулем, и она была убита. Я не сомневаюсь, что это была моя вина.

Второе пиво уходит легче первого. Я заказываю третье пиво и прошу шот Джеймсона [*бренд традиционного ирландского виски — прим. перев.*] вместе с ним.

— Ты в порядке, Блэйк? — спрашивает Джимми, ставя пиво и шот передо мной.

Я бросаю двадцатку на бар. — Никогда не чувствовал себя лучше. — Мне так сильно не хватает ее, я сгораю от уныния. И как будто у него своя собственная жизнь, мой член отказывается сдаваться и занимает все свободное пространство в моих джинсах. Мне бы было смешно, если бы не было так дерьмово. У меня есть чем заняться сегодня ночью. Бесконечной бумажной работой, но меня ничего из этого не волнует.

В последний раз я чувствовал себя так плохо... Охренеть. Мне нужно еще одно пиво, и нужно немедленно.

Хани

Восемь дней с момента последней встречи с Блэйком. Я ложусь в кровать, после длинного, и напряженного дня в студии, и тут же звонит домашний телефон. Я почти

проигнорировала его, потому что все, кто меня знает, звонят на мобильный. Но мобильное покрытие в Марфе бывает точечным, так что, возможно, мой мобильный не работает.

Я иду в гостиную и поднимаю трубку, которая находится у бабулиного кресла. Даже спустя десять лет после ее смерти это все еще ее кресло.

— Алло?

— Это Хани Кармайкл? — спрашивает мужской голос. На заднем фоне я слышу музыку и разговоры.

— Да, кто это?

— Это Джимми из бара. Вы приходили сюда как-то вечером, и ушли с Блэйком. Я прав?

Я тяжело сплываю от понимания, что люди действительно стали свидетелями моего вульгарного предложения и узнали меня. Я хотела, чтобы земля провалилась у меня под ногами. И что нужно этому парню? Что-то, что досталось Блэйку? От этой мысли мне сводит желудок. — Д-д-да, — говорю я, потому что не могу отрицать. — А что?

— Он сейчас здесь и пьет больше, чем обычно. Я пытался дозвониться его другу Гарретту, но не смог. Вы не могла бы приехать и забрать его?

Я в шоке от услышанного. Блэйк не может так напиться. Он никогда так не делает. — Да, конечно. Я буду через пятнадцать минут. Не дайте ему уйти.

— Он никуда не уйдет, сладкая. Не в мою смену.

— Спасибо, что позвонили. Большое вам спасибо. — У меня дрожат руки, пока я одеваюсь и впрыгиваю в шлепки. Сев в машину, я еду чересчур быстро в любимый бар Блэйка, так же известный как «место преступления».

Целую неделю после нашего запоминающегося уик-энда, все мышцы в моем теле чувствовали последствия сексуального марафона. Естественно, у меня была пара тяжелых фотосъемок. Самая худшая из них была сегодня, снова с близнецами, которые плакали все время, пока я работала. Мне тоже весь день хотелось плакать.

Выйдя из студии с раскалывающей головной болью и планами понежиться в ванной, я собиралась пораньше лечь спать. Знаете, что говорят о планах... Вот она я, мчу ночью на спасение Блэйка от него самого. Мои мысли кружатся вокруг того, почему именно сегодня он решил сбежать от своего рутинного поведения.

Может из-за меня?

Кого я обманываю? Он вряд ли хоть раз подумал обо мне с тех пор, как поцеловал в лоб на прощание, и оставил на крыльце. Он поступил именно так, как они с Лорэн предупреждали. И не должно было быть причин, моему подавленному состоянию. Просто он вернулся и провел со мной вторую ночь, и еще двадцать четыре часа, чем зажег лучик надежды. Дурацкой надежды. Жизнь не раз меня учила, что надежда — неудовлетворенная сучка. Например, после бабулиной химиотерапии и облучений. Я надеялась, что она победит рак, но спустя месяц бабуля умерла, вместе с моей надеждой.

После той оглушительной потери, я научилась быть осторожнее. Надеяться, что Блэйк Дэмпси внезапно захочет большего от женщины, и что этой женщиной буду я. Это так банально, что я истерически хохочу. А потом истерически плачу. Я ненавижу себя за то, что разрешила погубить свою жизнь, этим «развлечением на одну ночь».

По правде говоря, я не суровая девчонка, которая вульгарно предложила себя Блэйку в баре тем вечером. На самом деле, я сентиментальное ревущее нечто, как в данный момент. Мне бы хотелось действительно быть более отвязной девчонкой, это Лорэн убедила меня в том, что я могу быть такой.

Я не виню Лорэн. Мы вместе сочинили план, который сработал именно так, как мы планировали. Это не ее, и не моя вина, что он сработал лучше задуманного.

Я сворачиваю с шоссе на грязную парковку у бара. Уик-энд, теперь ощущается как тот, что мгновенно напоминает мне об успехе того первого вечера с Блэйком. Высокое парение ведет к крушению при падении. Вот какой урок я выучила. И судя по состоянию, в котором я нахожусь Блэйка, может быть, не я одна, кто находится в печали.

Он повис на стойке перед батареей пустых бутылок и рюмок от шотов.

Джимми, бармен, кивает мне в направлении Блэйка. Я раздумываю, прикоснуться к нему или заговорить, проскальзывая на стул рядом с ним, не могу сдержать желание прикоснуться к нему.

Когда моя рука опускается на его плечо, он поднимает на меня свой плавающий взгляд, на мгновение его глаза загораются удовольствием, но оно быстро сменяется глубокой печалью, которая передается мне и проникает в каждую косточку.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он смазано.

— Джимми позвонил мне. Он сказал, что тебя необходимо подвезти домой.

— Почему ты?

— Он видел нас тем вечером.

— Ты не должна здесь находиться, Хани. Тут не место таким женщинам, как ты.

Я хочу уточнить какая я, но сейчас не время для вопросов.

— Позволь мне отвезти тебя домой.

— Не хочу домой. Там ничего нет. Тут я хотя бы могу выпить еще. — Он сигналами показывает Джимми повторить, но тот игнорирует его.

— Я буду там, — отвечаю ему, прежде чем подумать хорошая ли это идея. Что я предлагаю?

— Ты будешь? — говорит он с надеждой в голосе. Сказанные таким тоном два слова ударяют прямо в сердце, которое теперь, официально, преданно ему и этой ситуации.

— Да, я буду.

— Ты не уйдешь?

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не зарыдать от того одиночества, что вижу в его глазах.

— Я не уйду.

— Обещаешь?

Он убивает меня прямо тут, одним коротким предложением.

— Обещаю.

Я слегка сжимаю его ладонь, прося его пойти со мной, и поглядываю на Джимми, который показывает нам уходить. Блэйк постоянный клиент, так что Джимми запишет все на его счет. Я благодарно улыбаюсь Джимми, обнимаю широкую спину Блэйка, направляя его на выход.

И опять, все видят, как мы медленно идем, шатко направляясь к двери. Я благодарна за то, что Блэйк еще в состоянии ходить. Еще бы парочка глубинных бомб [*коктейль из шота виски, погруженного в пиво — прим. перев.*], и пришлось бы его выносить.

Техасская жара ударяет прямо в лицо, когда мы выходим из бара на парковку. Он отклоняется пару раз, но все же позволяет довести его прямо до машины. Следующее испытание, это засунуть его 195-сантиметровую раму в мою крошечную машинку. Я уверена, что сторонние обозреватели находят это комичным, к моменту, когда наконец-то

застегиваю на нем ремень безопасности, я вся мокрая от пота.

Пока мы пробираемся сквозь город, он едет с откинутой головой и закрытыми глазами, а я пытаюсь дышать ровно, осознавая что пообещала остаться с ним. Он не хочет быть один. Мое сердце танцует от счастья, понимая, что он нуждается во мне. Несмотря на тот платонический поцелуй в лоб, еще ничего не закончилось.

Надежда возрождается во мне, как феникс возрождается из пепла. Я упоминала, что люблю драматизировать при любой возможности?

Останавливаюсь на подъездной дорожке Блэйка, и меня одолеваю воспоминания о том, что случилось первой ночью, но теперь я в предвкушении чего-то иного. Я наклоняюсь и отстегиваю его, обхожу машину, чтобы помочь ему выйти.

Он спит мертвецким сном.

Я трясую его за плечо.

— Блэйк. Давай. Мы у твоего дома. Проснись.

Он не двигается.

И какого черта мне теперь делать? Я не могу оставить его здесь на всю ночь на жаре. Спустя секунду обдумывания вариантов, я решаюсь зажать ему нос. Он просыпается, дергается и матерится, его взгляд очень удивленный, когда он находит меня, стоящую над ним.

— Росинка Хани... Что ты тут делаешь?

Он не помнит, как я увозила его из бара?

— Просто помогаю тебе безопасно добраться до дома. — Я беру его за руку и помогаю выбраться из машины. Когда он обнимает меня за плечо, он почти роняет нас обоих, мне удается удержать нас.

Наше шатающееся путешествие к входной двери напоминает плохой три-ногий рейс [*популярная игра, когда у двоих игроков одна нога привязана к другому игроку, являя собой их общую ногу — прим. перев.*].

— Какой код, — спрашиваю я, найдя клавиатуру вместо входного замка.

— Шесть, шесть, два, два, — шепчет он в секунду, когда его губы уже на моей шее, и я почти забываю код, что он мне только что сказал. Мне приходится ввести его дважды, когда дверь наконец-то открывается, и мы практически вваливаемся внутрь.

Он начинает заливаться смехом, и я понимаю, что годами не слышала его смех, как будто ничего в мире его не волнует. Может так напиться — это именно то, что ему было нужно.

— Давай уложим тебя в кровать.

— Только если ты пойдешь со мной, — говорит он низким соблазнительным голосом, от которого все мои женские части встают по стойке смирно. ДА, ДА, ДА, кричат они, пока я не передумала. К черту мое трезвое мышление.

Придерживая его руками за бедра, я веду его в спальню, намереваясь бросить на кровать, и спуститься вниз на диван, чтобы сдержать свое обещание, но на расстоянии. У него другие планы на мой счет, он закидывает свою руку мне на талию, и затягивает меня в свою ванную.

— Нужен душ.

Не то чтобы он оставил мне выбор. Мы оказываемся в ванной, борясь с пуговицей на его джинсах, и неуклюже снимая их, что радует, так как теперь я знаю, что он не носит нижнее белье на работу. Я стараюсь не смотреть, но я же только человек, и я полностью одурманена

Членом, который стоит высоко и гордо. Это моя фантазия, или он движется в моем направлении? Точно не фантазия.

Блэйк тянется, включает воду и затягивает меня за руку.

Я сопротивляюсь. Мне не нужен душ. Мне нужен крепкий алкоголь и расстояние. Расстояние будет правильным сейчас.

— Отпусти! Прими душ.

— Нужна ты, — мямлит он.

Да ну нахуй, зачем он так говорит? Пока мой мозг спрашивает зачем, мои женские части орут Да, Да, ДА! Мы нужны ему! Тащи свою задницу в этот душ! Я снимаю одежду, не уже подозреваю, что пожалею об этом. Если честно, я уверена, что пожалею об этом, но все равно так поступаю. Нагая я вхожу в душ к самому горячему из знакомых мне мужчин, и его Члену с большой букву Ч. Его руки на мне везде, прикасаются, поглаживают, ласкают, пока его губы поедают меня.

Я ошеломлена, все мои рецепторы задеты, а мои защитные механизмы повержены его прикосновениями, его желание становится очень видимым. Мужчина, который еле стоял на ногах, покидая бар, пробудил свое либидо в душе. Его ладони обхватывают мои ягодички, когда он поднимает меня, прижимая спиной к стене ванной.

Я выдыхаю от ощущения холода плитки, граничащего с определенной болью от того, что он прокладывает свой путь в меня. Как такое может быть, когда он так пьян, и еле двигался полчаса назад?

Он с силой и без изысканности в этот раз, беспощадно входит в меня, заставляя забыть о моем решении, соблюдать дистанцию между нами. Ебать, он вынуждает меня забыть собственное имя. Даже когда он пьян и плох в управлении, мне с ним невообразимо хорошо. Я впиваюсь пальцами в твердые мышцы на его плечах, пока удерживаю себя. Я держусь, пока он не начинает говорить, и не сокрушает меня полностью.

— Оооох, Хани, Боже, твоя киска самая сладкая из всех, что у меня были, самая упругая, самая горячая, Горшочек меда. Всегда любил тебя, с тех пор, как мы были детьми, любил тебя. Хани...Боже, Хани. — И он кончает, а я пытаюсь собраться с мыслями от произнесенных им слов. Я никогда не подозревала о его чувствах, ни разу за все года, что я его знаю.

Я хочу сказать ему, что я тоже люблю его. Конечно же, люблю. Он так долго был частью моей жизни, сколько я себя помню. А после того, как мы, таким образом, сблизилась, он проник мне под кожу — в буквальном и в переносном смысле — я никогда от него не избавлюсь. Я не хочу от него избавляться. Я сильнее сжимаю ноги вокруг его бедер и двигаюсь на его все еще упругом члене. Мне нужен он! Внутри, внутри, внутри!

Сжимая его волосы в кулак, притягиваю к себе, даря еще один жаркий поцелуй. Я чувствую вкус пива и виски в его дыхании, его бакенбарды трутся о мое лицо. Мне все равно. Все, чего я хочу, это еще больше удивительных моментов, когда он заставляет меня летать, душой и телом. Я никогда не парила так высоко, как с ним, и я становлюсь зависимой от чувств, которые появляются, когда я в его руках.

Он жестко трахает меня у стены, так жестко, что на спине завтра появятся синяки. Мне плевать. Я хочу еще. Я хочу всего. Он трахает меня до тех пор, пока вода не становится холодной, и шокирует меня, когда выключает воду, прижимает меня крепче к себе, и несет меня на кровать. Если бы полчаса назад, меня спросили, способен ли он на это в таком состоянии, я бы проиграла пари.

Мы мокрыми падаем на кровать, и он продолжает с того момента, где остановился в душе, его огромный болт снова и снова проникает в меня, так жестко и так быстро, что я не всегда успеваю вдохнуть, когда он еще глубже проникает в меня. И я не хочу, чтобы это заканчивалось. Мысли о том, что так может происходить каждый день и каждую ночь до конца наших жизней, самые захватывающие мысли для меня сейчас.

— Я хочу тебя там, — рычит он мне на ухо, прижимая палец к моему анусу, не оставляя сомнений о чем именно он просит. Но я все же не могу представить, как он сможет войти туда, но не могу найти слов для отказа. — Скажи да. Скажи, что я могу.

— Да, Блэйк. Я хочу тебя. Я хочу тебя всеми способами, которые ты можешь мне дать.

Он резко выходит из меня и сносит лампу на прикроватной тумбе, когда открывает ящик, где он хранит лубрикант. Каким-то образом лампа не разбивается, и светит со своего нового места на полу. Света достаточно, чтобы я видела, как он наносит лубрикант на монстра, которого собирается вонзить в мой зад.

Может это не такая уж и хорошая идея. Я начинаю отодвигаться от него, но он хватается за лодыжку и притягивает обратно.

— Не оставляй меня, Хани. Пожалуйста, не оставляй меня. Ты нужна мне.

Слыша это от мужчины, что славится лишенной эмоций машиной. Мое сердце, душа и тело — его, пусть делает все, чего он хочет.

— Я люблю тебя, Хани. Я не причиню тебе боль.

Я убираю волосы с его лица.

— Я знаю. Я тоже тебя люблю.

Милая улыбка озаряет его лицо, и мое сердце снова танцует. Мы делаем это, мы действительно делаем это. Блэйк Дэмпси и Хани Кармайкл вместе. Мы дадим нам шанс, и я не могу быть счастливее. Фактически, я никогда не была счастливее. И понимаю, что он тот, с кем мне хотелось бы остаться. Моему ликованию помешало интенсивное давление в место, где никто и никогда не был, и я быстро понимаю почему — это охуительно больно. Я не могу это сделать. Ни одного шанса, что я смогу пройти этим путем.

Я хотела попросить его остановиться, когда он прижал свой большой палец к моему клитору, разделяя мое внимание между моими задней и передней частями, что потенциально обещает быть эпическим оргазмом, в равноценных пропорциях. Я не знаю, как он делает это после такого количества выпитого, но он входит в мою попку медленно, но уверенно, в какой-то момент мне уже не так больно, и уже не кажется, что я потеряю сознание. Я не скажу, что это приятно, но я уже не хочу умереть от боли.

Фантастические ощущения начинают формироваться во мне и расходиться волнами по телу.

— Да, дорогая, — говорит он низким гортанным голосом, что заводит меня еще больше, если это возможно. — Именно так. Впусти меня в эту упругую, горячую попку. Самую горячую попку в городе. Каждый парень в городе хочет быть мной в данный момент.

Он забивает, вворачивает, проталкивает и засовывает, пока его гигантский стержень не оказывается в моей попке полностью, и потом прижимается к моему клитору. Я воспламеняюсь, кончая так массивно, что прикусываю язык, ощущая во рту кровь. Я перенеслась из этого тела, из этой комнаты, из этой вселенной в место, в котором я ранее не бывала. Я никогда не была где-то даже отдаленно похожее на это место, куда он меня переместил, и когда я возвращаюсь к себе, я осознаю, что он трахает меня в задницу, жестко и быстро, и я поднимаю свои бедра в поощрении каждого глубокого удара.

Я сделала это, вернее я делаю это. Я принимаю Член своей попкой, и ничего более удивительного я еще не испытывала. У меня появляется тонюсенькая мысль, что я еще неделю после этого не смогу сидеть, но сейчас меня это не волнует, так как необъятный оргазм сотрясает меня. Он так глубоко внутри меня, что я ощущаю его в своем животе. Я чувствую жар его спермы и выпуклости его ствола.

— Охуеть, — выкрикивает он в следующей волне удовольствия, сотрясаясь надо мной.

Это, без сомнения, самая интенсивная штука, которую я испытала, и я чувствую себя ближе к нему, чем к любому другому человеческому существу, даже бабуле. Я рыдаю от ноющей боли, что поглощает меня. И когда все заканчивается, он сворачивается вокруг меня, его пенис изворачивается и пульсирует в моей попке, а он нежно обнимается со мной.

Он не может отдышаться, а вес его тела прищипливает меня к матрасу, но я не против. Он хотел меня так долго, как он меня знает. Мы теперь вместе. Все разрешилось, несмотря на протесты вселенной, и мы больше не будем одиноки.

С низким ворчанием он совершает первую попытку выйти из меня. Я вскрикиваю от боли. Кто же знал, что выходя, он причинит не меньше боли, чем на входе? Слезы бегут по моему лицу от ощущения его члена и моей нежной плоти. Это чертовски больно. Наконец-то выходит головка, и я снова могу дышать, пока слезы льются рекой.

Он падает на живот на соседней со мной подушке и вырубается.

Я смотрю на странное пятно на потолке, которое возникло от лампы, что валяется на полу. Мое тело пылает, а сердце пытается осознать, только что произошедшее. Когда голова перестает кружиться, я сажусь, и мгновенно жалею об этом. Твою мать... Что я натворила? Доковыляв в ванную, молюсь, чтобы там была горячая вода, что котел успел нагреть ее за эти двадцать минут. Когда вхожу в душ, смотрю вниз на розовую воду и понимаю, что у меня идет кровь. Не много, но все же. Думаю, мне следовало этого ожидать как результата произошедшего события.

Было не так плохо, как я думала. Сначала было очень больно, потом стало легче, и он был осторожен со мной. Я бы сделала это снова, не сразу же, но у меня есть все время мира для того, чтобы пробовать новые вещи, и я хочу попробовать с ним все.

Я моюсь и морщусь, когда мыло щиплет поврежденную плоть. Горячей воды надолго не хватает, возвращаюсь в спальню, ставлю лампу на место на прикроватную тумбочку и надеваю колпачок на тубик с лубрикантом, прячу его обратно в ящик, рядом с коробкой презервативов супер-большого размера. Интересно, почему он хранит эти вещи здесь, если он никогда не приводит сюда женщин? Спрошу его утром.

А пока я хочу забраться к нему в постель, прижаться к его теплому телу, вдохнуть его аромат, несмотря на нотки виски в воздухе, что напоминают мне, о сегодняшнем вечере. Все в порядке. Он тяжело работает, и у каждого есть право иногда выпустить пар. И пока это никому не вредит. Почему меня должно беспокоить, что Блэйк периодически так поступает? Не должно. Ничего не беспокоит меня до тех пор, пока он меня любит, и я люблю его. Мы вместе преодолеем все.

Положив голову на его спину, я осознаю, что он спит со мной, улыбка появляется на моем лице, и сердце в блаженном спокойствии, впервые со смерти бабули.

Глава десятая

Блэйк

Неумолимая боль в моем мозге заставляет меня проснуться. Кто-то проткнул сосулькой мой череп, пока я спал. Это единственной объяснение навязчивой боли. Я попытался поднять голову и понял, что это последнее чертово дело, которым мне нужно заняться, открыл глаза, яркий дневной свет ослепил меня.

Подождите. Какого хуя? Я заставил себя открыть глаза полностью, чтобы обнаружить нечто из волос медового цвета на второй подушке. Я узнал эти волосы. Почему она здесь? Я опустил взгляд ниже на ее голую спину и на маленькие ямочки у основания ее спины. Простыни прикрывают ее задницу, но остальные ее части открыты взору моих очей, что ужасно болят.

Что она тут делает? Между нами все закончилось. Мы оба согласились, что так будет лучше, когда я оставил ее у дома тем вечером, даже если я жалел о том тупом решении каждую секунду каждой минуты после. Так почему же она в моей кровати, и как она сюда попала?

Я с болью перекаत्याюсь на спину и смотрю в потолок, пытаюсь вспомнить, что произошло вчера вечером после работы. Я пошел в бар, выпил пиво, может два. После этого моя память пуста. Я не помню ничего, кроме пары бутылок пива. Иисус, когда я последний раз напивался до потери памяти?

Я напивался только в те первые месяцы, после смерти Джордан, и напивался часто, моя семья угрожала мне клиникой по реабилитации. Но время вылечило мою потребность заливать воспоминания выпивкой. Полное поклонение моей работе тоже помогло. Я сменил алкоголь на «машинный» фокус, оставаясь настолько занятым, настолько мог. Это работало для меня, пока я не провел уик-энд с Хани и отведал то, от чего отказывался все это время.

И вот я здесь, снова напился до беспомысленности. Охуеть. Последнее, что я хотел бы сделать, это вернуться в яму отчаяния, что открылась после смерти Джордан. Я не хочу когда-либо снова пасть так низко, поэтому я оставался как можно дальше от эмоциональных отношений с женщинами. Поэтому я бросил Хани, поцеловав ее лишь в лоб, когда мы закончили все, что было между нами, пока не стало слишком сложно.

Так почему она здесь? Какого черта случилось прошлой ночью? И почему я не могу вспомнить ни хуя из прошлой ночи?

Чувствую себя, как мальчик из пословиц в конфетной лавке, тянусь и прикасаюсь к мягкому шелку ее волос, пропуская пальцы сквозь него. Говорю себе: одно касание и только одно касание, но быстро возвращаюсь за добавкой, попутно вдыхая милый свежий запах ее волос.

Она вздыхает во сне, а потом переворачивается и ложится поверх меня, чес приводит меня в шок. Ее мягкие сиськи прижимаются к моему боку, ее ноги переплетаются с моими, ее рука ложиться мне на живот, в сантиметрах от кончика моего мгновенно твердого друга. Ее дыхание трепещет близь моей чувствительной кожи, и я боюсь вдохнуть, я хочу ее так безумно, что могу попробовать это желание на вкус.

Этого не должно происходить. Я думал, она знает это. Так почему же она голая в моей постели, и почему у меня появилось чувство страха от того, что могло произойти

потерянной ночью? У меня столько вопросов, а ответов нет.

Ее нога сдвинулась вверх по моей ноге, ее рука двинулась южнее и накрыла мой член. Я выдохнул, когда она начала медленно мне дробить, в ленивом ритме. Мне тоскливо до боли, от дикого желания, чтобы так начинался каждый мой день. С Хани, прижатой ко мне, ее рукой вокруг моего члена, ее киской, горячей и влажной, рядом с моей ногой. Это мое представление рая.

Мысли о рае мгновенно меня останавливают. Именно там находится Джордан, и она там по моей вине. У нее никогда не будет никакого подобия жизни, так почему я должен разрешать себе сладкое удовольствие и наслаждение, которое нахожу с Хани? Почему я должен позволить красивой женщине, как Хани, любить меня и заботиться обо мне, когда Джордан ушла навсегда и никогда не сможет иметь чего-либо из этого для себя? А что, если я воспользуюсь этим огромным шансом с Хани, а с ней тоже что-нибудь случится? Я еле пережил один раз. Никаким чертовым способом я не переживу это снова.

Я, с чувством острой тоски, отодвигаюсь в сторону, осторожно снимаю руку Хани со своего члена, это охуеть какая последняя вещь, что мне хотелось бы делать. Отдаляюсь от ее нежной кожи и нежного запаха, сажусь и даю минутку своему пульсирующему сердцу восстановить ритм.

— Ты в порядке? — спрашивает она сексуальным, сонным голосом.

— Ага. Я в норме.

— Хочешь, я принесу тебе обезболивающее?

— Нет. — Это одно слово вырвалось резче, чем я планировал, я и чувствую, как она резко отдалась от меня. Я ебанутый ублюдок, и я ненавижу себя за любой сценарий, который позволил мне затащить ее вчера в постель. Я только надеюсь, что не сделал, или не сказал чего-то непоправимого.

— Что ты здесь делаешь, Хани?

После долгой, долгой паузы, она сказала:

— Джимми позвонил мне, чтобы я тебя забрала.

— Ум. Ок. Спасибо. — Это не объясняет мне ни одной проклятой причины, по которой она голая в моей постели дробит мой член, как будто имеет на это полное право.

Даже не оглядываясь на нее, я встаю и иду в ванную, надеясь принять холодный душ для пробуждения и погасить мой стояк. Я резко останавливаюсь при виде одежды на полу ванной, вокруг душа. Ебать, ебать, ебать! Я становлюсь еще отчаяннее в секунду, когда память проявляется в местах пробелов. Меня тошнит, и не из-за пива, что все еще плавает где-то по органам. Пока вода нагревается, я отталкиваюсь от кусочков воспоминаний, пытаюсь собрать всю вчерашнюю ночь воедино. Но, как и прежде, мои воспоминания заканчиваются на Джимми, баре, пиве... Охуеть. Виски. Вот почему я ничего не могу вспомнить.

Стоя спиной к душе, я пытаюсь понять, можно ли хоть немного надеяться, что у нас не было секса. Я смотрю вниз на моего дружка и вижу, что он впервые красноват местами. Это от того, что... О Боже мой... Мое сердце начинает бешено колотиться, а руки отказываются меня слушаться, пока я пытаюсь быстро помыть свое тело, и отмыть засохшую кровь с моего члена. Я заставил ее кровоточить?

Меня сейчас вырвет.

Я приложил титанические усилия, чтобы погасить позывы в моем горле. Обернул полотенце вокруг бедер и направился к двери, заметив, что ее вещи пропали. Паника

охватила меня, пока я носился по дому в ее поисках, не находя ни одной причины, что могла бы заставить ее остаться.

Она выезжает с подъездной дорожки, когда я выбегаю из дома.

Я преследую ее по улице, но она либо не видит меня, либо игнорирует. Подозреваю, что, скорее всего второе. И более того, подозреваю, что я сделал что-то ужасное, чтобы заслужить ее презрение и торопливый отъезд.

Хани

Он ничего не помнит. Он ничего не помнит. О, боже мой, он ничего не помнит.

Эта фраза крутится у меня в мозгу на повторе, пока меня не сковывает страх, что сойду с ума, если буду думать об этом еще хотя бы секунду.

Слезы бегут по щекам, осложняя мне поездку. К счастью, ехать недалеко. Я не только ничего не вижу, но еще и испытываю разрушающую боль, давясь в рыданиях. Как он может не помнить, говорил мне что любит, что нуждается во мне, и что не хочет меня отпускать?

Как он может не помнить жгучей интимности того, что мы делали в его постели?

Я могу умереть от стыда так же, как и от разбитого сердца. Вытираю непрекращающиеся слезы, не в силах разобрать, мне все же больше больно, или я зла. Больно. Определенно больно. Боль внутри меня напоминает мне чувство потери. Когда умерла бабуля, я проснулась следующим утром, и поняла, что теперь я в мире одна. Вот как я почувствовала себя сегодня утром, когда поняла, что он ничего не помнит о прошлой ночи.

Такое чувство, что кто-то воткнул копьё мне прямо в грудь, делая невозможным что-либо, кроме сокрушительной боли. Когда я приехала домой, и не смогла выбираться из машины от ноющей боли, я решаю сделать то, чего никогда не делала. Я отменяю все мои встречи на сегодняшний день, чтобы остаться дома зализывать раны, и это еще одна причина быть в ярости от Блэйка. Теперь он разрушает не только меня, но и мой бизнес. Я отменяю все дела, извиняюсь перед клиентами и переношу их встречи на другие дни недели, что и так уже прилично забиты. У меня будет еще больше долгих рабочих дней, но, по крайней мере, сегодня я свободна.

Набрав горячую ванну, достаю коробку с солью Ипсом, что принесла Лорэн. Бабуля клялась, что Ипсом — это средство от всех болей. Но подозреваю, что магия не распространяется на разбитые сердца. Погружаю себя в парующую воду, и чувствую, что каждая мышца откликается во мне протестом.

Скуля от боли, что распространяется по моему телу, я снова начинаю реветь, как будто я не обезводила себя этим утром.

Вдруг что-то стучит в мою дверь и орет мое имя.

Я замерла от осознания. Он пришел за мной. Это должно что-то означать.

— Нет, Хани. Это ничего не значит, кроме того, что он себя плохо чувствует, и что он не помнит прошлую ночь. Вот и все.

Я заставляю себя не выходить из ванны, не открывать дверь, несмотря на тревогу о том, что мои любопытные соседи вызовут полицию. Ну и пусть. Это будет его проблемой, не моей. Десять минут спустя, он все еще у двери, постоянно орет мое имя.

Я закрываю глаза и прикрываю уши, притворяясь, что не слышу его. Со временем он уйдет, или будет арестован. В данный момент я даже не знаю, что мне из этого больше по душе.

Наконец-то наступает тишина, такая же громкая, как и шум до этого.

Вода остыла, и мне приходится выбираться. Надев самый уютный халат, я выхожу проверить через окошко у двери, что Блэйк действительно ушел. Нигде нет его признаков и не видно его грузовика, я снова чувствую себя опустошенной.

— Чего ты ждала? Найти его сидящим на ступенях в ожидании тебя? Это случается только в плохих фильмах. — Я делаю себе чашечку чая и иду с ней в постель, где планирую провести остаток дня, прячась от всего мира.

Я все еще спала, когда в полдень мой мобильный зазвонил, разбудив меня. Я игнорирую его и переворачиваюсь, надеясь вернуться ко сну. Он звонит снова.

Я почти уверена, что это Блэйк, но на экране я вижу имя Лорэн, и смс от нее «911» [*по американским меркам после таких смс необходимо срочно отреагировать, так как 911 также является телефонным номером службы спасения — прим. перев.*]. Мне приходится ответить.

— Ло? Что случилось?

— Слава богу, ты ответила, Хани! Где ты? Прорвало основную водонапорную трубу на Хайлэнд, вся улица тонет. Тебе необходимо прийти в студию и спасти все, что сможешь. Хани? Ты меня слышишь?

— Да, я слышу тебя. — Я вырываюсь из постели, игнорируя боль, натягиваю шорты, бюстгалтер и футболку. Впрыгиваю в сандалии, хватаю ключи и бегу к двери. — Я бегу.

— Быстрее, Хани.

Пока проезжаю недолгий путь в деловой центр Марфы, стараюсь думать о том, что может находиться в зоне поражения потопом. Почти сотня рамок с матовыми фото, что выставлены на продажу в студии. Все фотографии синхронизированы с облаком [*виртуальное хранилище — прим. перев.*], но я потеряю тысячи долларов на материалах, если они испорчены.

Мое самое дорогое оборудование храниться в жаропрочном шкафу, надеюсь, он и влагоустойчивый. Почему я не помню, влагоустойчив ли он? Я должна была это знать. Я сворачиваю на Хайлэнд и вода мгновенно бьет в меня. Вдалеке улицы я вижу машины скорой помощи и гейзер, что бьет высоко вверх. Владельцы магазинов и бизнесмены собрались на тротуарах, глядя на прибывающую воду.

Секунду я сомневаюсь, стоит ли мне покинуть машину и боем пробираться к студии, или все же безопаснее остаться в машине. Один из местных копов, паренек, с которым я выросла, машет мне проезжать вперед. Джонни не махал бы мне, если бы было опасно, правда? Надеюсь, что да.

Я выжимаю газ и плыву по Хайлэнд Авеню, останавливаясь на парковке у студии, направляясь к заднему выходу, где воды уже по косточки. Когда я открыла дверь, вода ворвалась в мою студию, и все, о чем я смогла подумать, это целый уик-энд, который понадобился Лорэн, Джулии, Мэтту и мне, чтобы обновить этот деревянный пол. Я не эксперт, но даже я знаю, что дерево плюс вода, это не очень хорошо.

Нацелившись спасти все, что смогу, я вливаюсь в процесс, хватая охапки матовых фото в руки и перенося их с пола выставочной комнаты на стол в задней части студии, который на метр выше уровня воды. Если уровень воды поднимется так высоко, у нас будут большие проблемы.

Я двигаюсь по воде бесчисленное количество раз, перенося фотографии. Уровень уже выше косточек и прибывает с каждой секундой. Почему они не могут ее остановить или

перекрыть чем-либо? Хватаю ящики с реквизитами, что использую для своих пустынных фото, я на грани паники от возможности потерять все, над чем работала так тяжело, и тут Блэйк появился у моей задней двери.

Он командует своими парнями, авторитарным голосом, и они начинают наполнять мою заднюю дверь.

— Идите вперед, — приказывает он, — Быстрее.

Я замерла и смотрю на него, как движутся его мышцы, когда он быстро строит барьер из песка, чтобы удержать поток воды в мою студию. Пока он работает, он периодически смотрит в мою сторону, его напряженный голубоглазый взгляд блуждает по мне, напоминая мне, что у нас есть незавершенные дела.

— Я еще вернусь, — говорит он, пока они стоят стену из мешков с песком, что останавливают водные потоки. — Будь тут.

Он ушел до того, как я сформулировала ответ. А что я собственно собиралась на это ответить? Я сдалась, у нас с ним состоится последний разговор о том, что случилось, а позже мы вернемся к жизни, как друзья, которые знают друг друга всю жизнь.

Я смогу это сделать, уговариваю я себя, стараясь не думать о событиях прошлой ночи, что перевернули мой мир с ног на голову, принесли облегчение, наполнили радостью, и предвкушением, которых я ранее не испытывала. Это были просто уловки. Теперь я это понимаю, понадобилось время, чтобы принять то, что он не помнит ничего из прошлой ночи, хотя я уже знаю, что никогда не забуду ни секунды из этого.

В один момент я обладала всем, что даже и не надеялась держать в своих руках, так близко, что я могла почувствовать сладость своего будущего с сильным, но сложным мужчиной, который меня любит. Потом это беспощадно отобрали у меня, и неважно, что он собирается мне сказать, мне нужно помнить, какую боль мне это причинило.

Я занимаю себя сортировкой фото, что сбросаны в беспорядочные кучи на моем рабочем столе. И задерживаю взгляд на одной из моих любимых: известный Отель Пэйзано, где Джеймс Дин, Рок Хадсон и Элизабет Тэйлор останавливались, снимаясь в фильме Гигант, в 1956 году.

Я изливала сердце и душу в свои работы, потому что я не могла никуда направить свою любовь после смерти бабули. Моя любовь к Марфе, городу, что окружил брошенного ребенка, отражается сквозь каждую фотографию, которую я сделала на фоне известного зала заседания, огней Марфы, Чайнаси и вариации инсталляций, что делают наш город таким уникальным.

Я люблю это место, и не хотела бы работать нигде больше. Но теперь я буду переживать, что наткнусь на Блэйка в обычных местах, таких как продуктовый магазин, или почтовое отделение, срывая заживший слой с моих ран каждый раз, когда я встречаюсь с ним, с этими холодными голубыми глазами. Я осознаю, что эту рану я нанесла себе сама, начиная со слов «я хочу, чтобы ты меня трахнул», но рана болеть меньше от этого не начитает.

— Извини за это, бабуля — шепчу я в пустоту, что окружает меня в студии. — Мне никогда не следовало предлагать ему так, как я предложила. Ты была права на счет необходимости оставаться настоящей леди. Но я не сожалею ни о чем, что случилось с ним, кроме того, что это закончилось. Мне хотелось бы больше времени. Если бы я только могла продолжать делать его счастливым, как я делала, пока мы были вместе. И больше всего я желаю, чтобы он вспомнил, что произошло прошлой ночью.

— Почему ты мне не сказала, — ответил он позади меня.

Я оборачиваюсь от неожиданности, что он вернулся так быстро. Он слышал, что я говорила, и он хочет знать, что произошло.

Он закрывает и запирает на замок заднюю дверь моей студии.

— Мы не уйдем отсюда, пока ты не заполнишь мои пробелы.

— Это не важно.

— Думаю, это важно. Это очень важно.

— Ты был честен со мной с самого начала. Не твоя вина в том, что я захотела большего.

— Ты не одна, кто этого захотел.

— Не одна?

Он встряхнул головой.

— Что-то произошло прошлой ночью. Я знаю, что произошло, потому что видел доказательства сегодня утром.

Я взглянула на него вопросительно, думая, на что именно он указывает.

— Доказательство «А» проснулось нагим рядом со мной. Доказательство «Б» — это одежда, которую я нашел на полу ванной, твоя и моя, спутанная в одну кучу. Доказательством «В» будет засохшая кровь на моем члене, что мучает меня целый день, потому что я заставил тебя кровоточить, Хани. Ты должна сказать мне, что я сделал, если я причинил тебе боль, если я...

Я не могу выносить боль, отразившуюся на его измученном лице. Подойдя, я приложила два пальца к его губам:

— Ты забрал последнее из девственного во мне, и мне это понравилось. Большая часть.

Его глаза расширились в шок.

— Нет...

— Все в порядке, Блэйк. Правда. Ты можешь не помнить, но нам обоим понравилось. — Я дала своей руке упасть с его рта. — Мне понравилось время, что мы провели вместе, но я была предупреждена о твоих правилах перед началом всего этого, и я их уважаю.

— К черту мои правила. — Он хватает меня за талию и прижимает меня к себе так быстро и близко, что мое дыхание сбивается, когда я ударяюсь о его грудь. Свободной рукой он поднимает мое лицо, чтобы получить самый отчаянный и страстный поцелуй в моей жизни. Я не могу ничего делать, кроме как держаться за его рубашку, надеясь, что он не разомкнет рук, иначе я превращусь в еще одну лужицу на полу. — Я хочу тебя, Хани, — говорит он обрывая поцелуй. — Я хочу больше, чем просто уик-энд с тобой.

— Насколько больше? — я борюсь, чтобы остановить свое глупое сердце от прыжков, пока мы не получим всю информацию.

— Я не знаю. Я хотел бы сказать, что я способен на все, но, честно говоря, я не знаю, способен ли я.

— Ты способен, Блэйк. — Я прижимаю ладонь к его груди в надежде, что он увидит, что я открываю ему свое сердце. — Ты просто должен позволить себе быть счастливым. Ты можешь это сделать?

— Я не знаю. Я не помню как это, быть по-настоящему счастливым. Это было так давно, сколько лет назад... А потом красивая девушка зашла в бар и перевернула мой обычный мир с ног на голову. — Он заправляет прядь волос мне за ухо и проводит пальцами по щеке. Легкая ласка вызывает во мне трепет.

— Я действительно это сделала?

— Ты, черт, сделала это. — Он прижимается к моей щеке, трется висками о мою

чувствительную кожу, что мгновенно меня заводит. Блядь, да все что он делает, заводит меня. — Хани... Есть кое-что, что я должен знать наверняка.

— Что именно?

— Ты и вправду в порядке после вчерашней ночи? Все, о чем я могу думать, это кровь... Я зацеловываю слова на его губах.

— Я в порядке. Я клянусь.

Он глубоко выдыхает, что, похоже на избавление от большого груза.

— Давай уберем эту воду, а потом я хочу пригласить тебя на правильное свидание. Это будет нормально?

— Да, — говорю я, улыбаясь ему. — Это будет нормально.

Хани

Для уборки студии понадобилось несколько часов, даже с мощными насосами и пылесосами, которые принес Блэйк из своей компании. После того как мы сделали все возможное чтобы высушить студию, мы направились в цветочный магазин Лорэн, где нашли ее оплакивающей ущерб, нанесенный ее магазину.

Я зажала ее в объятьях, а Блэйк принялся откачивать воду, которой было по щиколотки.

Его друг Гаррэтт присоединился к нам, и мы вчетвером продолжили наводить порядок.

Лорэн заказала доставку еды из той части города, что не пострадала от потопа, и мы наелись до отвала прежде, чем снова вернуться к работе. Снаружи доносятся звуки насосов откачивающего оборудования, из соседних зданий, что тоже борются с последствиями катастрофы.

Несмотря на то, что я очень устала, и болит все от головы до кончиков пальцев на ногах, я продолжаю, пока мы не убрали почти всю воду из магазина Лорэн.

Блэйк привез нам промышленные аппараты для сушки, которые мы оставили на ночь.

— Я даже не подозревала, что такие штуки существуют, — говорит Лорэн, когда он вытаскивает один аппарат из грузовика.

— Я купил их пару лет назад, на всякий случай, — говорит Блэйк.

— Ну что же, спасибо господу за это, — говорю я.

— И не говори, — добавляет Лорэн. Ее кудрявые волосы подняты в пучок на макушку, а карие глаза наполнены слезами. — Я никогда не устану благодарить вас, ребята, за помощь. — Она застенчиво улыбается Гаррэтту. Его темные волосы и футболка мокрые от пота, но улыбка, которой он отвечает Лорэн зажигает его карие глаза.

— Всегда рад помочь, — говорит он, — в любое время.

Я не верю, что у него к ней такой иммунитет, как она думает, но эту мысль я пока оставлю при себе. Будет еще миллион возможностей препарировать потенциальный интерес Гаррэтта к Лорэн, после хорошего сна, и после того, как мы вернем контроль над своими эмоциями.

— Они уже знают, что вызвало основную поломку? — спрашивает Гаррэтт у Блэйка.

— Я еще не слышал, но мне звонили из округа и просили помочь исправить поломку. Я уже послал туда команду. Жду отчета о ситуации от Мэтта. Хорошая новость для вас леди в том, что они смогли перекрыть воду, но это плохая новость для всех, кто живет в округе.

— Ты один из счастливчиков, — говорит Гаррэтт, — кризис выгоден для твоего бизнеса.

— Я никому бы не пожелал такого, даже если это хорошо для моего бизнеса.

Мне понравился его ответ. Очень понравился. Он сочувствует тем, кто почти все потерял, несмотря на то, что наводнение может принести ему прибыль.

— Ты думаешь, все в безопасности, можем уходить? — спрашивает Лорэн, оглаживая свой потрепанный магазин, скрестив руки на груди. Как и в моей студии, мы передвинули все ну уровень выше, и ей понадобится целый день, чтобы расставить все обратно, когда магазин просохнет.

— Я бы остался еще немного, если ты хочешь быть уверена, — предлагает Гаррэтт.

Она заметно оживляется.

— Ты останешься? Правда?

— Конечно. У меня нет планов на вечер. Не проблема.

Я вижу, что она сдерживает слезы, которые больше от усталости. Моей девочке надо время, чтобы собраться. Она могла все потерять, это расстроило бы любого.

— Звони нам, если что-то понадобится, — говорит Блэйк, целуя Лорэн в лоб при выходе.

— Спасибо тебе большое, Блэйк. Я не знаю, чтобы я делала без твоей помощи, и твоего оборудования.

— Мое оборудование — твое оборудование. — Он пожимает ей подбородок. — Иди, поспи.

— Ты тоже.

Блэйк прислоняется ко мне у двери.

— Оставь свою машину тут. Я привезу тебя утром.

Он не сказал и не сделал ничего сексуального, кроме как предложил, между строк, провести ночь вместе, но это все, что потребовалось, чтобы я забыла про усталость, разлившуюся по телу боль, и эмоциональное истощение. Мои соски затвердели, а мой клитор встал по стойке смирно, заметив его руку на мне, когда он помогал забраться в грузовик.

Пока он не отстранился, я притягиваю его для поцелуя.

— Спасибо тебе. Эти два слова кажутся такими недостаточными в свете того, что ты сделал для нас с Лорэн, сегодня.

— Я получил удовольствие, Горшочек Меда. — Он отвечает на поцелуй нежно и сладко. — Тебе придется меня отпустить, если хочешь домой.

— Оу, — говорю я с глупой ухмылкой, — извини.

Я наблюдаю, как он обходит капот грузовика, выглядит счастливым и радостным, несмотря на адский день, что мы сегодня пережили. Это глупо, в моем возрасте чувствовать себя девушкой-подростком, капельку благодарной за потоп, который свел нас и заставил признать то, что происходит между нами?

Может быть и глупо, но мне не стыдно, что у меня был этот прорыв. Я жутко по нему скучала, все время, что мы провели врозь после удивительного уик-энда, скучала гораздо больше, чем по кому-либо из тех, с кем встречалась до него. Я тосковала от того, что он не рядом со мной, и не могла успокоиться, как не пыталась.

Он отъезжает с парковки Лорэн и хватается за руку, переплетая наши пальцы, эта обладающая хватка будоражит меня. Блэйк Дэмпси хочет обладать мной. Не могу думать ни о чем лучшем.

У моего дома он просит меня подождать его, пока он обходит и помогает мне выбраться из грузовика. Обычно мне не нужна помощь, но я так устала, что с радостью принимаю ее. Плюс, это еще одна возможность насладиться его рукой вокруг меня. Зовите меня бесстыдницей, но мне нравится быть в его руках.

Он продолжает вести себя в TLC-настроении [*TLC — Tender Love and Care — дословно определение нежной любви и заботы — прим. перев.*] когда мы заходим внутрь, тащит меня прямым в ванную комнату, где наполняет мне ванну горячей водой и помогает раздеться.

Я опираюсь на его руку.

— Залезай со мной.

— С удовольствием. — Он пристально глядит на меня, когда снимает футболку через голову, обнажая невероятную грудную клетку и сбрасывает шорты, открывая то, что ходил без нижнего белья целый день. Я облизываю губы и вижу жар в его глазах.

— Освободи мне немного места.

Я подвигаюсь вперед, пока он запрыгивает, а потом опираюсь на его грудь.

Он смыкает руки вокруг меня, я вздыхаю с удовольствием.

— Я могу получить «чек на случай дождя» [*rain check* — обещание, что предложение, озвученное ранее, еще повторится в будущем — прим. перев.] на то свидание, что ты мне обещал? — спрашиваю я.

— Несомненно. Я выжат после сегодняшнего дня.

— Я тоже.

— Хани... Извини меня, пожалуйста за то, что произошло вчера ночью. Я все думаю о том, чем ты говоришь, мы занимались. Мне так стыдно за то, что все случилось, пока я был пьян. Я не должен был к тебе прикасаться... и помимо этого, я чувствую себя монстром.

Я оборачиваюсь и прикасаюсь к его лицу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я знала, что ты был пьян. Мне хотелось бы, чтобы ты помнил, но мы оба виноваты.

— Я никогда так не напиваюсь. По крайней мере, я много лет так не напивался. Больше этого не повторится. Я обещаю.

— А могу я спросить,... Что заставило тебе напиться в этот раз?

— Ты можешь спросить, и ты должна знать, что ТЫ была этому причиной.

— Я? Что я тебе сделала, заставив напиться в стельку?

— ВСЕ, — говорит он на выдохе. — Я непрерывно думал о тебе с того уик-энда, что мы провели вместе, и мне хотелось большего, но я не знал, как попросить об этом. Я же говорил тебе, что будет всего две ночи, и хотел быть честным с тобой, поэтому я отстранился, и это меня чуть не убило. Я надавил на бутылку прошлой ночью, потому что нуждался в освобождении от отчаяния.

Его признание вызывает грусть за него, и в одно и то же время, делает меня счастливой за нас.

— Я скучала по тебе каждый день твоего отсутствия.

— Ты скучала? Правда?

— Правда. Я думала о тебе, и о нас, и об удивительном сексе, что был у нас без перерыва.

— Секс был чертовски прекрасен, но это было лишь частью всего.

— А что собой представляют остальные части?

— Ты, Хани. Ты — самая важная часть. Я чувствовал... Я не знаю... мне было так спокойно рядом с тобой. Умиротворенно. Я имею в виду, не все время. — Он изгибает бровь, намекая на какой-то смысл. — Но большую часть времени, я был спокоен. Я вообще ничего тебе не объяснил сейчас, да?

— Ты прекрасно объяснил, именно так и я себя чувствовала. С тех пор как умерла бабуля, я чувствовала себя потерянной и одинокой, а в то короткое время, что мы были вместе, я не чувствовала себя одинокой.

— Да, — сказал он, выдохнув с облегчением. — Это именно так. — Он сжимает объятия вокруг меня крепче. И целует мои волосы. — Раньше, когда я думал, что упустил все шансы с тобой, было адски больно.

— Мне жаль, что тебе было больно, и что не открыла, когда ты приходил. Мне нужно было все обдумать.

— Тебе нужно было время обдумать то, что между нами произошло что-то глобальное, а я этого даже не помнил.

— Типа того.

— Что еще случилось, кроме того?

Я не могу сказать. Я не могу ему сказать, что мы бросались вокруг Л-словом [*любовь — прим. перев.*], потому что боюсь, что он сбежит и никогда не вернется.

Он трется о мою шею и нежно сжимает мне грудь, проводя большими пальцами по соскам.

— Расскажи мне, Пчелка Хани. Мне нужно знать. Заполни для меня пробелы. Расскажи мне все.

Я не уверена, что могу или должна это сделать, но решаю попытаться.

— Джимми позвонил мне, потому что помнил, как мы уходили вместе в первый вечер. Он сказал, что тебя нужно подвезти домой, вот я тебя и подвезла.

Блэйк глубоко выдыхает.

— Мне не нравится, что ты приехала туда одна, когда я был в глубокой отключке.

— Никто меня не побеспокоил.

— Тебе повезло, нам обоим повезло. Я содрогаюсь от мысли, что кто-либо из посетителей бара прикасался к тебе.

Вот опять этот покровительный порыв, который я не должна любить так сильно.

— Короче, я уговорила тебя поехать домой, и ты взял с меня обещание остаться.

— А ты? Ты пообещала?

— Мне показалось, что для тебя это важно, так что я пообещала. — Я накрываю его руки на моей груди, желая прикоснуться к нему. — Ты заснул по дороге домой, и мне пришлось зажать тебе нос, чтобы разбудить.

Он смеется похрюкивая.

— Это грязный трюк.

— Это был единственный способ разбудить тебя. Я донесла тебя на плечах, ты настаивал, что тебе нужен душ. Потом ты затащил меня с собой, и каким-то образом протрезвел достаточно, чтобы заниматься сексом в душе, который перешел в секс в спальне.

— Я бы так хотел это помнить.

— Я бы тоже этого хотела, особенно ту часть, когда ты сказал, что хочешь войти там, и умолял тебя пустить. Я не могла сказать тебе нет, потому что...

— Почему? — спрашивает он резким отчаянным тоном.

— Ты сказал, что любил меня с того момента, как мы познакомились.

— Ох, Хани, боже... Я такой козел.

— Почему? Потому что это неправда?

— Нет, это правда, но не так я должен был тебе признаться. — Он обнимает меня еще крепче, что становится сложно дышать. — Давай выбираться отсюда. — Он выходит, помогая выбраться и мне, и ведет в постель.

Блэйк включает кондиционер, и мы забираемся под одеяло, встречаясь посередине, где он крепко прижимает меня к себе.

— Я заставил тебя кровоточить, Хани, — шепчет он. — Это все, о чем я могу думать.

— Ты не причинил мне вреда, не так, как тебе это кажется. Да, мне было больно, но я в

порядке, и было круто, когда перестало болеть.

— Серьезно? Тебе понравилось?

— Мне понравилось. Но это не то, что я хотела бы делать постоянно, но по особым случаям я могу быть склонна к этому.

Я чувствую, как его губы двигаются в улыбке напротив моего лба.

— Что считается особым случаем?

— Наша годовщина, твой день рождения, когда ты принесешь мне цветы...

— Это все, что мне нужно сделать, чтобы получить это? — он сжимает мои ягоды. —

Принести цветы?

— Это должны быть очень, очень красивые цветы. Ло может тебе помочь с этим.

— Полезная информация. — Он продолжает играть с моей попкой, отправляя посылы предвкушения по всему телу. — Я хочу сделать это снова, когда я трезв, как стеклышко, чтобы запомнить все детали.

— Приходи ко мне через пару недель.

— А мне понравилось?

— Тебе безумно понравилось. Ты сказал, что моя попка была самой тугой, самой горячей попкой, что каждый парень желал быть.

Он издает наполовину стон, наполовину рычание.

— Это именно так, и ненавижу то, что совсем не помню этого. Мне нужно заполнить пробел, иначе я сойду с ума в догадках, что я упустил.

Когда я чувствую, как его пенис прижимается к моему животу, я понимаю, что этот разговор возбудил его.

— Хочешь, я расскажу тебе, как все было?

— Ммм, да, пожалуйста.

— После того, как ты умолял тебя впустить, и я согласилась, противясь голосу разума. Ты потянулся за лубрикантом и снес с тумбочки лампу. И, кстати, если ты никогда не приводишь женщин к себе, почему лубрикант и коробка эктра-больших презервативов хранятся в прикроватной тумбе?

— Я просто там это все храню, но клянусь, что у меня ни с кем никогда не было секса в той постели, кроме тебя.

— Я тебе верю. В любом случае, ты использовал свои пальцы и покрыл меня лубрикантом, и себя, а потом... Я почувствовала самое сильное давление.

Он берет мою ладонь, и оборачивает вокруг своего парня, медленно двигая нею вверх и вниз, в ленивом ритме. Влага, собравшаяся на кончике, выступает в роли смазки, он становится еще тверже.

— А что потом?

— Вошла головка, я закричала. Болело адски.

— Ох, дорогая, извини.

— Ты уменьшил боль, потирая мне клитор.

— Вот так? — его пальцы проскользнули во влагу между моих ног, и прижались к комку нервных окончаний.

— Дааа, — шепчу я бездыханно, — именно так. Ты заставил меня пока входил в меня там, и ласкал меня тут. Потом, когда я упала с невиданных доселе высот, ты меня жестко трахал. Ты снова заставил меня кончить, и ты тоже кончил в тот момент.

Он стонет, и покрывает потоками мою руку.

— Боже, это было так горячо, Хани. Я хочу записать всю историю и слушать ее снова, и снова.

— Зачем записывать, если мы можем снова это пережить.

— Ты действительно этого хочешь?

— А ты этого не хочешь?

— Я спросил первым. — Пока мы стебемся, он продолжает рисовать маленькие круги вокруг моего клитора, глубоко погружая в меня пальцы, что постоянно держит меня на грани освобождения.

— У меня такое чувство, что мы вернулись на детскую площадку, и ты снова меня щипаешь.

Ее мягкая ухмылка заставляет и меня улыбнуться. Мне нравится слышать его смех, знать, что я делаю его счастливым, и избавляю его от тяжелой ноши, которую он так долго носил. Он переворачивает меня на спину и целует мой лобок, я не дышу, зная, куда он направляется, и как чудесно это будет.

Он закидывает мои ноги себе на плечи и сменяет свои пальцы языком. Он так меня возбудил, что не понадобилось много времени, меня накрыли медленные, ленивые волны освобождения, не взрывные волны, как обычно. Это не менее приятно, чем взрывы.

Блэйк остается со мной до последней волны, потом собирает влагу и смазывает мой анус.

Я стону от удовольствия, и от остаточной боли.

— Извини, что причинил тебе боль, — говорит он. — Больше этого не повториться.

— Я знаю. Все в порядке.

— Не в порядке.

— Иди сюда. — Я тяну его в свои объятия, целую, обнимаю и пытаюсь успокоить. — Не произошло ничего, чего я не хотела. Ты слышишь меня?

— Да, — говорит он хрипло. — Я слышу тебя, но мне бы хотелось, чтобы это произошло по другому.

— Давай двигаться дальше. Бабуля всегда говорила, лучше смотреть вперед. Мы не в силах изменить прошлое. И живем только сейчас.

— Твоя бабуля была мудрой леди.

— Она была лучшим человеком, которого я знала. Мне бы хотелось быть больше на нее похожей.

— Почему ты так говоришь? Ты идеальна такая, какая есть.

— Девочка, которую она вырастила, никогда бы не зашла в бар и не предложила мужчине ее трахнуть.

— Это было самое крутое и смелое, самое удивительное событие в моей жизни, так что, пожалуйста, не превращай его постыдный поступок. Я возненавижу это.

— Окажешь мне услугу?

— Что угодно.

— Если у нас когда-нибудь будут совместные внуки, пообещаешь мне, что никогда не расскажешь им историю о том, как мы сошлись?

Он долго смотрит на меня, и я не могу понять, о чем он думает, может я зашла слишком далеко и слишком быстро.

— Ты представляешь нас с общими внуками?

Я кладу руку на его красивое лицо и смотрю в его голубые глаза, совершенно пленившие

меня.

— Я представляю нас со всем общим.

Глава двенадцатая

Блэйк

Я забыл как это, ощущать реальное, чистое счастье. Я забыл, как это, иметь возможность быть в конце каждого дня где-то еще, кроме бара, где всем плевать на тебя, кроме Джимми, конечно же. Каждую ночь я прихожу домой к Хани, и каждое утро я просыпаюсь рядом с ее милым личиком, на подушке рядом со мной.

А что между тем, как прийти домой и проснуться утром?

Уху. Удивительно. Невероятно. Я не говорю про секс. Это она. Это то, как я себя чувствую рядом с ней, когда возвращаюсь домой.

Я невероятно счастлив, люди вокруг меня замечают это, начиная от парней на работе, которые прижимают меня за яйца за то, что я насвистываю в рабочем процессе. Я знаю, это смешно, и если бы это был один из них, кто внезапно начал трахаться, и насвистывать, я бы поступал с ним так же, как и они со мной сейчас.

Меня это не очень волнует. Меня не многое волнует в последнее время.

Мои родители, братья и сестры тоже заметили перемены. Они пока не знаю кто, или что послужило этому причиной. У нас семейная встреча в следующий уик-энд, и я планирую взять с собой Хани, познакомить с тетями, дядями, и кузенами. Она уже знакома с моими родителями, братьями и сестрами, но не знакома с моими племянниками и племянницами, я очень жду этой встречи.

Я уверен, она будет вести себя с ними прекрасно, и они полюбят ее так же сильно, как люблю ее я.

Вы меня слышали, правда? Я люблю ее. Как я сказал ей однажды, когда был пьян, и еще раз, на следующий день, я всегда любил ее. Мне больно признавать, что у меня были чувства к Хани, даже когда я был с Джордан. Не то чтобы они мешали мне полностью посвящать себя Джордан. Не мешали. Я был полностью с ней, но всегда, на задней корке мозга, была Хани, недоступная, отдаленная, вне досягаемости, до той ночи в баре, которую я никогда не забуду.

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ МЕНЯ ТРАХНУЛ.

До той ночи, я никогда не поверил бы, что шесть слов способны изменить жизнь, но они так сильно изменили мою, что я почти забыл, что было до этих слов. По правде говоря, я не хочу помнить, как это быть одиноким, неумолимо тяжело работать, чтобы не оставалось сил и энергии на что-либо еще, кроме еды и сна, и редких бессмысленных перепихонов.

Я не горжусь своими «отношениями проездом», особенно теми, что были у меня много лет назад, с Лорэн, когда я все еще переживал потерю Джордан. Она была там для меня, а я пользовался ощущением комфорта, везде, где его находил. Я всегда был благодарен ей за то, что она не держит на меня зла, и мы все еще друзья. Я особенно благодарен теперь, когда я влюблен в ее лучшую подругу, которая уютно сидит передо мной на диванчике, пока мы смотрим чик флик. *[chick flick — фильм, в котором присутствуют мечты и надежды девушек и женщин; обычно со счастливой, абсурдной, нереалистичной концовкой — прим. перев.]*

Спустя час, я понятия не имею, кто есть кто и о чем фильм. Да и зачем мне это, если она в моих руках? Я вдыхаю ароматный запах ее волос, и думаю о том, как я буду ее трахать.

Ей нравится моя креативность в постели, а мне нравится томить ее в догадках о том, что сегодня в ночном меню. Мы ходим на невероятные свидания, как в тот вечер, когда мы выехали за черту города, Хани смогла сделать фотографии Магических Огней Марфы, потом мы ели в Фуд Шарк Музее Электронных Чудес и Лэйт Найт Грильд Чиз Пало, локальное заведение.

Жизнь хороша. Я не могу поверить что я, Блэйк Дэмпси, лишенная эмоций машина вместо мужчины, говорю это, но это правда.

Зная, как легко я могу ее отвлечь, я запускаю пальцы под границу ее сексуально-трахательного топа, в который она переодевается после работы. Я полностью зависим от мягкости ее кожи. Мне нравится, что пропали ее линии от загара после пары поездок к яме для купания, и купания там голышом, загорания и занятий любовью.

Когда я купил дом, я надеялся вернуть его к жизни и продать, получив с этого прибыль. Но теперь я начал представлять жизнь с Хани в фермерском домике, что когда-то принадлежал бабушке и дедушке Джордан. Я вижу пару-тройку светловолосых детей, бегающих вокруг, курочек и коз на лужайке, и, может быть, лошадь или две в сарае. Чем больше времени мы проводим вместе, тем более четко я это вижу. Я понятия не имею, каким она видит будущее, но у нас масса времени, чтобы это выяснить.

Я продолжаю поглаживать ее кожу, двигаясь к ее груди. Мне нравится, как она упирается попкой в мой член, бесстыже трется об меня, продолжая при этом смотреть фильм, или мне кажется, что она его смотрит. Зажимая ее сосок между пальцев, я нежно его подергиваю.

— Что ты там задумал? — спрашивает она, с придыханием, возбужденно, так как я больше всего люблю.

— Просто смотрю фильм.

— Ты не смотришь!

Я смеюсь и говорю возмущенным тоном.

— Смотрю.

— О чем он?

— Какая-то девчонка хочет парня, но недостаточно умна, чтобы войти в бар и попросить его трахнуть ее, чтобы двигаться дальше.

Она вздрагивает в легком смехе.

— Ты когда-нибудь об этом забудешь?

— Никогда — никогда — никогда. — Я продолжаю подергивать ее сосок, пока он не становится твердым и торчащим, а она не начинает активно извиваться. — Ты все еще смотришь фильм?

— Зависит.

— От чего?

— От того, что еще на повестке этого вечера.

— Дорогая, ты знаешь, что на повестке, но ты же так хотела посмотреть этот фильм. — Я отпускаю ее сосок, и начинаю вытаскивать руку из ее топа. — Я оставлю вас наедине.

Ее рука поверх моей останавливает мое отступление. Слава богу. Последнее, что мне охуеть как хотелось сделать, это перестать прикасаться к ней. Она поворачивается и теперь она на спине, смотрит на меня. — Чем бы ты хотел заняться?

— Абсолютно всем, что позволит мне оказаться внутри тебя. — Мне нравится, как покрываются румянцем ее щеки, а ее глаза расширяются, когда я говорю подобные вещи.

Еще больше нравится, это когда она шокирует меня к чертям, хватается за подол своего топа, резко сдергивает его через голову, и продельывает тоже с шортами и трусиками.

Вау, посмотрите на эту великолепную кожу медового оттенка.

— Итак? — говорит она с дерзкой улыбкой. Поднимает руки над головой, предлагая мне себя.

— Ты такая красивая, Хани. Каждый твой сантиметр прекрасен.

— Ты делаешь меня красивой.

Я прижимаю руку к ее животу, и наблюдаю, как мышцы трепещут под моей рукой. Она такая отзывчивая, а ее сердце распахнуто для меня. Я осведомлен, что наделен силой, способной причинить ей боль. Эта мысль меня просто убивает. Я никогда не хотел причинить ей боль. Все чего я хочу, это делать ее счастливой, так же, как она делает счастливым меня.

Она дергает пуговицу на моих джинсах и расстегает молнию.

— На тебе много одежды. — Но она не переходит к моему стволу, как я ожидал, она зарывается пальцами в дорожку из волосков, что ведет к моей промежности. Я понятия не имел, почему ее называют счастливой тропинкой, пока она не прикоснулась ко мне там, теперь название обрело для меня смысл. Все, что она со мной делает, каждое прикосновение, поглаживание, жест, сексуальный, любящий взгляд, которым она на меня смотрит, делаю меня счастливым.

— Сними их, — говорит она о моих джинсах.

Я ерзаю и с ее помощью избавляюсь от них.

— Садись.

Кажется, она наслаждается процессом, давая мне команды. Послушание оправдало себя, когда она оседлала мои колени, принесла тепло ее ядра вниз к моему члену, наклоняя свои беда вперед и назад. Сводя меня с ума.

Я дотягиваюсь позади нее, чтобы заполнить свои руки ее податливыми ягодицами, разминаю и подразниваю их, когда она упирается сиськами в мою грудь. Это самый приятный вид пыток, мне нравится неспешный темп, зная, что у нас есть все время мира, чтобы взорваться и доставить друг другу наслаждение. Я ее раб, и она знает это, маленькая лиса.

— Почему ты улыбаешься? — спрашивает она, глядя вниз со своего высокого трона на моих коленях.

— Потому что ты такая сексуальная.

— Ты так думаешь? — Она самая горячая детка в городе. Все об этом знают, кроме, очевидно, нее самой, но этот проблеск неуверенности — еще одна вещь, которую я в ней люблю.

Я двигаю своим твердым-как-скала членом возле ее киски.

— Тебе действительно нужно было спрашивать?

Она приподнимается, достаточно высоко, чтобы прижать кончик моего члена, погружая меня мелкими шажками, мне приходится считать до тысячи в обратном порядке в попытках не взорваться, как неопытный мальчишка. Чем больше мы этим занимаемся, тем легче ей меня принимать, но мы все еще начинаем медленно, давая ее телу время растянуться и адаптироваться ко мне. Я никогда не хотел сделать ей больно.

Она вздрагивает, я придерживаю ее за ягодицы, чтобы не дать ей резко упасть.

— Не спеши, Сгусток Меда. Мы никуда не торопимся.

— Я ненавижу свое тело тогда, когда оно не принимает тебя.

Я массирую ее клитор большим пальцем, пока посасываю ее сосок во рту. Эта комбинация всегда помогает облегчить путь, этот раз — не исключение.

— Видишь? — говорю я, когда глубже погружаюсь в нее. — Ты можешь это сделать.

— Ухмммм.

— Расскажи мне, что ты чувствуешь.

— Большой, — выдыхает она, — Туго.

— Есть и другие хорошие слова. Скажи мне еще. — Я подвигаю ее ближе к себе и вхожу еще на пару сантиметров.

— Горячо, влажно, волнующе.

— Правда? Волнующе?

Она убирает мою руку с сиськи и прижимает к грудной клетке, чтобы я мог ощутить неистовое биение ее сердца.

— Ты мне скажи.

Я не могу дышать от потока эмоций, что захватывает меня без предупреждения. Только я подумал, что не могу испытывать больших чувств, она удивляет меня.

— Я люблю тебя, Хани. — Я никогда не устану говорить ей это, или слышать, как она говорит это.

— Люблю тебя. Я одержима тобой. Это нездоровая одержимость мужчиной.

— Да нет, совсем здоровая. — Мне нравится, что она одержима мной. Я собираюсь интенсивно кончить. — Это невероятно здоровая одержимость до тех пор, пока объект одержимости не менее одержим тобой.

Она наконец-то принимает меня целиком, и отбрасывает голову назад в полной капитуляции. Это самая изысканная поза, что я когда-либо видел. Она, вот так просто, МОЯ. ВСЯ моя.

— Объезди меня, дорогая. Заставь меня кончить.

Хани прикусывает нижнюю губу и начинает двигаться, и блядь, это одна из самых эротических сцен, что я видел. Движение ее киски по моему стволу, колебания ее сисек, румянец, что покрывает ее щеки, этого почти много для меня, чтобы охватить за один раз.

Я дотрагиваюсь там, где мы соединяемся, чтобы убедиться, что я не один, кто скоро взорвется. Она не разочаровывает меня, когда она кончает, тугое кольцо ее мышц на моем члене высвобождает и меня.

Хани сворачивается поверх меня, я смыкаю руки вокруг нее, желая прижаться еще на какое-то время. Кого я обманываю? Я хочу ее рядом вечность.

— Я не могу поверить, что ты все еще тверд после этого, — говорит она после долгого момента тишины.

— Это твоя вина.

— Почему это моя вина?

— Он никогда не устает внутри тебя.

Она дрожит в моих руках.

— Когда ты так говоришь...

— Что?

— Я верю, что это действительно возможно, что у нас это получится.

— Это возможно, и у нас уже получается.

— Пожалуйста, только не передумай.

— Я не передумую. Я обещаю.

Хани

Сначала я не поняла, что меня разбудило. Средине ночи. Блэйк спит рядом со мной, он чем-то обеспокоен. Его ноги двигаются, и благодаря легкому свету ночника я вижу, что его руки крепко сжимаю одеяло в кулаках.

Я кладу руку ему на грудь, и неожиданно понимаю, что он весь покрыт потом, его сердце бешено пульсирует под моей рукой.

— Блэйк. — Я приближаюсь к нему и целую в плечо. — Дорогой.

Он кричит как будто от невыносимой боли.

Встревоженная, я сажусь, кладя руку ему на лицо.

— Блэйк! Дорогой, проснись!

Он мямлит что-то неразборчивое и скулит.

Я не могу выносить, что ему больно, даже, если это во сне. Наклоняясь, я целую его лицо, губы.

Он просыпается с дикими глазами и осматривает комнату вокруг себя.

— Я здесь, Блэйк. Ты в порядке.

— Я, ум... — Он потирает лицо, резко встает и бежит в ванную.

Пока я жду его возвращения, рассматриваю потолок, гадая, что ему снилось, и захочет ли он рассказать мне об этом.

Он долго находился в ванной, перед тем как вернуться в постель, его кожа остыла, его дыхание пришло в норму.

— Извини, что разбудил тебя.

— Ничего страшного.

Задетая его резким тоном, я возвращаюсь на свою подушку, и фактически прикусываю свой язык, чтобы не давить на него. Я знаю, что это самый быстрый способ оттолкнуть его от себя, так что принимаю решение уважать его границы и частную жизнь, несмотря на то, что, кажется, знаю, что ему снилось.

Мы долго лежим в тишине, так долго, что я подумала, что он снова заснул. Но он нарушает тишину.

— Извини. Я не хотел быть резким с тобой, Росинка Хани.

— Все в порядке.

— Нет, это не так. — Он поворачивается, встречается со мной взглядом и тянется к моей руке, переплетая наши пальцы.

Это все, что требуется, чтобы вернуть нас на верный путь, по крайней мере, меня.

— У меня бывают кошмары про аварию. Они всегда у меня были. Это одна из причин, почему я ни с кем не ночую. — Он сжимает мою руку. — До недавних пор.

— Мне очень жаль, что тебе приходится так об этом рассказывать.

— В этом есть ирония, потому что я не помню саму аварию, но вижу ее вживую, в цветах, в моих снах. Я вижу, как фура едет на нас, и я знаю, что должно случиться, но не могу ничего сделать, чтобы остановить это.

У меня разрывается сердце от того, что он до сих пор так сильно переживает произошедшее почти двенадцать лет назад. Когда остальные из нас нашли способы продолжать жить, потеряв Джордан, Блэйк застрял на точке день первый.

— Я никогда не знаю, когда кошмары вернуться. Я пойму, если ты не захочешь больше спать со мной рядом.

— Ничто не сможет меня заставить спать без тебя. Когда придут кошмары, мы разберемся с ними вместе. Ты больше не один. — Я тяну его за руку, заставляя приблизиться ко мне.

Вздыхая, он кладет голову мне на грудь.

Я окутываю его руками.

— Засыпай. Я держу тебя.

— Хани...

— Я знаю. — Я целую его голову, пробегаю пальцами по губам, по шелку его волос. — Я тоже тебя люблю.

Глава тринадцатая

Блэйк

— Сегодня день нашей встречи с семьей, я волнуюсь. Не потому, что не хочу Хани рядом со мной, я уверен, что она нужна мне. Я хочу ее каждую секунду каждого дня рядом с собой. Нет, я нервничаю, потому что знаю, что для моей семьи это будет огромной переменой, так же, как было для меня. Они не видели меня с другой женщиной со дня смерти Джордан. Они осознают всю важность того, что я возьму ее собой на семейную вечеринку, поэтому мне кажется необходимым предупредить Хани.

Я приношу ей кофе в ванную, где она сушит свои волосы, хотя ей не нужно делать ничего дополнительно, чтобы быть красивой. Ставлю кофе на тумбу у раковины и целую ее голое плечико.

— Я не задержу нас, мы не опоздаем, — говорит она. — Я обещаю.

— Собирайся столько времени, сколько тебе нужно. Они никуда не уйдут. Все продлится до ночи, будет костер, и зефирки, и фейерверки, и еды столько, что можно месяц кормить целую армию.

— Звучит замечательно, — говорит она с небольшой тоской. — Я никогда раньше не была на семейных собраниях.

Это заявление приносит мне боль от того, какой одинокой она была.

— Это будет первым из многих, на которые мы будем ходить вместе. Моя семья станет твоей семьей.

В зеркало я вижу, что от моих слов у нее наворачиваются слезы. Боже, я люблю ее. Я охренеть как люблю ее. Я люблю ее сладость и уязвимость, а также ее непринужденную сексуальность.

— Думаю, я готова.

Я отхожу, чтобы освободить немного места, чтобы она могла покружиться.

— Я нормально выгляжу?

Она одета в простое желтое платье, что подчеркивает ее легкий загар.

— Ты выглядишь великолепно, чем обычно.

Положив руку на живот, она говорит:

— Я, как бы, нервничаю. Я имею в виду, я знаю твоих родителей, братьев и сестер, но иду туда...

— Это что-то значит.

Она кивает.

— Вот именно.

— Признаться честно? Я тоже немного нервничаю, по той же причине.

— Оу, — говорит она, с легкой улыбкой.

— Не из-за того, что я иду с тобой, а из-за того, что они сделают из этого много шума. Я боюсь, как бы они тебя не отпугнули.

Она прижимается ладонями к моей груди и смотрит на меня, даря солнечный свет и все, что мне нужно, чтобы быть счастливым.

— Ничего не может меня отпугнуть.

— Ты говоришь так сейчас. Подожди, пока у тебя будет полный живот Дэмпси.

— Я всегда так буду говорить.

Я глубоко выдыхаю, снимая напряжение. Почему мне не все равно, что о нас подумает моя семья? Пока она здесь со мной, я буду в порядке.

— Давай выдвигаться.

Хани запаковывает картофельный салат и печенье, что она приготовила сегодня утром, а также собирает пучок подсолнухов из сада бабули, которые она срезала для моей мамы, хватая сумку со своим фотоаппаратом, выходя из дома вместе со мной.

Мы выезжаем с ее подъездной дорожки, и она берет меня за руку, это стало нашей привычкой, и мне это нравится. Она держит меня за руку, когда мы выезжаем за черту города, направляясь на ранчо моих тети и дяди, где будет проходить вечеринка.

Когда мы приехали, я снова беру ее за руку. Мы пересекаем широкий коричневый газон, растянувшийся вокруг дома, подходим к заднему дворику, где тент защищает гостей от горячего солнца Западного Техаса.

В бассейне полно орущих детей, включая моих племянников и племянниц. Мой восьмилетний племянник, Лиам, визжит, заметив меня. Потом он резко пересекает дворик и запрыгивает на меня, мокрый и в плавках. Я отпускаю руку Хани, чтобы не уронить эту маленькую обезьянку.

— Дядя Блэйк, ты поплаваешь с нами?

— Еще бы, приятель. Дай мне только поздороваться со всеми, и я присоединюсь к вам.

— Ок. — Он смотрит мимо меня. — А она кто такая?

Улыбаясь его вопросу, я говорю ему

— Это моя девушка, Хани. Ты можешь поздороваться с ней?

— Привет, Хани. Меня так мама называет [*хани — ласкательное обращение на английском, близкое к нашему дорогой/дорогая, любимый/любимая, сладкий/сладкая и т. п. — прим. перев.*].

— Моя бабуля меня так часто называла, поэтому все начали звать меня Хани.

— Круто. — Он начинает вертеться, желая вернуться обратно в бассейн.

Я опускаю его и ищу взглядом моих родителей, которые, заметив нас, идут в нашу сторону, рука в руке, как обычно. Они знают, что я был занят в последнее время, но до сегодня они не знали чем. Судя по их восторженным лицам, мое появление с Хани — это хорошая новость.

— Хани! — восклицает она. — Так приятно тебя видеть!

— И мне, миссис Дэмпси.

Мама обнимает Хани.

— Ох, пожалуйста, зови меня Джоан. Мы уже все взрослые.

Я вижу, что Хани тронута маминым искренним восторгом от нашего появления.

— Спасибо, Джоан.

— А я Майк, — говорит отец, обнимая ее, а затем меня. Он обнимает меня крепче, чем обычно, а когда он меня отпускает, я замечаю легкие признаки слез в его глазах.

В этот момент я понимаю, какими тяжелыми были года моей скорби, поэтому я так сильно нервничал, направляясь сюда. Они взволнованы, видя меня снова счастливым.

Широко улыбаясь, мама целует меня в щеку, и берет рукой меня под локоть. Они провожают нас в тент, где нас окружают дяди и тети, кузены и друзья семьи, включая и родителей Джордан.

Мой желудок уходит в пятки, я отпускаю руку Хани. Я не знаю, почему я это сделал, но

мне кажется неправильным держаться за руки с другой женщиной перед ними.

Они подходят, здороваются со мной, обнимают, как обычно. Они никогда не заставляли меня чувствовать себя виноватым в потере, что потрясла всех нас. Скорее, они продолжали относиться ко мне, как к члену своей семьи. Я никогда не чувствовал себя так униженно, как сейчас.

Мистер Пулман обнимает Хани.

— Как здорово снова встретить тебя, Хани. Мы долго не виделись.

— Да, давненько. — Хани мягко обнимает его в ответ, но я слышу эмоции в ее голосе.

Она понимает, как мне сейчас тяжело, и я люблю ее за это.

— Как хорошо видеть вас обоих, — говорит мистер Пулман.

— И видеть твою улыбку, Блэйк, — добавляет миссис Пулман. — Это приятнее всего.

— Спасибо, — мягко говорю я. Удивленный их непоколебимой поддержкой, даже, когда я ее не заслуживаю.

— Я не могу не согласиться, — говорит мама. — Это стоит отпраздновать. Майк, давай достанем то шампанское, что мы припрятали, произнесем тост за новые счастливые отношения.

Я смотрю на Хани и замечаю ее улыбку, и яркий блеск в глазах.

Моей семье и родителям Джордан нравится, что мы с Хани вместе. Я снова беру Хани за руку, желая прижать свою любимую как можно ближе. Бабуля Хани была права, говоря, что мы не можем изменить прошлое. Мы можем жить только в настоящем, и мои родители очень рады тому, что сейчас она рядом со мной.

Хани

К концу второго месяца вместе, Блэйк уговаривает меня взять неделю выходных, и мы десять часов едем к острову Саус Падрэ, который на юге от Корпуса Кристи. Я никогда здесь не была и мгновенно влюбляюсь в этот пляж, пальмовые деревья и волны наслаждений. Здесь я узнала, как сильно он любит рыбалку, он терпеливо учит меня полюбить ее так же.

Он спланировал побег, спа-курорт, где записал меня на потрясающий массаж. Я не помню, когда в последний раз брала отпуск подобного рода, и вряд ли смогла бы придумать отпуск, лучше этого. Мы проводим дни на солнце, ночи в постели, спим каждое утро, пока не заказываем завтрак в номер.

— Я не хочу уезжать домой, — говорю я ему в последнее утро.

— Мы можем вернуться в любое время, ты только дай знать.

— В любое время?

— Любое, — он целует меня, — время. — Он целует меня снова и бросает что-то мне на грудь до того, как отстраняется.

Это маленькая черная бархатная коробочка. Я смотрю на нее, как на динамит.

— Открой ее, — говорит он, определенно смеясь над моей реакцией.

— Я... Что...

— Открой ее, Хани.

У меня так сильно дрожат руки, что едва могу заставить их выполнять команды, открываю коробочку и вижу потрясающий одинокий бриллиант.

— Блэйк... — Его имя слетает с моих губ на длинном выдохе. Я такого не предвидела. По крайней мере не так быстро.

Он забирает ее у меня и вынимает кольцо из коробочки.

— Я люблю тебя, Хани Кармайкл. Я хочу провести с тобой каждый день до конца моей жизни, так же, как мы провели последние два месяца — вместе. Мы знаем друг друга всю жизнь. — Он берет мою левую ладонь и целует ее с внутренней стороны перед тем, как надеть кольцо на мой палец. — Ты вернула меня к жизни шестью маленькими словами в баре, а сейчас я прошу тебя стать моей женой. Ты выйдешь за меня замуж, Хани?

Я ослеплена слезами и, кажется, потеряла способность говорить. Все, что я могу, это пялиться на невероятное кольцо, которое он выбрал для меня.

— Горшочек Меда? В этом месте, ты, как бы, должна что-то ответить. Я, как бы, умираю прямо сейчас.

— Да, Блэйк, да. Я выйду за тебя замуж. Я люблю...

Мне не удается закончить предложение, потому что он яростно меня целует, и мы скатываемся по кровати. Он смотрит на меня, и я вижу искреннюю любовь в его глазах.

— Ты и вправду сказала да?

— Ты и вправду попросил выйти за тебя замуж?

Мы оба говорим:

— ДА.

— Ты счастлива, Хани?

— Тебе действительно необходимо об этом спрашивать? — Этот вопрос стал нашим любимым стебом, и он улыбается в осознании.

Он берет мое лицо в ладони и поглаживает мои щеки большими пальцами.

— Я не думал, что смогу быть таким счастливым.

Слышать, что он счастлив, замечательно, но узнавать о том, что он счастлив благодаря его улыбкам, шуткам, смеху еще большая награда.

— У меня тоже есть для тебя сюрприз, — говорю я.

— Оу, что это?

— Дай мне подняться, я принесу его.

Он целует меня и дает мне встать.

Я подхожу к шкафу и достаю то, что привезла из дома, надеясь, что нам удастся повторить важный момент наших отношений, в этот раз мы оба будем трезвыми. Свет, исходящий от окна, играет на кольце, а сердце делает счастливый прыжок. Я не могу дождаться, чтобы рассказать Лорэн, Джулии и Скарлетт и всем о том, что мы обручены. Я так хотела бы сказать об этом бабуле, но подозреваю, что она и так знает.

— Куда ты ушла? — кричит он из спальни.

— Иду! — я стараюсь не думать о прошлом разе, когда мы это делали, и как это было больно. Надеюсь, что в этот раз будет лучше, когда мы оба будем понимать, что происходит. Я возвращаюсь в постель.

— Где обещанный мне сюрприз?

Я открываю руку, чтобы показать тюбик с лубрикантом, который я стащила из его тумбочки. И вижу удовлетворение в его потемневших от желания глазах.

— Хани...

— Мне не нравится, что я помню об этом, а ты нет. Я подумала, что мы могли бы это исправить.

— Ты... ты хочешь?

— Если ты хочешь.

Он драматически закатывает глаза.

— Если я хочу, — говорит он небрежно. — Хренов ад, ты знакома со мной?

— Я знакома с тобой, и я люблю тебя, и доверяю тебе, и собираюсь выйти за тебя замуж, и хочу, чтобы у нас обоих было это воспоминание.

Он поглаживает мое лицо этим нежным способом, который говорит мне, как сильно он меня любит.

— Я никогда не прощу себя за ту ночь.

— Я давно тебя простила. Теперь тебе осталось простить себя. — Я целую его и прижимаюсь сиськами к его груди. Ход, который обычно начинает двигать его в верном направлении, срабатывает и сейчас. Он прижимает меня, держа руки на моей спине, именно так, чтобы пожирать меня поцелуями.

— Ты такая замечательная, Хани. Я не могу поверить, что ты была рядом все это время.

— Мы раньше не были к этому готовы.

— Да, думаю, что не были. Теперь, когда ты у меня есть, я не отпущу.

— Лучше не отпускай. — Эта мысль откликается ужасом в моем сердце. — Меня достаточно бросали для одной жизни.

— Это то, о чем тебе больше не нужно беспокоиться.

— Итак..., — я снимаю колпачок с лубриканта. — Повеселимся?

— О да, дорогая, повеселимся.

Это намного лучше получается во второй раз, возможно из-за того, что мой партнер трезв, и помнит о той ночи. Но не скажу, что мне легче, потому что, ПРИВЕТ, его Член никогда не будет легко проходить там, но определенно лучше. Он не спешит и фокусируется на том, чтобы мне было хорошо, но, судя по его продолжительным рыкам, я знаю, что он тоже получает удовольствие.

Я на коленях, лицом на своих сложенных руках, пока он наслаждается моментом. Он немного входит в меня, потом полностью выходит, затем входит снова, продвигаясь немного глубже с каждым разом.

— Поговори со мной, Хани. Расскажи, что ты чувствуешь.

— Ты ожидаешь, что я буду говорить, пока ты делаешь это? — мой голос больше похож на писк, я говорю тоном намного выше, чем обычно.

— Ага, — говорит он напряженно. — Я не могу видеть твое лицо, так что тебе нужно говорить, что ты в порядке.

— Я в порядке. Ты?

— Я на грани взрыва, а так все ОК.

Я улыбаюсь от того, что это так сильно ему нравится. Это знание притупляет боль от его входа, и увеличивает удовольствие, которое мы оба получаем в этом невероятно интимном акте.

Я потеряла счет времени, пространству и чему-либо, что не является им и тем, что мы делаем. Я без понятия как много времени ему понадобилось, чтобы полностью войти в меня, но как только он входит, я начинаю фокусироваться на удовольствии, а не на боли.

Его пальцы находят мой отвердевший клитор, покалывающий, от того, что желает мужчину, который скоро станет моим мужем.

Я до сих пор не верю, что он сделал мне предложение. Я и не догадывалась, что получу его так быстро. Теперь наше будущее спланировано, я могу расслабиться и наслаждаться каждой совместной секундой.

— Мне нужно двигаться, Медовая Булочка, — говорит он, постанывая, — Необходимо двигаться.

Ища упор, я сжимаю простыни в кулаках и стискиваю зубы, готовя себя.

— Окей.

— Останови меня, если этого слишком много.

— Остановлю.

Я слышала, как он надавил больше лубриканта, до того, как вышел из меня, потом он снова вошел в меня и продолжил ласкать мой клитор.

— О, Хани, Господи... Я никогда не видел ничего горячее, чем твоя сексуальная попка, принимающая мой член.

Я издаю какой-то звук в ответ, но он понимает. Он знает, что я остановлю его, если мне не понравится так же, как ему. Я прижимаюсь к нему, заставляя его издать громкий стон, так что я делаю это снова и снова, пока мы оба не начинаем двигаться и стонать от удовольствия, что разбудило бы наших соседей, если бы они спали.

Мой оргазм такой интенсивный, что меня не волнует спокойствие соседей в данный момент. Я не могу заглушить крики, что вырываются откуда-то из глубины меня. Он здесь со мной, погружается глубоко в меня, и я чувствую жар его разливающегося освобождения внутри.

Мы падаем на кровать кучкой потных конечностей. Он все еще глубоко внутри, и я чувствую каждое движение его оргазма.

— Невероятно, — шепчет он. — Только я подумал, что лучше быть не может, как ты снова взрываешь мне мозг.

— Тебе понравилось?

— Тебе нужно об этом спрашивать?

Я смеюсь, потому что я знала его ответ.

— Я влюбился в это, — говорит он, — почти так же сильно, как я люблю тебя.

— Я никогда не устану слышать, как ты говоришь это.

— Я никогда не устану говорить тебе это. — Он долго держит меня рядом, перед тем, как выйти из меня, медленно и осторожно. — Я ненавижу это говорить, но нам пора в дорогу.

— Знаешь, у нас у обоих собственный бизнес, и если мы решим взять еще один выходной, никто нас не уволит.

— Мне нравится ход твоих мыслей, «Земля молока и меда», но у меня завтра важная встреча с новым клиентом, и я еще ничего не сделал, чтобы к ней подготовиться.

Новое прозвище заставляет меня давиться смехом.

— Ах, конечно. Если ты такой ответственный.

Он целует меня в плечо, проводя языком по ушной раковине.

— Я привезу тебя сюда на наш медовый месяц. О, а вот и еще одно имя для любви всей моей жизни. Медовый месяц [*напоминаю, что имя Хани переводится как мед — прим. перев.*]. Мне оно нравится.

Моя улыбка так широка, что я начинаю беспокоиться, не повредит ли она мне лицо. Мы вместе принимаем душ и собираем вещи, покидая номер, я в последний раз смотрю на место, где мы обручились, надеясь, что мы сможем скоро сюда вернуться.

Блэйк держит меня за руку, на которой теперь его кольцо, когда ведет свой грузовик на север к Корпусу Кристи. Мы оставили окна открытыми, чтобы дышать морским воздухом,

пока проезжаем полуостров. Радио настроено на кантри-станцию Корпуса, музыка, свежий воздух и осознание того, что он рядом со мной, где он будет до конца наших жизней, все это полностью меня расслабило.

В какой-то момент я задремала, моя голова на подголовнике, я счастливее, чем когда-либо в жизни.

Это последние мысли, посетившие меня до того, как случилась катастрофа.

Глава четырнадцатая

Блэйк

Это охуительный ночной кошмар, я никак не могу проснуться. В один миг мы направлялись по автостраде в Сан Антонио, в другой миг в нас жестко врезались сзади, так сильно, что я потерял управление грузовиком, оказавшись в канаве на обочине дороги.

Я сразу понял, что я в порядке, но Хани... Она была без сознания.

Мой телефон вылетел из держателя для чашек, и теперь он на полу с пассажирской стороны. Я не могу заставить свои руки работать правильно, пытаюсь расстегнуть ремень безопасности, пытаюсь прогнуться и дотянуться до телефона в дальнем углу кабины. Мои пальцы сжались вокруг него, я фокусируюсь на том, чтобы не выронить его. Стук в окно заставил меня оглянуться через плечо.

Мужчина снаружи тянет водительскую дверь и открывает ее.

— Ты в порядке, чувак? Я все видел! Я позвонил 911.

— Я в порядке, но моя девочка не просыпается. — Это не может происходить снова. Пожалуйста, Господи, не надо. Я не переживу в этот раз. Я так сильно любил Джордан... Нет, просто, нет. Я чувствую, как истерика формируется в моей груди, и внезапно я не могу вдохнуть воздух.

— Давай вытащим тебя отсюда, — говорит мужик снаружи.

— Нет, не без нее.

— Я чувствую запах газа, мужик. Тебе лучше выбирать. Я помогу тебе с ней.

— Надо ее подвинуть.

— Чувак, у тебя нет выбора. Эта штука может взорваться в любую секунду. Давай выбирать вместе.

Подошли и другие люди, и совместными усилиями мы вытащили Хани из грузовика. Мы отнесли ее на безопасное расстояние, где никто не пострадает, если загорится грузовик. Она бледная и безжизненная, но тот чувак уверяет меня, что она жива.

— Почувствуй, вот здесь, — говорит он, хватая меня за руку и прижимая ее к пульсу на ее шее.

Чувство сильного биения ее сердца заставляет меня плакать. Я кладу голову ей на грудь и умоляю ее не бросать меня. Я хочу почувствовать, как ее пальцы блуждают в моих волосах, и слышать ее похотливый смех, и наблюдать, как ее шикарные глаза загораются любовью и удовольствием, и желанием, и миллионом других эмоций. Мы только что нашли друг друга. Я не могу потерять ее. Просто не могу.

Посторонние люди, что пришли на наше спасение, отвлекают меня, как могут, пока мы бесконечно ждем прибытия кареты скорой помощи, в это безумное скопление автомобилей. После того, как парамедики осмотрели ее, они решают вызвать вертолет, чтобы доставить ее в травматологическое отделение Сан-Антонио. Этот факт сжимает мое сердце в ужасе, даже после того, как главный из медиков уверяет меня, что так будет быстрее, чем ехать, а не потому, что она рискует умереть.

Вы не можете меня убедить. Несмотря на то, что на улице больше сорока градусов по Цельсию, я весь продрог. Я не могу перестать трястись, или думать о том, какая она красивая, какой жизнью она вибрировала еще сегодня утром, когда мы обручились.

— Блэйк. — Я поворачиваюсь к Клинту, который первым пришел нам на спасение.

— Они хотят, чтобы ты поехал с ней. — Он показывает в сторону вертолета, который приземлился недалеко от места, где я наблюдаю сюрреалистичную сцену слишком знакомого шоу ужасов. — Я дождусь буксира для твоего грузовика. Не переживай ни о чем.

Я хочу засмеяться от абсурдности его заявления. Не переживай ни о чем? Серьезно? Но он же только пытается помочь, и он заслуживает благодарности, я не моих насмешек.

— Я... Спасибо тебе.

— Ага, без проблем. Иди к ней. Я позабочусь о грузовике, и удостоверюсь, чтобы тебе сказали, где его искать.

— Спасибо. — Следуя за каталкой, на которую они положили Хани, я подхожу к месту, где команда из вертолета ждет медиков, чтобы погрузить ее. Первое, что я хочу сделать, это помочь команде. Но один из членов команды затаскивает меня в вертолет, и мы взлетаем через секунду, до того, как мне удастся схватить немного воздуха, обдумать все только что услышанное, о возможных травмах головы, сотрясении мозга и кровоизлияниях.

Мы приземляемся в Универсал Хоспитал в Сан-Антонио через пару минут после взлета, Хани встречаю доктора, уже ожидавшие нас на крыше. Никто не говорит мне, куда они ее забирают, так что я бегу за ними, надеясь, что они разрешат мне остаться.

Медсестра останавливает меня у двери входа в отделение экстренной помощи. Она тащит меня к небольшому офису, чтобы получить нужную информацию о Хани. Я говорю им имя, Эвелин Кармайкл, но она предпочитает Хани. Я не знаю, какая у нее страховка. Я ведь должен был знать? Я ее чертов жених. Я не могу вспомнить дату ее рождения, что вызывает во мне поток слез. Какое право я имею обладать ей, если я не помню ее чертову дату рождения?

Я вытираю слезы и пытаюсь сфокусироваться на том, что Хани нужно от меня.

— Разрешите мне позвонить ее подруге. Она знает то, чего не знаю я. — Я достаю телефон из кармана и набираю Лорэн по памяти. Ее номер не сменился с тех пор, как мы зависали.

— И почему ты звонишь мне, когда должен быть на отдыхе с моей лучшей девочкой? — бодро спрашивает Лорэн.

— Ло.

— Блэйк? Что? Что случилось?

Каким-то образом мне удается собрать слова в кучу, и объяснить ей, что мне нужно.

— Я выезжаю. Дай трубку медсестре. Я расскажу ей, что смогу.

— Спасибо, Ло.

— Она ведь не... скажи мне что... Блэйк...

— Я не знаю. Я пока ничего не знаю.

— Я еду. Я буду так быстро, как смогу.

Я киваю, потому что это все, что я могу сделать, и передаю трубку медсестре, которая задает Лорэн ряд вопросов. Я вижу, как они пишет 2е марта в больничной карте, и запоминаю эту дату. Я молюсь, чтобы она выжила и увидела следующий день рождения.

Лорэн приезжает спустя пять долгих часов, с Гаррэттом на хвосте. Я никогда раньше не был рад увидеть кого-либо, как их, когда они нашли меня в комнате ожидания отделения интенсивной терапии (ОИТ). Мне разрешали видеть Хани каждые полчаса по несколько минут.

— Какие последние новости? — Лорэн звонила мне с дороги за регулярными

обновлениями, но у меня по-прежнему ничего нового.

— Они говорят, она стабильна, и нам просто нужно ждать.

— Что это значит? — глаза Лорэн красные от слез.

Гаррэтт обнимает ее и пытается успокоить. Она вырывается из объятий.

— Это все, что они мне сказали, кроме того, что у нее сильное сотрясение и травма шейного отдела позвоночника. В нас сильно врезались сзади, каким-то образом она еще сломала лодыжку.

— А тебя проверили? — спросил Гаррэтт.

— Ага, я в порядке. Сказали, это потому, что я не спал. Она спала, поэтому была беззащитна. — Я слышу, как всхлип вырывается из моей груди. — Я не могу поверить, это снова происходит.

Лорэн крепко меня обнимает.

— Это не так, как раньше. Хани жива и борется, она поправится. Нам нужно в это верить.

— Послушай ее, — говорит Гаррэтт. — Она почти всегда права.

— «Почти» в этом предложении было лишним, — настаивает Лорэн. — Я всегда права.

Их убеждения — единственные вещи, что удерживают меня о того, чтобы полностью не сойти с ума.

Уже за полночь, я уговариваю Лорэн и Гаррэтта пойти и найти место для ночлега. Медсестра ОИТ жалилась надо мной и разрешила сидеть у кровати Хани.

Я держу ее за руку, на которой надето мое кольцо, я рассказываю ей о Лорэн и Гаррэтте, что они в Сан Антонио, что они пошли искать, где переночевать, и что, скорее всего, ночевать они будут в одной комнате. Я говорю ей обо всех вещах, которые мы сделаем после свадьбы. Я рассказываю ей о ферме, и о яме для купания, ее фотографиях и моем строительном бизнесе. И что нам нужно что-то придумать и соединить наши бизнесы, чтобы мы могли управлять чем-то вместе, как парочка на HGTV [*американский телеканал о ремонте, дизайне, путешествиях и готовке — прим. перев.*], что скомбинировала его навыки к ремонту с ее дизайнерским чутьем. Мы могли бы быть как они, говорю я ей, и растить наш маленький выводок светловолосых детишек, работая бок обок.

Я не знаю, который час, но мои родители появились снаружи палаты, выглядят они измотанными, и расстроенными. Стеклопанель не дает возможности отгородиться от них, и не замечать, что они наблюдают за нами.

Я целую ладошку Хани с внутренней стороны, кладу ее нежно на кровать. Потом я выхожу, чтобы поговорить с ними.

— Мы приехали, как только узнали, сынок, — говорит отец, обнимая меня. — Ты в порядке?

— Я буду в порядке, когда Хани проснется. Извините, что я сам вам не позвонил. — Я попросил Гаррэтта позвонить им, потому что не был уверен, что смогу сказать что-либо, не разлетевшись на миллионы деталей.

— Мы понимаем, — говорит мама.

Я провожу рукой по волосам, наверное, они уже торчком, ведь я все время их дергаю.

— Я должен вам сказать... Пока мы были в отпуске, я попросил Хани стать моей женой, и она согласилась.

— О, Блэйк, — говорит мама и начинает рыдать. — О, я всегда любила Хани. Это такая прекрасная новость! Правда же, Майк?

— Несомненно. — Отцовский взгляд направлен в палату, где к Хани присоединена куча аппаратуры. — Она будет в порядке?

— Они говорят мне, что должна быть, но они не полностью в этом уверены. У нее сотрясение и сломана лодыжка от того, что ее ногу зажал приборной панелью. Хуже всего то..., — я глубоко вдыхаю и заставляю себя успокоиться. — Она еще не просыпалась.

Отец пожимает мое плечо своей большой рукой.

— Сынок, я не могу представить, что сейчас творится в твоей голове, с учетом событий прошлого. Но в этот раз все не так. Джордан умерла мгновенно. У нее не было ни одного шанса. Хани — не Джордан. — Он хватает меня за плечи и поворачивает к ней. — Посмотри на нее. У нее сильное сердцебиение, ей просто необходимо отдохнуть, перед тем как она проснется, и спросит тебя, из-за чего весь этот шум.

Слезы бегут по моим щекам. Я так отчаянно хочу верить, что он прав, что все не так, как в прошлый раз, но почему тогда она не просыпается? Я смахиваю слезы, нацелившись быть сильным для нее, как она была для меня. Но, будь я проклят, я хочу убежать куда-нибудь и спрятаться, уйти с головой в работу, что угодно, чтобы отогнать эту ужасную боль.

Но есть только одно средство, что избавит меня от боли, и это Хани.

Мам и папа просидели со мной еще час, пока не пошли спать в комнату ожидания ОИТ. Они отказались оставлять меня одного, наверное, боятся, что я что-нибудь сделаю, если Хани не выживет, и боятся они не зря. Я стараюсь не думать о таком исходе событий.

Возвращаюсь на свое место у кровати Хани, держу ее за руку, глажу ее волосы и говорю с ней обо всем и ни о чем, надеясь, что звук моего голоса вернет ее обратно ко мне.

Хани

Я слышу его. Я чувствую его неповторимый запах. Я чувствую его руку в моей. Как он касается моих волос. Мне комфортно слышать его голос, даже когда я не понимаю, о чем он говорит. Я чувствую его любовь в каждом слове, в каждом его движении.

Где я? Что произошло?

Мы обручены. Он попросил меня выйти за него. Я сказала да. Было кольцо, красивое кольцо, с большим бриллиантом.

Я открыла глаза, моргаю, яркий свет вызывает слезы. Я облизываю губы, они очень сухие и кажутся не моими. Голова болит.

Голова Блэйка на кровати, рядом со мной. Я узнаю эти волосы где угодно.

Я хочу прикоснуться к нему, но я не могу заставить работать что-либо, как это должно работать. Моя рука в плену его руки, я ощущаю его тяжесть поверх меня. Он здесь. Это все, что имеет значение. Пока что.

Я закрываю глаза, но только потому, что тяжело держать их открытыми.

В следующий раз, когда я их открываю, Блэйк стоит у окна, смотрит на яркий солнечный свет. Свет огибает его плечи, и я замечаю, как он истощен, я хочу окутать его комфортом. Мой язык кажется слишком большим для моего рта, который такой сухой, что мне больно. Я хочу наблюдать за ним, но глаза закрываются.

Растерянная, я произношу какой-то звук, и когда я еще раз открываю глаза, я вижу дикий взгляд его голубых глаз на мне.

— Хани! — Он хватает мою ладонь и целует ее, я чувствую его бакенбарды на своей коже. — Дорогая, проснись. Пожалуйста, проснись.

Мне понадобились все оставшиеся силы, чтобы держать глаза открытыми, морщась от яркого света.

Блэйк идет к окну и закрывает шторы.

— Лучше?

— Мммммм.

— Хани, любимая...

Я облизываю губы.

— Ты не так меня обычно называешь.

Его голова падает мне на руки. Он что, плачет?

— Блэйк...

— Я здесь, Росинка Хани. Я прямо здесь.

— Что случилось?

Он смотрит на меня, в глазах слезы.

— В нас врезались сзади на автостраде. Мы слетели с дороги. У тебя сотрясение и перелом лодыжки. Мы ждали два дня, пока ты проснешься.

Два дня? Я пытаюсь это осмыслить, потом я выдыхаю, осознавая, как ужасно он себя чувствовал, учитывая, как он потерял Джордан. И начинаю плакать.

— Мне жаль, что я с тобой так поступила.

— Оу, Пчелка Хани, не плачь. — Он вытирает мои слезы. — Пожалуйста, не плачь. Все что сейчас важно, это то, что ты проснулась и говоришь со мной, и ты будешь в порядке.

Я закрываю глаза, они не хотят быть открытыми.

— И я собираюсь выйти за тебя замуж.

— И это тоже, — говорит он, целуя мне ладони, а потом целует меня в губы.

— Мучает жажда?

Блэйк говорит с медсестрами, которые разрешают ему дать мне кусочки льда, и они, это официально, лучшее, что я пробовала жизни.

— Так хорошо. Еще.

— Потихоньку. Ты же не хочешь заболеть?

— Ты был ранен в аварии?

— Нет.

— Ты был разбит?

— Типа того. Я не мог поверить, что это снова происходит.

Я беру его руку в свою, морщась от ощущений капельницы.

— В этот раз совсем другой исход.

— Ты не могла сказать мне об этом в первый день? — Он опускает голову на наши соединенные руки, как будто ему тяжело держать ее прямо. — Мужик по имени Клинт пришел нам на помощь. Он помог мне выбраться из грузовика, потом он приезжал сюда и привез наши вещи.

— Очень мило с его стороны.

— Да. Он ждал, пока грузовик не отбуксировали, и рассказал мне, где его найти. Он разбит, и восстановлению не подлжит.

— Мне очень жаль. Я знаю, как сильно ты любил этот грузовик.

— Да похуй мне на грузовик, Хани. Его можно заменить. Тебя... — Он дышит рывками. — Тебя... Тебя никогда не... — Его голос ломается, и он трясет головой.

Я тронута его эмоциональной реакцией, но я говорю:

— Лучше тебе меня не заменять.

— Тебе нет замены, Хани — ореховые хлопья.

Хани

Я провела в больнице неделю, пока меня не выписали и отпустили домой. Лорэн и Гаррэтт были здесь пару дней, как и родители Блэйка, но в основном мы были вдвоем, в моей палате, смотрели фильмы и ели еду на вынос из всевозможных городских ресторанов. Он сказал, что нам надо получить максимальную пользу проводя здесь, и попробовать еду из всех ресторанов, что успеем.

Медсестры привыкли находить его прижавшимся ко мне в кровати, и перестали дразнить нас празднованием нашей помолвки в их больнице. Они очень добры к нам, мне почти жаль прощаться с ними, когда Блэйк вывозит меня на кресле-каталке, чтобы ехать домой.

Его отец проделал долгий путь до Сан-Антонио, чтобы отвезти нас домой. Когда я спросила Блэйка, почему он не арендовал машину, он сказал, что было легче попросить отца приехать. Я оставила все доводы при нем, и больше не задавала вопросов, но это все же показалось мне странным. Я подозреваю, что он боится садиться за руль, но надеюсь, что я ошибаюсь.

Я проспала почти все пять часов поездки домой, в основном из-за обезболивающего для моей лодыжки. Чем ближе мы к дому, тем больше растет мое беспокойство от того, что мне придется не работать две недели. Я создала подушку *[аналог в русском что — то типа «соломки подстелить»]*, *запасись на черный день и т. п. — прим. перев.*, но обратная сторона собственного бизнеса в том, что когда не работаешь, то и денег не получаешь.

Мне нужно вернуться как можно скорее, но с выпирающим гипсом на моей лодыжке и костылями на следующие шесть недель, я не знаю, как это сделать. Когда я начинаю думать о моем положении, уровень беспокойства зашкаливает в красную зону. Вместе с домом, которым я полностью владею без обязательств, бабуля оставила мне небольшие сбережения, к которым я никогда не прикасалась. Я вообразила, что у меня нет тех денег, но мне придется воспользоваться ими, если я быстро не вернусь к фотосъемкам.

— Что случилось? — спрашивает Блэйк со своего переднего места.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда ты о чем-либо переживаешь, ты делаешь эту штуку своими губами. Ты делаешь так уже полчаса.

— Я делаю? Правда? — кто-то когда-либо был ко мне более внимателен, чем он? Никто, кроме бабули, конечно. Я осознала, как я скучала по такой наблюдательности в мой адрес.

Он кивает.

— О чем ты думаешь?

Я смотрю на его отца, который смотрит на дорогу, а не на нас. Затем я смотрю на Блэйка.

— Давай поговорим, когда вернемся домой.

Его резкий кивок говорит мне о том, что он не доволен, но понимает мое желание уединения.

Мы приезжаем к моему дому за полдень. Несмотря на то, что я спала почти всю дорогу,

я устала и все болит, и у меня головная боль, которая меня давно не покидала. Блэйк, кажется, знает, что мне нужно. Он подхватывает меня и заносит в дом.

— Спасибо, что приехал за нами, Майк.

— В любое время, Хани. Рад видеть тебя дома в безопасности.

Я удивлена, увидев блестящий новый грузовик с лого компании Блэйка на моей подъездной дорожке.

— Откуда он взялся?

— Гаррэтт позаботился и купил мне новый.

— Ты так и не сказал, поймали ли они чувака, что врезался в нас.

— Поймали. Он был пьян.

Я содрогнулась от мысли, насколько все хуже могло для нас обоих обернуться.

— Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через это.

— Не извиняйся передо мной. Это не твоя вина.

Я стараюсь не обращать внимания на его резкий тон и грубое поведение. и списываю это на посттравматический стресс и его переживания по поводу меня и обустройства. Все вернется на круги своя, теперь я дома. Я уверена в этом.

Он нежно усаживает меня на постель, кладет мою лодыжку на подушку и накрывает одеялом.

— Удобно?

Я протягиваю руку к нему.

— Будет удобнее, если ты присоединишься.

Он берет меня за руку, сжимает ее и отпускает.

— Мне нужно сбежать домой, взять кое-какие вещи, и запастись продуктами и всем необходимым. Лорэн придет посидеть с тобой, пока меня не будет.

— Мне не нужна нянька. Я и сама справлюсь.

— Ты восстанавливаешься после травмы головы и тебе нужно управляться с костылями. Тебе **НУЖНА** нянька, так что не спорь со мной.

Вот опять этот грубый тон. Я списываю его на стресс, но мне начинает казаться, что это нечто большее.

— Отлично. Как скажешь.

— О чем ты переживала в машине?

— О своем бизнесе и недостатке дохода, когда я не работаю.

— Не переживай об этом. Я позабочусь обо всем, что тебе понадобится.

— Я этого не хочу, и я не поэтому тебе рассказала.

— Пожалуйста, Хани. Не беспокойся об этом. Мне нужно идти, но я вернусь.

У меня нет сил спорить.

— Окей.

Он разворачивается и выходит из комнаты. А я стараюсь не замечать, что он не целует меня, и не говорит мне, что любит, как делал всего лишь неделю назад до аварии.

Я, наверное, задремала, потому что следующее, что я замечаю, это Лорэн в моей комнате, суевающейся над одеялом, выставившей вазу с моими любимыми цветами.

— Спасибо. — Мой голос звучит грубо ото сна и от моего постоянно пересушенного рта, сколько бы воды я не пила. Медсестры сказали, что это из-за моих лекарств.

Лорэн принесла чашку холодной воды с соломинкой.

— Спасибо.

— Хорошо, когда ты дома.

— Хорошо быть дома. — Я немного приподнимаюсь, в поисках более комфортной позы, головная боль на секунду лишает меня воздуха.

— Тебе до сих пор очень больно. Мне ненавистно на это смотреть.

— Намного лучше, чем было.

— Принести тебе чего-нибудь?

— Новая голова была бы кстати.

Несмотря на ее улыбку, я вижу тревогу и переживания на ее красивом лице. Она сворачивает свою руку в моей.

— Я в порядке Ло. Я клянусь.

— Напугала меня, — шепчет она. — Получить тот звонок было как ситуация с Джордан на повторе.

— Я знаю, наверное, было ужасно для всех вас.

— Было. Спасибо богу за Гаррэтта. Он появился сразу после звонка и предложил подвезти меня в Сан Антонио. Он был удивителен на протяжении всего времени.

— Неужели? — спрашиваю я с любопытной улыбкой.

— Да, он был чудесен.

— Блэйк говорил, что у вас был один отель.

— Был. Мы даже спали в одной постели. Платонически.

— Блин, это печально, я думала, ты используешь мой несчастный случай, как предлог заинтересовать его.

— Очень смешно. Я была слишком расстроена ситуацией с тобой, чтобы прыгать на его костях.

— Это та же девушка, что натренировала меня зайти в бар и попросить Блэйка трахнуть меня? Ты меня разочаровываешь.

— Ха-ха, очень смешно. Я была травмирована, увидев свою лучшую подругу в коме. Ты можешь дать девушке перерыв?

Я закатила на это глаза, несмотря на то, что мне больно это делать.

— Я никогда не была в коме.

— Ну, ты была днями без сознания. Очень длинными днями. Я думала, Блэйк сойдет с ума в ожидании твоего пробуждения.

— Он кажется... отстраненным... Ты не заметила этого?

— Мы с Гаррэттом оба заметили, что у него очень большой стресс. Ему станет лучше теперь, когда ты дома.

— Надеюсь. — Я обдумываю, говорить ли мне еще что-то, или промолчать, потому, что сказав это в голос, это станет правдой. — Просто до инцидента он был так счастлив. Мы обручились и строили планы, и все было замечательно. А теперь...

— Что? — спросила она, изогнув вопросительно брови.

— Он говорит и делает правильные вещи, но он напоминает мне паренька, которого я подцепила в баре, который хотел соблюдать дистанцию любой ценой. Он совсем не тот парень, которым был недавно.

— Он без ума от тебя, Хани. Весь город говорит о том, что вы собираетесь пожениться. Тебе необходимо дать ему немного времени забыть инцидент и травмы, которые причиняют тебе видимую боль. Подумай о том, что ему пришлось пережить в прошлом, и как это на него повлияло.

— Это все, о чем я могу думать. Смерть Джордан превратила его в пустую оболочку мужчины. Я не могу снова видеть его таким, Ло. — Мои глаза наполнились слезами. — Я не могу потерять его из-за прошлого, не после всего того, что у нас было.

— Дай немного времени. Дай ему восстановиться с тобой. Через пару недель все вернется к норме. Вот увидишь.

Я цепляюсь за убеждения Лорэн, но глубоко внутри я боюсь, что потеряла его в этой аварии.

К концу второй недели дома я почти слетела с катушек. Я хочу вернуться к работе в любом состоянии, но у меня еще два дня до встречи с моим врачом, который, я надеюсь, разрешит мне работать с ограниченным графиком. Моя лодыжка перестала болеть и начала чесаться, и я уже могу перенести на нее немного веса, хромя без костылей.

С планом работать половину обычного дня, я звоню клиентам, которым пришлось ожидать моего восстановления и переносить встречи. Я не могу дождаться, когда вернусь к капризным детям и командующим мамочкам. Это моя нормальность, и я ее жажду.

Блэйк был очень занят невыполненной работой, приходил домой за полночь и сворачивался в кровати возле меня. Я не могу избавиться от чувства, что он избегает меня, наши отношения, нашу помолвку, наше будущее. Наши физические контакты сузились до поцелуя в щеку перед его уходом на работу каждое утро. Вот и все. Он по-другому ко мне почти не прикасается, что совсем не похоже на страстного мужчину, в которого я влюбилась.

Я пытаюсь следовать совету Лорэн и давать ему время, но я начинаю опасаться, что нам уже не восстановить мост, который авария разрушила между нами.

Гаррэтт заехал как-то днем, постучал в дверь и принес еще один букет цветов. Я знала, что он использует букет для меня, как уловку, чтобы заглянуть в магазин Лорэн, но он никогда это не подтверждал, а я не спрашивала. Я бы хотела дать им пинка, но это надо делать осторожно. Мне кажется, они будут прекрасной парой, и я подтолкну его в правильном направлении при первой же возможности.

У Гаррэтта темные волосы и глаза, и роскошная улыбка. У нас было пару свиданий в старшей школе, но ничего, кроме дружбы, из этого не вышло, но я всегда думала, что он супер симпатичный и милый. Он садится на один из бабулиных салонных стульев, что слишком мал для его телосложения.

— Мне кажется, эта штука сейчас треснет подо мной.

— Ты просто очень могуч. Блэйк называет эту мебель кукольной.

— Я вижу почему. Как ты себя чувствуешь, Хани?

— Схожу с ума, готовлюсь вернуться к работе и моей жизни. А так неплохо.

— Кстати о работе, вот почему я приехал.

— Если это что-то ужасное, не говори мне.

Он улыбается, что делает его еще симпатичнее.

— Это не что-то ужасное. Я взял на себя смелость ликвидировать один из твоих депозитных сертификатов, срок выплаты по которому подошел в этом месяце, что дает тебе достаточно оборотного капитала для оплаты аренды и счетов в этом и следующем месяце.

— О, Гаррэтт, спасибо большое, что позаботился об этом. Я чуть не двинулась из-за денег, среди всего прочего.

— У тебя все в порядке. Не волнуйся. Я присматриваю за финансами.

— Спасибо Господу за тебя. Ты никогда не должен переезжать отсюда.

— Я и не собираюсь.

Знаю Гаррэтта так же давно, как и Блэйка, Лорэн, Мэтта и Джулию, так что я надеюсь, он осознает все мною сказанное правильно.

— Я хотела поблагодарить тебя за то, что привез Лорэн в Сан Антонио, когда я нуждалась в ней.

— Я был рад помочь любым способом. Она была катастрофой. Я не мог позволить ей управлять автомобилем в таком состоянии.

— Хорошо, что ты за ней присмотрел.

— Так друзья и поступают.

— Так вы ребята друзья? Просто друзья?

— К чему ты ведешь, Хани? — спрашивает он с улыбкой.

— Ни к чему. Особенному...

— Мы хорошие друзья. Всегда были и будем.

— И это все? — спрашиваю я, мое сердце трепещет.

— Я никогда так не говорил.

— Не будь таким скромным со мной, Гаррэтт МакКинли. Она моя лучшая подруга, и она запала на тебя, — выпалила я, не подумав. Ударила себя рукой по губам, но было поздно. — О, мой Бог, — говорю я сквозь свою руку. — Не могу поверить, что я сказала это вслух. Это должно быть из-за сотрясения мозга.

Он выглядит полностью сбитым с толку.

— Она запала. На меня?

С рукой все еще на моих губах, я киваю.

— Это недавнее увлечение?

Я отрицательно качаю головой.

— Ну, тогда будь я проклят.

Я наконец-то распечатываю свой рот.

— Это хорошая новость или плохая?

— Это НЕ плохая новость. Она мне очень нравится. И всегда нравилась.

— Но?

— Без но. Она мне нравится.

— Она думает, что ты считаешь ее неудачницей. — Закинула я...

— Что? Я так не считаю!

— Я говорила ей, что это глупости. Посмотри на бизнес, которым она управляет и на вещи, которыми она занимается для нуждающихся, и пожилых людей.

— Я совсем так о ней не думаю. Я думаю, что она удивительная.

— Может ты, как-нибудь, скажешь ей об этом?

— Ага, — говорит он как-то дребезжащее. — Скажу. — Он наклоняется, упираясь локтями в колени. — Знаешь, какова основная причина того, что я никогда не приглашал ее на свидание?

— Понятия не имею.

— Она раньше встречалась с Блэйком, а он один из моих лучших друзей. Я думал, это может вызвать неловкость между нами, если я проявлю к ней интерес, несмотря на то, что они давно расстались.

— Именно по этой причине я никогда сама не думала с ним встречаться, но она сказала мне не глупить. Это было столетия назад, после того, как она окончательно рассталась с

Уэйном. Она была достойна быть с приличным парнем, как Блэйк, после того, через что она прошла с Уэйном.

Он морщится при упоминании бывшего мужа Лорэн.

— Я надеюсь, тот парень никогда здесь больше не появится.

— Он — идиот, если сделает хоть шаг в направлении Марфы. Он должен понимать, что половина города желает его смерти за то, что поднимал на нее руку.

— Я буду первым в списке, — говорит он так яростно, и я понимаю, что у него нет иммунитета против нее, а совсем наоборот. — Она и вправду запала на меня? — спрашивает он с надеждой.

— Она и в правду запала, но ты не слышал этого от меня.

— Слышал что? — спрашивает он, подмигивая.

— Раз уж мы делимся секретами, что происходит с твоим приятелем Блэйком?

Он выглядит искренне сбитым с толку.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не заметил перемен в нем после инцидента?

— Кроме того, что он очень занят на работе и переживает из-за тебя, нет, ничего не заметил.

— Ну, а я заметила.

— Как так?

— Он другой, отдаленный, как он бывал раньше, не ласковый, и он придумывает оправдания быть где угодно, бывая здесь только, когда спит. Я прошу его вывести меня покататься, или поужинать, или сделать что-либо вне дома, но у него всегда есть причина, почему он не может.

— Хм, это странно.

Его согласие, не очень меня успокаивает. Я тру рукой грудную клетку, там, где боль становится интенсивнее с каждым днем.

— Что-то не так, Гаррэтт. Лорэн сказала мне дать ему время и пространство, чтобы вернуться к норме после инцидента, но прошли недели, а он отдаляется все больше с каждым днем. Ты можешь поговорить с ним и попробовать понять, что с ним происходит?

— Конечно.

Я выдыхаю с облегчением.

— И ты не скажешь ему, что это я тебя послала?

— Он не услышит этого от меня.

— Спасибо, Гаррэтт.

Он улыбается мне.

— Это наименьшее, что я могу сделать после того, как ты открыла мне глаза на некоторые вещи, которые мне необходимо было узнать.

Глава шестнадцатая

Блэйк

Я ставлю газонокосилку у основания гранитного камня и включаю ее, срезая высокую траву вокруг надгробия Джордан, которая сильно выросла, пока я был очень занят, стараясь вести себя нормально, как я обычно делал.

Нормально.

Что это теперь значит? Долгое время моей «нормальностью» была работа, работа и еще раз работа. С бессмысленным перепахиванием там и здесь, просто, чтобы не сходить с ума. Потом Хани вошла в бар и сделала мне предложение, перевернув мой упорядоченный мир с ног на голову. Было весело какое-то время, пока реальность не напомнила, что так будет не всегда, и легче не вступать в отношения, чем рисковать потерять все.

Гул газонокосилки успокаивает на меня, пока я привожу в порядок могилу Джордан, а так же могилы ее бабушки и дедушки, которые находятся рядом. Мне стыдно, что я их забросил, пока был занят своими делами. Я надеюсь, что ее бабушке и дедушке понравились бы изменения в их доме. Я начинаю снова думать о его продаже, когда все закончу. Мысли о жизни с Хани и семьей, были не чем иным, как несбыточной мечтой. Теперь это понятно.

Как только она поправится, я скажу ей самым возможным из нежных способов, что я передумал на счет нас. Лучше я буду один до конца жизни, чем еще раз переживу что-то подобное случившемуся на обочине шоссе до Сан-Антонио. Не говоря о долгих днях в больнице, когда я не знал, проснется ли она когда-нибудь, и посмотрит ли на меня своими роскошными карими глазами, улыбнется ли той улыбкой, которой улыбается только мне.

Я пытаюсь избавиться от этих мыслей. Нет смысла переживать о вещах, которые не могут произойти. Лучше мне сконцентрироваться на работе, она единственное постоянное, что было у меня все эти годы.

Она расстроится, но она это переживет. Такая замечательная женщина, как Хани, одна долго не будет. Какой-нибудь хороший парень отхватит ее и даст ей те вещи, которые я не смог. Я был глупцом думая, что оставил прошлое с Джордан далеко, и готов на шанс с Хани.

Но почему мысль о ней с другим парнем вызывает во мне желание совершить убийство? Думаю, это пройдет со временем. Ее счастье важнее, а я не могу сделать счастливым даже себя, не говоря о ком-либо еще.

Несколько замечательных месяцев я вводил себя в заблуждение, верил, что оправился от травмы. Опьяненный лучшим сексом в моей жизни, я думал, что мне стало лучше, что я готов попробовать снова, но это оказалось полным дерьмом. Стоя на шоссе и думая, что потерял ее навечно, я понял, что совершенно не готов к серьезным отношениям.

Я не могу позволить себе нуждаться в ком-то так сильно, а Хани заслуживает лучшего, чем оболочка мужчины, который ничего не может ей предложить.

Из тяжелых мыслей меня вытащил Гаррэтт, пересекающий траву, ведущую к могиле Джордан. Какого черта он тут забыл? Как он меня нашел? Расстроенный тем, что меня прервали, я выключил аппарат, и поднял защитные очки, что прикрывали мои глаза.

— Что ты тут делаешь?

— Ищу тебя.

— Ну, ты меня нашел.

— Я удивился, найдя тебя здесь. Я думал, ты уже дома с Хани.

— У меня были дела. Это место само за собой не присмотрит.

— Конечно, не присмотрит, но ведь никто не говорил, что ты единственный, кто должен за ним присматривать.

— Я всегда это делал, и всегда буду, до тех пор, пока я по эту сторону травы.

— Окей.

— Это все, что ты хотел сказать, придя сюда?

— Вообще-то, нет. Я беспокоюсь, почему ты снова хоронишь себя под работой, когда твоя невеста ждет тебя дома.

— Если ты вдруг не заметил, я отсутствовал две недели. У меня накопились дела, которые нужно переделать после возвращения домой.

— Ты был занят с момента, как вернулся, так что придумай другое оправдание.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Я хочу, чтобы ты сказал мне, что не так?

— Все не так! Я чертовски облажался с Хани. Мне не надо было делать ей предложение, и теперь мне придется разорвать помолвку, и это, нахуй, меня убивает.

— Так не делай этого.

— Я должен.

— Почему? Почему ты должен?

— Потому что. — Я слышу глубокие страдания в своем голосе, и не сомневаюсь, что мой близкий друг тоже их слышит.

— У меня есть теория на счет тебя. Я буду говорить, а ты скажи, горячо, холодно или даже не тепло.

Я не хочу слышать его теорию, но я сомневаюсь, что могу его остановить.

— Двенадцать лет назад что-то ужасное случилось со всеми нами, но в основном с тобой и семьей Джордан, людьми, которые любили ее больше всего.

Я не верю, что могу изобразить безразличный взгляд, поэтому смотрю на траву.

— Это было ужасное время, и ты годами пытался справиться с болью потери и виной, которая за ней следовала, поэтому ты бросался в работу. Единственное удовольствие, которое ты себе позволял, было пиво в конце рабочего дня, случайные «прыжки в сено», и ограниченное время с семьей и друзьями. Тепло?

Я пожимаю плечами. Горячо, как в аду, но я не собираюсь говорить ему об этом.

— Потом ты сошелся с Хани, и какое-то время все было хорошо. Ты снова начал смеяться, как не смеялся дюжину лет, улыбаться, шутить, использовать шансы, строить планы.

— И посмотри, к чему они меня привели, обратно в ебанутую больницу.

— Ага, и тут мы подходим к сердцу проблемы, к ужасной, страшной вещи, что почти случилась снова. Ключевое слово «почти». Хани не умерла, Блэйк. Она жива и здорова, и любит тебя, и не знает, почему ты проводишь свое время не с ней.

— Это она тебе сказала?

— Ей не нужно мне это говорить. Я пошел к ней домой, чтобы увидеть вас обоих. Тебя там не было, и она не знала, когда ты вернешься. Тебя не было в баре, ни дома, поэтому я приехал сюда. Теперь скажи, почему кто-то лучше проведет время на кладбище, чем дома с любимой женщиной, с женщиной, которая любит его.

— Ты не понимаешь! — я хочу придушить его. Как он смеет разоблачать меня таким

способом? Я думал, что он мой друг.

— Не говори мне, что я не понимаю. Я всегда был рядом с тобой в этом путешествии. Я видел, как ты превратился из счастливого, беззаботного, оптимистичного молодого человека в пустую оболочку мужчины. Так нельзя жить, Блэйк. Джордан, которую я знал и любил, не хотела бы такого для тебя.

— Не смей притворяться, что знаешь, чего она хотела.

— Почему нет? Ты не один любил ее. Мы все любили. Я знал ее всю свою жизнь. Эта милая, любящая девушка не хотела бы, чтобы ты использовал ее смерть, как оправдание, убегая от жизни.

— Я этого не делаю.

— Неужели? Ты не знаешь, как поступать иначе, когда еще один несчастный случай переворачивает твой мир и заставляет тебя — глупо — думать, что единственный способ выжить, это свести все шансы к нулю?

Я не хочу потерять дружбу длиною в жизнь, так что сохраняю каменное молчание.

Гаррэтт подходит на шаг ближе, его голос смягчается, когда он говорит:

— Слушай, я переживаю за тебя, мужик. Все переживают. Как такое может случиться с одним парнем дважды за одну жизнь, но ты знаешь, что еще случилось с тобой дважды за одну жизнь?

Заставляю себя взглянуть вверх, чтобы встретиться с ним взглядом, изогнув вопросительно бровь.

— Настоящая любовь. Со мной еще ни разу не случалась, так что я тебе завидую, потому что с тобой случилась дважды. Если бы я был тобой, и удивительная женщина, как Хани, влюбилась в меня без памяти, я бы держался за нее всем, что у меня бы было.

Я хочу. Бог знает, как я хочу, но не могу. — Ну, ты — не я.

— Нет, я — не ты, и не могу понять глубину твоих переживаний. Но она выжила. А теперь ответь, она прошла через все это и выжила только для того, чтобы потерять тебя? Разве это честно по отношению к ней?

Это НЕ честно, и мне не нужен Гаррэтт, чтобы указывать на это.

— Я, знаешь ли, переживаю за нее, — говорит Гаррэтт. — Я имею в виду, что ее уже бросали. Самый важный человек в ее жизни, в день, когда она родилась. Мне бы не хотелось видеть, как это снова с ней случится.

— Я не бросаю ее. — Но как только я произнес эти слова, то почувствовал, как нож провернулся в моей груди, вспоминая ее страх именно перед тем, что ее бросят. Я ведь именно это и планирую сделать? — Она будет в порядке.

— Может, будет. А может, и нет. Трудно сказать наверняка. Я скажу еще одну вещь, и потом ты сможешь вернуться к работе. — Он подождал, пока я посмотрел на него, потом сказал, — Мне очень нравился мой старый друг Блэйк в последние несколько месяцев. Я не знал, как сильно я по нему скучал.

Накрутив меня, Гаррэтт ушел, с руками в карманах и опущенной головой, обратно к своему грузовику. Я хочу побежать за ним, сказать, что он ничего не понимает, что он ничего не угадал, но я пустил корни на том месте, где он меня нашел, рядом с могилой моей мертвой девушки, пока невеста, с которой я планирую расстаться, ждет меня дома.

Когда моя жизнь стала такой ебануто запутанной?

Хани

В конце первой недели после возвращения на работу, ко мне заглянула Лорэн. Мы расположились на диване, поедая принесенный Лорэн ужин, пока смотрим Стальные магнолии [*Steel Magnolias* — комедийно-драматический фильм 1989 года — прим. пер.] по телику. И рыдаем как дурочки, над сценой, где героиня Салли Филд сходит с ума на кладбище, после похорон своей дочери. Но потом я понимаю, что плачу не из-за смерти дочери Салли. Я плачу, потому что, пару недель назад я потеряла Блэйка, и понятия не имею, как я выживу без него.

Мое сердце разбито на миллион осколков. И он единственный, кто мог бы его собрать. Но он меня больше не хочет. Он даже перестал приходить в мою постель каждую ночь. Я не видела его три дня.

Лорэн понимает истинную причину моих рыданий, и обнимает меня, утешая, пока я не успокоюсь.

— Я не понимаю, что произошло, — говорю я между всхлипами. Кольцо до сих пор на моем пальце, как болезненное напоминание о лучших днях моей жизни. — Мы были так счастливы, когда были в Саус Падрэ. Это было идеально, пока не произошла авария и не испортила все.

— Мне очень жаль, Хани. У меня нет слов, чтобы утешить тебя.

— Я не могу поверить, что все закончилось. Я все еще надеюсь, что он появится, и чудесным образом превратится в мужчину, которым он был пару месяцев, но этого не произойдет, не так ли?

— Если бы я знала. Гаррэтт говорил с ним, и он думает, что несчастный случай спустил курок его воспоминаний. Блэйк ведет себя так же, как раньше, избегая боли от того, что он почти потерял тебя.

— Он не потерял меня! Я же здесь, желающая, чтобы мы были вместе. Я не хотела тебя обидеть, ты же знаешь.

— Я не обиделась, — говорит она с нежной улыбкой, убирая волосы с моего лица. — Я не уверена. Правильно ли будет так поступить. Но это сработало однажды, может, сработает снова?

В отчаянии услышать любые ее идеи, я вытираю слезы и делаю большой глоток вина из бокала.

— Что если ты найдешь его, и используешь слова, с которых все это началось?

Я трясую головой. — Он ничего со мной не хочет. Почему ты думаешь, что он захочет этого?

— Он всего с тобой хочет, Хани. Он чувствует себя ответственным за причиненные тебе боли, и за то, что умерла Джордан. Тебе надо быть сильнее него, напомнив, что он потеряет, отпустив тебя. — Она трясет мою голову, и смотрит мне прямо в глаза. — Ты должна быть достаточно сильной за вас обоих.

— Я не знаю. Я не ощущаю в себе никакой силы.

— Ты, Хани Кармайл, самый сильный человек, которого я когда-либо встречала. Оглянись на то, что ты уже пережила в жизни, вещи, которые давно бы сломали слабого человека. Если ты хочешь этого мужчину, тогда тебе нужно за него бороться, напомнив ему, что поставлено на карту.

Вера Лорэн в меня приводит к новым слезам.

— Что, если он мне откажет?

— Тогда у тебя будет ответ, который тебе нужен, и ты сможешь двигаться дальше, зная, что сделала все, что могла. Подумай об этом.

Интересно, как я смогу думать о чем-либо другом.

Два дня спустя у меня закончились отговорки, почему я не могу поступить так, как предложила Лорэн. Я так скучаю по Блэйку, что готова потенциально опозориться, только увидеть бы его чудесное лицо, и эти удивительные голубые глаза.

После работы я снимаю сапожек для ходьбы, который должна носить минимум двенадцать часов в день весь следующий месяц. Я стою перед своим шкафом добрых полчаса, пока выбираю белое мини-платье, по-моему, самая сексуальная вещь в моем гардеробе, потому что не оставляет места для фантазии. И завершаю свой образ моими любимыми красными ковбойскими сапогами, понимая, что моя заживающая лодыжка не готова к сапогам. Мне приходится заменить их на сандалии, что выглядит уже не так интересно, как сапоги, но по крайней мере, мне не больно в них ходить. Последний штрих — разбрызгиваю духи по всем стратегическим точкам.

Пару часов бессмысленно смотрю телевизор, пока не становится достаточно поздно, чтобы он уже был дома.

Поездка к его дому кажется бесконечной, несмотря на то, что занимает только пятнадцать минут. Я остановилась на его подъездной дорожке, и на меня накатили воспоминания о той ночи, когда я привезла его домой. Я хочу его вернуть, и я нацелена сделать все, что в моих силах.

В его доме не видно света, а так, как машину он оставляет в гараже, я понятия не имею, дома ли он вообще, но я зашла слишком далеко, чтобы сворачивать с пути.

Мои руки вспотели, пока я шла к входной двери. Нажав на звонок, слушаю его перезвон через весь дом. Я прождала, как мне показалось, вечность, и снова нажала на звонок, подождала, и так и не услышала шагов.

Его либо нет дома, либо он не отвечает на звонок. Где еще он может быть в это время? Мне понадобилась секунда для ответа, и я точно знала, где его найду.

Я еду очень осторожно, придерживаясь ограничения скорости и внимательно смотря на дорогу, потому что еще один инцидент — последнее, что мне сейчас нужно. Сворачиваю на последнем повороте перед фермой, и уже на расстоянии вижу свет на первом этаже.

Мое сердце совершает счастливый прыжок. Я увижу его через несколько минут, и я не могу больше ждать. Я немного разговариваю с собой, пока приближаюсь к дому.

— Чтобы не произошло, ты будешь в порядке. С ним, или без него, ты будешь в порядке. — Но я, оу, так надеюсь, что я все же буду с ним.

Я останавливаюсь рядом с его грузовиком, глушу машину и выключаю фары. Не сомневаюсь, что он видел, как я подъехала, так что нет смысла отступать. Собирая всю свою смелость, я провожу руками по волосам, наношу свежий слой помады, и направляюсь к крыльцу.

Он встречает меня у двери, с широко раскрытыми глазами, удивленный моему появлению:

— Хани. Что ты тут делаешь?

— Ищу тебя. Разрешишь мне войти? — Бабуля гордилась бы мной. Она постоянно убирала «можно войти» из моего словаря, когда я была маленькой девочкой.

— Ум, ага, конечно. Наверное.

Я притворилась, что не заметила отсутствие энтузиазма в его голосе, когда

проскальзывала мимо него в дом, который теперь намного лучше, чем когда я видела его в последний раз. В кухне уже появились шкафчики, роскошные медные столешницы уже заняли свое место, и даже появился диван в гостиной. Интересно, он спал на нем, когда не ночевал со мной.

— Выглядит фантастически, Блэйк. Мне нравятся столешницы.

— Правда? Я не был в них уверен, но леди в выставочной комнате уговорила меня на них.

— Они идеальны. И задняя стенка такая кругая. Тебе пришлось наклеивать руками каждый из этих маленьких квадратиков плитки?

— Они продаются в листах.

— О, это хорошо. Ты бы получил косоглазие, если бы тебе пришлось наклеивать все их за один раз. Покажи мне, что еще ты успел сделать.

Он неохотно, или мне так показалось, повел меня по лестнице в основную спальню, где стены были оббиты каменными панелями, а оригинальные деревянные полы были отреставрированы до блестящего сияния.

— Эта оригинальная дверь, — говорит он, проскальзывая налево, чтобы открыть вид на всю комнату.

— О боже, ты только взгляни на эту ванну! Она удивительная

— Я знаю, как ты любишь свою ванну, так что я купил самую большую, которая у них была. Я подумал, кто бы здесь не жил, будет благодарен.

Кто бы здесь не жил... Я стараюсь, чтобы это заявление не сбilo меня с поставленной цели.

Я провожу рукой по белому мрамору столешницы двойной раковины. Потом я поворачиваюсь к нему, заставляя его встретиться со мной взглядом. Он выглядит таким уставшим, что хочется его обнять и предложить ему отдохнуть, но я не уверена, что у меня все еще есть на это право.

— Я думала, мы собирались жить здесь. Разве не такой был план?

Он смотрит вниз на пол, агония его выражения режет на мелкие кусочки все, что осталось от моего сердца.

— Хани...

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул.

Он резко поднимает голову вверх, с расширенными глазами, и губами, застывшими в удивлении.

Мне понадобилось все, что у меня было, каждая капля веры в любовь к этому мужчине. И любовь, которую он чувствует ко мне. Я подхожу, чтобы сократить расстояние между нами, кладу руки ему на грудь, и смотрю вверх на него, а он смотрит вниз на меня, с вульгарным желанием.

— Ты нужен мне, Блэйк. Я так по тебе соскучилась, мне больно от этого. Я скучаю по твоим рукам на мне, твоим губам на мне, твоему члену, твоим четким кубикам пресса, по тому, как ты смотришь на меня, когда мы занимаемся любовью. Я скучаю по всему между нами.

У меня в запасе еще были слова, но тяжело говорить, когда у тебя во рту чей-то язык. Ага, вы правильно меня услышали, он съедает мое лицо поцелуями. Он так разошелся, как будто кто-то подлил горючего в огонь, и я чувствую, что я вернулась домой. Я обнимаю его за шею, и теряюсь в острых ощущениях от того, что снова оказалась в его руках.

— Хани, подожди, нам надо поговорить...

— Нет, не надо. — Я освобождаю пуговицу на его джинсах и быстро расстегиваю молнию, пока он не успел озвучить мне все причины, почему это плохая идея. Мне кажется, что это самая лучшая идея, что у меня была, с тех пор, как мы сделали это впервые. Я запускаю руку в его джинсы и оборачиваю ладонь вокруг его твердого члена.

Он шипит, и его голова отклоняется назад. — Хани...

— Займись со мной любовью, Блэйк. Пожалуйста. Ты мне нужен.

— Ты... У тебя травмы.

— Я в полном порядке. Я здесь, в твоих руках. Я хочу тебя. — Я крепче сжимаю руку, и дрючу ему.

Я слышу, как его сопротивление ослабевает, когда, весь воздух покинул его тело в одном долгим выдохе. Он резко поднимает меня и упирает в стену. У меня не остается выбора и приходится отпустить его член, который теперь прижимается там, где я больше всего его хочу.

— Ты забыла одеть трусики под этот носовой платок, что на тебе, — говорит он с рычанием.

— Забыла? — я улыбаюсь ему застенчиво. — Не нежничай со мной.

Он резко входит в меня, и я кричу от удовольствия, от боли, от жжения, и от абсолютного права иметь его там, где положено. Я надеюсь, он понимает, что я не собираюсь его отпускать.

— Хани, Боже, Хани...

Он грубо шепчет эти слова, они электрическими разрядами расходятся по мне.

— Я так люблю тебя, Блэйк, и всегда буду. Нет ничего, что заставит меня, тебя разлюбить.

После этого больше нет слов, мы двигаемся вместе в идеальной гармонии. Он добирается до точки нашего соединения и приводит меня к взрывному финишу. Он здесь вместе со мной, бушует внутри меня снова и снова, пока не провисает подо мной, тяжело дыша и крепко прижимая меня к себе.

Я беру его лицо в руки и целую его везде, куда могу дотянуться, надеясь, что люблю его достаточно за нас обоих. Я очень боюсь того, что произойдет дальше, так что я покрепче сжимаю ноги вокруг его талии, и пока я удерживаю его, как якорь, он не сможет сбежать. Моя лодыжка очень болит в этой позе, но я стараюсь ее полностью игнорировать.

Говоря мягко, я полностью открываю ему сердце:

— Я хочу жить здесь с тобой. Я хочу помочь вернуть тебе это место к жизни. Я хочу вернуть тебя к жизни. Я хочу то кольцо, что ты надел на мой палец, и жизнь, которую ты просил разделить с тобой. Я хочу прожить эту жизнь бесстрашно, не застряв в прошлом, которое мы не в силах изменить, как бы сильно мы этого не желали. Я хочу светловолосых детишек с тобой, курочек на заднем дворе и лошадей в сарае. Я хочу сад, где мы будем выращивать клубнику и зеленые бобы, огурцы и помидоры. Я хочу летние дни в яме для купания, и зимние ночи в нашей постели в этой комнате, которую мы сделаем своей. Я хочу праздников и дней рождений. Я хочу готовить на вынос и семейных обедах. Я хочу хорошие времена, плохие времена, радость и боль, и любую вещь с тобой. Только с тобой.

Он молчит так долго, что я начинаю бояться, что сделала не достаточно, чтобы убедить его.

Затем он поднимает голову с моего плеча, и смотрит мне в глаза:

— Я бессилен. Я не могу сопротивляться тебе, Пчелка Хани. Бог знает, я пробовал.

— Перестань пробовать. — Я смотрю ему в глаза. — Мне жаль, что авария напомнила тебе слишком много вещей, которые ты хотел забыть. Но это не твоя вина, что я пострадала.

Скажи мне, что ты знаешь об этом.

— Я еще не пришел к этой стадии.

— К счастью, у нас впереди целая жизнь вместе, чтобы ты туда пришел.

— У меня есть это темное место внутри меня, Хани. Я не могу предугадать, когда оно снова затащит меня вниз.

— Не нужно предугадывать. Я буду там, чтобы поднять тебя из темноты.

Он поглаживает пальцами мои щеки.

— Извини, что ушел от нас.

— Ты не далеко ушел.

— Ты всегда придешь за мной, если я забуду вернуться домой?

— Можешь на это рассчитывать.

Он зарывается лицом в мою шею.

— А когда мы поссоримся, ты попросишь меня трахнуть тебя, чтобы вернуть нас на правильный путь?

— Конечно, попрошу. Это срабатывает каждый раз.

Его смех — самый милый звук, что я когда-либо слышала, но потом он перекрывает эту мимимишность своим голосом:

— Я люблю тебя, Росинка Хани — дынька. И всегда буду любить.

Год спустя....

Хани

Я использую свои новые декорации для этой особенной фотосъемки. Это фото я сделала той ночью, когда Блэйк и я ездили к Митчеллу Флетту посмотреть Волшебные Огни Марфы, или призрачные огни. Люди по-разному их называют, но они всегда волшебные для меня. Этим фото я покрыла почти всю стену в моей студии.

Годами я сняла сотни, а может и тысячи фото огней, но той особенной ночью у меня получился лучший кадр. Он является фоном моей первой фотосессии крошки-девочки Мэтта и Джулии, Грейс, которой уже три месяца от роду, она одета в костюм кактуса, который я сделала специально для нее, так что фото будут уникальными, как и она.

Джулия светится счастьем, когда помогает Скарлетт и мне усадить ребенка в реквизит, который художественно будет держать ее на месте для фотографии. К моменту, когда мы закончим, Грейс будет казаться одним из огней в пустыне, что окружают наш городок в Восточном Техасе.

Грейс в хорошем настроении, улыбается в камеру, как прирожденная модель.

— Она выглядит так естественно, — говорю я ее маме.

— Ты, наверное, всем детям это говоришь, — говорит Джулия.

Я немного поправляю свет.

— Поверь мне, не всем.

— Поверь мне, не всем, — говорит Блэйк, присоединяясь к нам, охватывая меня рукой сзади и целуя в щеку. — Я боялся, что у нас никогда не будет своего, потому что она работает со столькими капризными детьми. — Он собственнически расправляет руку поверх моего размера с баскетбольный мяч животика, посылая приятные ощущения по всему моему телу. Его собственническое поведение все еще мгновенно меня возбуждает.

— Привет, — говорю я, улыбаясь своему красивому мужу, который теперь приходит ко мне каждую ночь после работы, а не в бар, как раньше. Мы женаты уже десять месяцев, и живем последние шесть месяцев в нашем доме мечты на ферме. Из-за того, что я не могла расстаться со своим домом, нам пришлось сдавать бабулин дом туристам, которые посещают город во время различных фестивалей и художественных выставок. Я никогда не представляла, что такое счастье существует, и естественно, никогда не думала, что отыщу его для себя. Предложение ему — лучшая вещь, что я делала в жизни, оба раза.

— Ты немного времени проводишь на ногах, правда?

— Неа. Грейс слишком упрощает мне жизнь.

Лорэн прорывается сквозь входную дверь, Гаррэтт входит через заднюю дверь. Мы все еще не уверены, вместе они, или нет, но они часто оказываются в одних и тех же местах, в одно и то же время, даже если используют разные двери.

— Мы это пропустили? — спрашивает Лорэн, расцветая, когда видит Грейс в костюме кактуса. — О мой Бог! Она самый симпатичный ребенок.

Мы все так думаем, наверное, потому, что она первый ребенок, рожденный в нашей группе друзей, и мы поражены. Я не могу дождаться прибавки в семействе, когда наш

ребенок родиться через неделю или две.

— Посмотри на эту улыбку, — говорит Гаррэтт, ослепленный малюткой. Мэтту он говорит — Надеюсь, у тебя есть палка, чтобы отгонять от нее парней.

Мэтт хмурится.

— Ей не разрешено ходить на свидания, пока ей не исполнится сорок.

Мы все фыркаем от смеха. Наш смех умиляет Грэйс, и я успеваю поймать каждую улыбку фотоаппаратом. Если бы каждая съемка проходила так гладко, как эта.

— Думаю, мы закончили.

— Так быстро? — спрашивает Джулия.

— Ага. Твоя дочь — звезда, и она превосходно справилась.

Джулия берет ребенка на руки, пока все остальные собираются у огромного монитора на моем столе, чтобы посмотреть на фотографии.

Ее родителям сносит крышу от снимков.

— Я не знаю, как ты это делаешь, Хани, — говорит Джулия, и звучит, как будто она плачет, — но выглядит она, как будто и правда сидит в пустыне с огнями позади нее.

— В этом вся задумка.

— Невероятно, — говорит Мэтт.

— Я так рада, что вы счастливы.

Джулия обнимает меня.

— Я не могу достаточно отблагодарить тебя за эти бесценные воспоминания. Мы будем хранить эти фотографии, как сокровища.

— Оу, перестань. Я сейчас расплачусь.

— Многого не надо, — замечает Блэйк, остальные снова смеются.

Я улыбаюсь ему, а яростная любовь, которую я вижу в его глазах, лишает меня воздуха. Борьба за него была лучшим, что я сделала, и с тех пор я пожинаю плоды.

— Я угощаю всех ужином, — говорит Мэтт.

После некоторых споров мы решаем пойти в Планета Марфа.

— Мы присоединимся к вам, — говорит Блэйк, — я помогу Хани приготовить студию к завтрашней съемке.

— Мы придержим вам места, — говорит Скарлетт.

Когда мы остаемся одни, Блэйк обнимает меня, и притягивает к себе.

— Вот. То, что мне нужно.

— Лучше, чем пиво после работы?

— Лучше, чем что-либо когда-либо.

Я беру его ладонь и накрываю ее своей у меня на животике.

— И скоро станет еще лучше.

— Спасибо за эту невероятную жизнь, что ты мне даешь, Медовый Месяц.

Я крепко держусь за него, мое сердце, моя душа, моя скала, моя любовь, мое все.

— И только подумай, мне понадобилось всего шесть маленьких слов.

— Шесть маленьких слов, которые изменили все.

Больше книг на сайте - Knigolub.net